

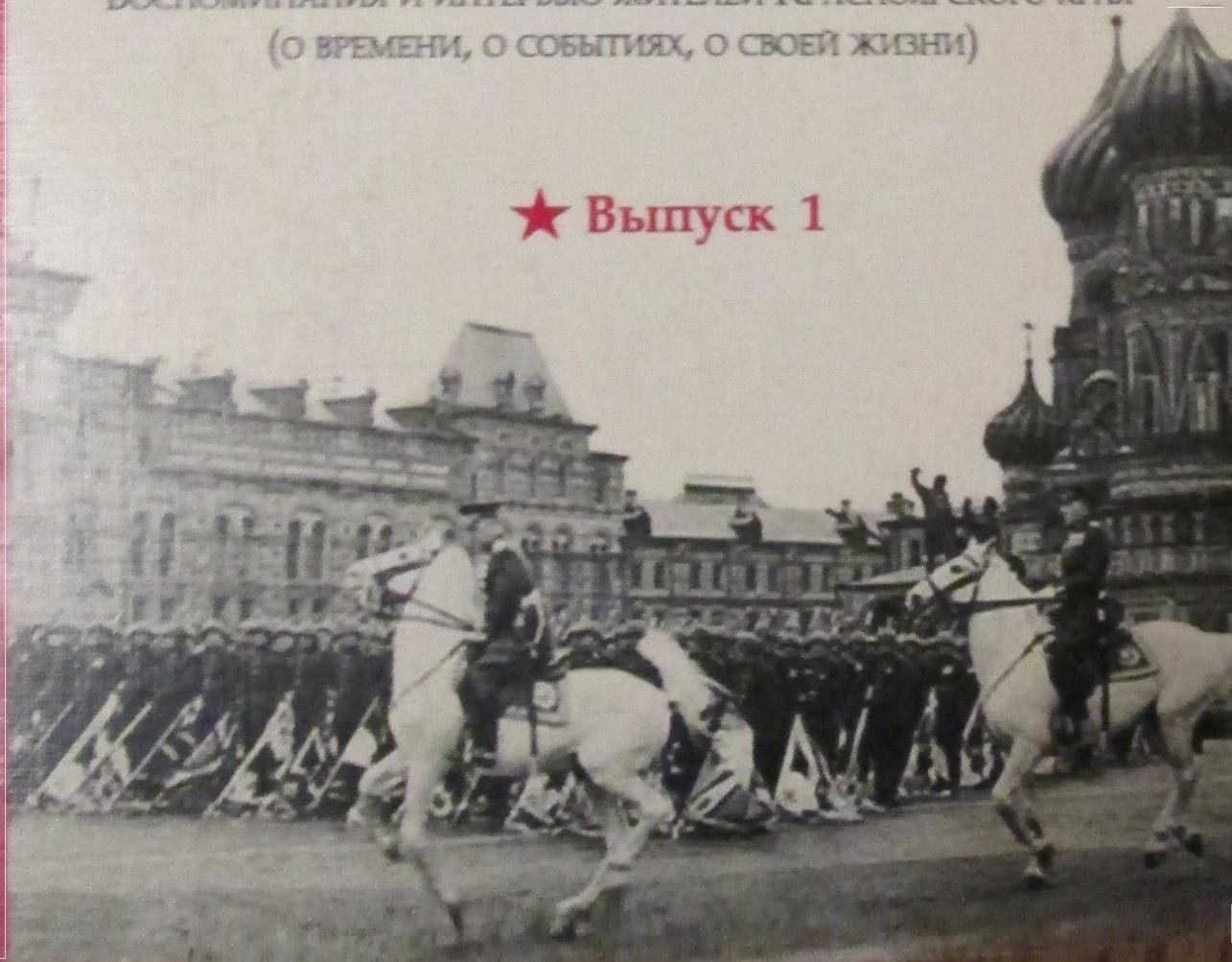

Посвящается 65-летию Победы
в Великой Отечественной войне

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕЛОВЕК В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ХХ ВЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
(о времени, о событиях, о своей жизни)

★ Выпуск 1

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕЛОВЕК
В ПОВСЕДНЕВНОСТИ
XX ВЕКА**

Воспоминания и интервью жителей Красноярского края
(о времени, о событиях, о своей жизни)

**Посвящается 65-летию Победы
в Великой Отечественной войне**

Выпуск №1.

*Xрестоматия по истории России XX века
для студентов гуманитарных факультетов*

Красноярск

2010

ББК 63.3(2)622

У 808

Главный редактор:

Дроздов Н.И., д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

Андюсов Б.Е., канд. ист. наук, доцент (отв. ред.)

Ценюга И.Н., канд. ист. наук, доцент

Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент

Степанова В.С., студентка V курса КГПУ им. В.П. Астафьева

У 808 Устная история: человек в повседневности XX века. Воспоминания и интервью жителей Красноярского края (о времени, о событиях, о своей жизни). Посвящается 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: хрестоматия по истории России XX века для студентов гуманитарных факультетов, вып.1. Выпуск.1. / Гл. ред. Н.И. Дроздов; отв. ред. Б.Е. Андюсов; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2010. – с. 281.

Устная история – актуальное и сравнительно новое направление исторической науки, позволяющее перейти от изучения «великих людей и событий» к «истории повседневности», микроистории, истории «маленького» человека. Данные исследования позволяют решать проблему формирования и сохранения субъективных источниковых материалов в виде воспоминаний, запечатленных в форме рассказа, интервью, личных записок. В ходе реализации проекта формируется банк источников по истории XX века на основе записок и дневников, интервью, воспоминаний, личных документов.

Цель проекта реализуется на основе поисково-исследовательской деятельности группы преподавателей и студентов. Проект направлен на активное вовлечение ученых-историков, краеведов, студентов, учащихся в создание устной истории Красноярского края XX века.

Большинство текстов документов, воспоминаний, интервью даны без фактической и стилистической правки, с сохранением аутентичности рассказов.

Хрестоматия предназначена для использования в учебном процессе на практических занятиях, написания курсовых и дипломных работ, самостоятельной работы студентов гуманитарных факультетов вузов. Издание осуществлено при финансовой поддержке гранта КГПУ 2009 г. Проект № 33-09-2/МП.

Руководитель проекта: Андюсов Борис Ермолаевич. Исполнители проекта: преподаватели, студенты и аспиранты КГПУ им. В.П. Астафьева.

ББК 63.3(2)622

© Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева, 2010

© Андюсов Б.Е., Ценюга И.Н., Толмачева А.В.,
Степанова В.С., составление, 2010

ISBN

Введение

Людские судьбы в повседневности советской эпохи

Устная история – это достаточно новое направление исторической науки. Она отвечает потребности исследователей перейти от изучения «великих людей и событий» к «истории повседневности», истории «маленького» человека. Тем самым в центр исследования ставится субъект истории, ценность любого человека независимо от происхождения и социального статуса. Интерес научного мира к устной истории обусловлен возможностями межпредметного подхода в процессе анализа и интерпретации устного повествования респондента. Воспоминания, запечатленные в форме рассказа, интервью, личных записок, помогают осмыслить прошлое и понять настоящее. Казалось бы, достаточно широкий круг традиционных источников на самом деле значительноуже вследствие отторжения от «обыденной» информации о частной жизни, рядовых событиях, неприметных судеб простых людей. Поэтому устная история – это попытка сохранить личную и коллективную память, зафиксировать ценности уходящей культуры, красоту и гармонию человеческой личности во всех жизненных проявлениях.

Как отмечает исследователь М.Б. Шейнфельд, «в 90-х гг. в методологию истории включаются принципиально новые категории познания в связи с динамичным процессом освоения достижений мировой исторической и философской мысли. Это – человек как центр истории и человеческое измерение прогресса в истории, ментальность общества и изучение своеобразия исторических социумов, исследование наряду с социально-классовой дифференциацией форм социальной солидарности, первостепенное значение в истории духовно-нравственных и социально-психологических начал».

Появление «микроистории» и «истории повседневности», как новых направления в исторической науке, во многом обусловлено потребностями общества: образовательными, мировоззренческими, психологическими. Мы должны отдавать себе отчет, что данные направления исследований относятся к «периферии» науки, носят вспомогательный характер и раскрывают отдельные аспекты исторического процесса, поэтому нельзя не преувеличивать, не преуменьшать её значение в вузовском и школьном образовании. Прежде всего, с позиций традиционной методики студент часто использует результаты полевых контактов с носителями информации историко-этнографического характера для написания курсовых и дипломных работ. Особенно часто источниковые данные респондентов встречаются в работах по тематикам социокультурной истории крестьянских обществ Сибири и края второй половины XIX – XX вв.

Выразительность субъективной оценки события неимоверно важна для анализа категорий единичного и общего. Без устных свидетельств историк мало что может узнать, например, о контактах обычной семьи с соседями и родственниками, об отношениях внутри неё. Крайне важны сведения о роли мужа и жены в традиционной патриархальной семье, о воспитании девочек и мальчиков, об истоках материальных конфликтов, об извечной проблеме «отцов и детей», о поведении в среде молодежи и в браке.

История, услышавшая голос «маленького» человека, становится демократичнее. Социокультурный потенциал человечества дополняется конкретным жизненным опытом и повседневными достижениями простых людей. При этом неповторимый человеческий голос или авторские записи воспоминаний придают описанию прошлого жизненную правдивость и непосредственность, оживляют колорит времени. Устная история помогает пожилым людям обрести достоинство и уверенность, способствует контактам с молодежью. При соприкосновении с человеческими судьбами приходит понимание важности личной и семейной истории, семейной памяти

многих поколений. Без устных свидетельств историку сложно вникнуть в социальную психологию поколения, представители которого, умудренные жизнью и опытом, уходят из нашего общества. Постижение живой истории предков, приобщение к ценностям сибирского края воспроизводит связь поколений.

Повседневность – целостный социокультурный мир, предстающий в функционировании общества как «естественное» условие человеческой жизнедеятельности. Обращение к истории на основе документов повседневности дает возможность взглянуть на привычные сюжеты и проблемы под новым углом зрения. Свидетельства устной истории позволяют конкретизировать учебный материал, создавать конкретные образы изучаемой эпохи, развивать аналитическое и дедуктивное мышление.

Методические рекомендации

Подготовка учителя для профильного обучения требует кардинального изменения организации учебного процесса с существенным увеличением доли самостоятельной исследовательской работы студентов. Новое обучение предполагает не столько «фактологическое» расширение знаний за счет учебной литературы, сколько использование документов источникового характера для практической отработки методов исторического исследования. В современных условиях главной задачей образования становится не «овладение суммой знаний», а развитие творческого, самостоятельного мышления обучаемых, формирование умений и навыков самостоятельного поиска, анализа и оценки информации. Для решения такой задачи недостаточно только учебника или традиционной хрестоматии. Лишь активное приобретение собственного опыта познания, самостоятельное приобретение новых знаний на основе применения нестандартных источников может отвечать потребностям обучения будущего учителя=гуманитария.

Традиционные модели обучения истории обращаются к источникам,

размещенным в учебниках или хрестоматиях. Однако набор их ограничен объемом печатных пособий, а выбор тех или иных из них определяется симпатиями и антипатиями составителей. Тем не менее традиционные виды источников выступают необходимой составляющей учебно-методического комплекса дисциплины. Их содержание органически включается в систему формируемых исторических знаний. В процессе работы с ними обучаемые приобретают навыки переноса умений работы с источниками на работу с материалами устной истории.

Хрестоматия по устной истории, истории повседневности как учебная книга представляет собой сборник личных авторских документов в виде воспоминаний, интервью, подлинного текста личного фронтового дневника, автобиографии в рассказах и т.д. Многие документы представлены в виде отдельного фрагмента жизни, участия в войне или работе в тылу в период войны. Ряд источников дают картину целостной жизни человека на фоне меняющихся экономических и политических реалий в стране на протяжении многих десятков лет.

Данное издание предполагает целый ряд направлений работы студентов и преподавателей.

Содержание хрестоматии может быть использовано на практических занятиях, для самостоятельной работы, написания курсовых и дипломных работ. Важное место, в отличие от традиционной хрестоматии, здесь занимает работа по составлению библиографических приложений-справок к конкретным документам, кратких или развернутых комментариев источника, составлению справочного аппарата бытовавших в данный период выражений, терминов или слов традиционного словаря сибирских диалектов.

Одним из заданий для самостоятельной работы может быть анализ источника в историческом значении – как источника знания о советском периоде на периферии «Большой истории» страны. Внимательное прочтение документов поможет понять, как трудились в колхозе или на заводе, как

обустраивали быт, как одевались, как вели себя дома и «в миру», каковы были взаимоотношения между членами семьи, представления о нормах жизни, о «правильном» и «недопустимом»; что считалось «само собой разумеющимся», а что не соответствовало общепринятым нормам морали, права или советской идеологии, как происходила их эволюция.

На основе комплексного изучения источников хрестоматии можно предложить студентам составить социоментальный портрет человека на фронте и в тылу, в довоенное или послевоенное время и пр. Это может быть составление перечня характеристик солдата или офицера в экстремальной ситуации, рабочего или колхозника, учащегося советской школы.

Изучение студентами аспектов социальных ценностей и их иерархии можно осуществить на основе личного восприятия авторами воспоминаний таких слов, как «следует», «должен», «необходимо», «рекомендовано», «приказано», «так было принято» и пр. После проведенного анализа воспоминаний и текстов студент может дать классификацию сведений:

биографических – о рождении, браке, разводе, смерти, родословных; трудовой и общественной деятельности – место и характер работы, профессия и квалификация, должность и звания, круг обязанностей и пр.

Весьма результативным для студента-историка будет отработка навыков составления предметного указателя по отдельным темам или периоду воспоминаний, сводных указателей именных, топонимических названий. Студент может проанализировать, как в источниках отражаются нормы и традиции жизни времени, города и деревни, взрослых и детей, представителей различных социальных групп.

И наконец, обращение к документам устной истории создает основу организации поисково-исследовательской деятельности студентов по сбору, анализу и обобщению нового исторического источникового материала индивидуально, в малых группах, в виде совместных проектов, поэтому использование данного пособия должно стать отправной точкой для издания

последующих книг.

Для того чтобы разговорить собеседника, склонить его к написанию записок-воспоминаний, необходимо освоить азы психологической эмпатии, сложные навыки межпоколенной коммуникации. Собирать источники личного происхождения, документы, фотографии из личных и семейных архивов, вести интервью, фиксировать воспоминания – это достаточно кропотливая, психологически сложная работа, требующая понимания, терпения и чуткости.

Результаты поисковой работы отражены в содержании хрестоматии в виде воспоминаний людей сложной судьбы, испытавших тяготы войны на фронте и в тылу, репрессий и потерь, переживших тяжкое детство и юность, сложные коллизии и драмы в профессиональной и личной сферах, но сохранивших чистоту и благородство души.

Настоящая хрестоматия в качестве пособия для гуманитарных факультетов педагогических вузов призвана способствовать более глубокому и прочному усвоению явлений и событий отечественной истории XX века, особенностей общественного развития в Приенисейском регионе (Красноярском крае) и может широко использоваться в учебной работе.

Анджусев Б.Е., канд. ист. наук, доцент

«УСТНАЯ ИСТОРИЯ». ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ

Устная история как метод междисциплинарного исследования

В истории и обществоведческих науках одним из динамично развивающихся направлений исторических исследований новейшего времени является устная история. Устная история может быть способом преобразования как содержания, так и цели истории. С ее помощью можно изменить фокус исторической науки, инициировать новые направления исследований. Она способна сломать барьеры между учителями и учениками, между поколениями, между образовательными учреждениями и внешним миром. При фиксации исторического знания устная история может вернуть людям, делавшим и переживавшим историю, центральное место в ней, давая им возможность заговорить в полный голос¹. Предмет устно-исторического подхода — жизни отдельных людей — основан на устной речи и не требует особого литературного дара².

«Устная история — многозначное понятие, включающее процесс формирования исследователем нового источника на основе опроса очевидцев исторических событий и их интерпретации»³. В настоящее время

¹ Томпсон. П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2003.

² Там же.

³ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 11.

употребление термина «устная история» вызывает обоснованную критику за неточность и двусмысленность. Так, Д.П. Урсу считает, что термин нельзя признать удачным, поскольку грань между устной речью и записанным словом достаточно условна: «Куда, например, отнести устные показания участников тех или иных событий, дошедшие до современности только в записи?». В то же время исследователь признает, что «пока трудно найти более удачное слово, чтобы обозначить тот массив разнообразных источников, где информация облечена в словесно-речевую форму, мало или вовсе не фиксируется письменностью»⁴.

Ряд зарубежных авторов считают более предпочтительными понятие «устные источники» или выражение «история в устных источниках»⁵. Российские историки также предлагают использовать традиционное для отечественной науки понятие «устные источники» или, по крайней мере, сводят к его значению смысл понятия «устная история», расходясь в определениях последнего. Например, для С.О. Шмидта устная история представляет собой «записанные на магнитную пленку свидетельства участников и очевидцев событий». При этом под устной историей понимается не любая устная речь, а зафиксированные специалистами свидетельства с целью получения и сохранения исторической информации⁶. Другой отечественный историк, А.Я. Гуревич, определяет устную историю как «запись того, чему свидетелями были те или иные лица, не обязательно профессиональные историки, но, прежде всего, рядовые участники исторического процесса, на памяти которых происходили события не только их личной или групповой жизни, но и большой истории»⁷.

⁴ Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории, 1989. М., 1989. С. 4–5.

⁵ См.: Современная мировая историческая наука: информационно-аналитический обзор (по матер. XVIII Междунар. Конгр. историков и X Междунар. Конф. «История и компьютер». Монреаль, август– сентябрь 1995 г.). Минск, 1996. С. 188.

⁶ См.: Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 314.

⁷ Гуревич А.Я. Апории современной исторической науки: мнимые и подлинные // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998. С. 234.

Отдельные отечественные авторы подменяют термин «устная история» понятиями «устные свидетельства», «феноисточники» или «устные исторические традиции». Все эти понятия не отражают специфики устной истории как определенного научного направления. Е.Ф. Кринко полагает целесообразным использовать термин «устная история» именно в более точном смысле, подразумевая под этим особый вид исследований с присущими ему не только источниками, но предметом и методами изучения⁸.

В силу этого, вопросы, связанные с классификацией устных источников, играют важную роль в их использовании. Обычно специалисты выделяют два пласта в содержащейся в устных источниках информации. Первый – архаичный, уходящий корнями в глубокое прошлое, представляет собой живую историческую традицию и своеобразную форму передачи социального опыта. Второй пласт, меморатный, представлен воспоминаниями очевидцев и участников событий, прежде всего, недавнего прошлого. Нередко виды устных источников выделяются по их жанру: воспоминания, устные рассказы, легенды, народные частушки, песни и другие. Своеобразную классификацию устных исторических источников предложил бельгийский ученый, профессор Висконсинского университета Ян Вансина, разделивший их на три группы: передаваемая из поколения в поколение устная традиция, показания очевидцев и слухи.

Исторические источники относятся к группе источников личного происхождения. Е.С. Сенявская говорит, что устный источник является сочетанием «такого традиционного источника, как мемуары, с методикой социологических исследований, прежде всего интервьюированием»⁹. Устная история дает нам источники, весьма напоминающие опубликованные автобиографии, но в гораздо более широком масштабе. Специалисты по устной истории могут точно определить, кого им интервьюировать и о чем

⁸ Подробнее по этому вопросу см.: Кринко Е.Ф. Устная история, ее проблемы и возможности // Вопросы теории и методологии истории: сб. науч. тр. Вып. 3. Майкоп, 2001. С. 37–48.

⁹ Сенявская Е.С. Психология Великой Отечественной войны: источникование проблем // Человек в истории России – XX век: сб. метод. мат. для внеклас. работы. М., 2003. С. 40.

спрашивать. Интервью к тому же является методом выявления письменных источников и фотографий, которые невозможно обнаружить иным путем. Исследователи устной истории теперь могут мыслить «по-издательски»: подумать, какие сведения им нужны, отыскать и получить их¹⁰.

Сибирский историк Т.К. Щеглова говорит о том, что «одной из сложных методологических проблем развития устной истории на современном этапе является выбор одного из двух сформировавшихся в международной практике подходов к ней». При первом подходе устная история представляется как возможность «обойти» историческую интерпретацию, выйти «прямо в прошлое». Она развивается в русле документалистики и носит накопительно-архивный, информационный характер. Назначение устного источника – помочь человеку соприкоснуться с прошлым без посредников-историков¹¹. По мнению сторонников второго подхода, устный исторический источник содержит одновременно историческую информацию и «определенную оценку событий», поэтому отношение к устной истории как к форме исторического анализа (подмена научного анализа народной интерпретацией, бытовым толкованием) придает устным свидетельствам «нечто прямо противоположное истории – альтернативный ей способ познания прошлого»¹².

В целом, в последнее время устная история, следя теории социальной памяти, была развита до комплексно аргументирующего исследовательского направления. Своим методическим инструментарием она пытается реконструировать коллективные следы и фрагменты памяти, оставленные определенными историческими событиями в сознании тех или иных действующих лиц¹³. Другими словами, главная ценность устных источников заключается не в информации о самих событиях прошлого, а в том, как они

¹⁰ Томпсон П. Голос прошлого. Устная история

¹¹ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. ... С. 15.

¹² Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена» // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 52–65

¹³ Циманн Б. Результаты и противоречия культурной истории. Некоторые замечания // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского союза. 1920–1950-е годы).: Мат. междунар. науч. конф. Харьков, сентябрь 2003 г.: Сб. докл. Харьков, 2004. С. 337.

отражаются в общественном сознании. Поэтому устная история остро ставит намеченную еще И.Д. Ковальченко проблему выявления содержащейся в источнике скрытой информации¹⁴.

Устные источники позволяют зафиксировать уникальную информацию, непередаваемую другим путем. Если письменные источники официального происхождения чаще всего отражают историю государства и его институтов, то устные источники обращаются к истории народа, причем позволяют сделать это глазами очевидцев происходивших событий. Прошлое живет в настоящем разными способами, поэтому суждения о событиях, которые сами по себе есть лишь изображения прошедшего, также могут быть видом действия. Тем самым истории возвращается человеческое измерение.

Устные источники имеют особое значение при создании локальных и региональных исследований, в изучении вопросов традиционной культуры и быта народа, личной истории и социально-психологических вопросов. Использование устных источников не только позволяет исторической науке ставить и изучать новые проблемы, но и раздвигает ее исследовательские горизонты в целом. Поэтому перспективы развития устной истории определяются не ее противостоянием с традиционной историографией, а, напротив, их тесным сотрудничеством и взаимодействием при сохранении относительной самостоятельности. Для большинства направлений исторических исследований устная история означает определенное «смещение фокуса», например для специалиста по социальной истории — от политиков и бюрократов собственно к проблеме бедности. В некоторых отраслях устная история позволяет не только изменить угол зрения, но и открыть новые важные направления для исследования. Так, историки рабочего движения получают возможность изучать повседневную жизнь на производстве и ее воздействие на семью и общество¹⁵.

¹⁴ См.: Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (К постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3.

¹⁵ Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. ... С. 15,17-19.

Устная история отлично подходит для работы по проектам, как групповым, так и осуществляемым отдельными учащимися или студентами образовательных учреждений различных типов. В любом уголке страны в изобилии найдутся темы для исследования: история местной промышленности или ремесел, социальные отношения в конкретном сообществе, культура и диалекты, изменение гендерных ролей на работе и в семье, воздействие войн и забастовок и т.д. Во всех этих областях проект по устной истории продемонстрирует связь исторического исследования с сегодняшним днем, если речь идет об исторических корнях какой-то современной проблемы¹⁶.

Устная история — это история, построенная вокруг людей. Она наполняет жизнью историю как таковую и расширяет ее масштаб. Она позволяет найти героев не только среди вождей, но и среди бывшего большинства. Она побуждает преподавателей и студентов к совместной работе. Она привносит историю внутрь сообщества, чтобы затем сделать ее общим достоянием. Она помогает наименее защищенным людям, особенно старики, обрести достоинство и уверенность. Она способствует контактам — а значит, и взаимопониманию — между социальными классами и между поколениями. А отдельным историкам и тем, с кем они делятся мыслями, она дает ощущение принадлежности к определенному месту и времени. Наконец, что не менее важно, устная история бросает вызов общепризнанным историческим мифам, авторитарности суждений, заложенной в научной традиции. Она способствует радикальному преобразованию социального смысла истории.

Генезис понятия

Развитие исторической науки в XX столетии привело к появлению целого ряда новых направлений, одним из которых стала устная история. Как современная технология сбора исторических источников и самостоятельное

¹⁶ Там же.

научное направление *oral history* сложилась после Второй мировой войны. Еще в 1938 г. профессор Колумбийского университета, специалист по истории Гражданской войны в США Аллан Невинс призвал своих коллег создать организацию, «которая систематически собирала бы и записывала устные рассказы, а также мемуары видных американцев об их участии в общественной, политической, экономической и культурной жизни страны за последние шестьдесят лет»¹⁷. Весной 1948 г. по его инициативе был создан Кабинет устной истории для записи мемуаров людей, сыгравших значительную роль в жизни Америки. Уже к 1971 г. сотрудники Кабинета собрали две с половиной тысячи записей бесед с различными лицами общим объемом почти в 350 тыс. страниц. Но Невинс, первым введший в научный оборот термин «устная история», понимал под ней сбор и использование воспоминаний участников событий, и только впоследствии термину придали расширительную трактовку, обозначая им как различные виды устных свидетельств о прошлом, так и исследования, написанные на их основе.

Появление устной истории было обусловлено рядом факторов:

во-первых, развитием звукозаписывающей аппаратуры (по выражению Д.П. Урсу, устная история – «дочь современной научно-технической революции»)¹⁸. Первый звукозаписывающий прибор (фонограф) был изобретен в 1877 г., а система записи на стальную проволоку – в самый канун XX столетия. К началу 1930-х гг. значительно усовершенствованный аппарат уже годился для использования на радио, через десятилетие появилась магнитофонная лента и бобинные магнитофоны; в начале 1960-х гг. были разработаны и кассетные магнитофоны;

во-вторых, методологическими поисками в историографии, находившейся под влиянием философии экзистенциализма, постмодернизма и традиций социальной истории. Устная история представлялась одним из

¹⁷ Бэрг М. Устная история в США // Новая и новейшая история. 1976. № 6. С. 213.

¹⁸ Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории ... С. 16.

перспективных направлений исторической науки, позволявшим ей оставаться, по словам П.В. Накета, «наукой о Человеке во времени»¹⁹.

Отражая своеобразный протест против «застывшей» академической истории, основанной на письменных источниках, устная история получила широкое распространение в западной историографии, а с начала 1990-х годов – и в российской. Сегодня в рамках данного направления издается целый ряд журналов – это и, прежде всего, английские «Орал хистори» и «Журнал Устно-исторического общества» и американский «Орал хистори ревью», журналы Канады, Австралии и Бразилии. С 1997 г. на трех языках выпускает свой журнал «Уордс энд сайленсиз» («Слова и молчание») Международная устно-историческая ассоциация.

Широко используемый термин «устная история» появился относительно недавно, и само его возникновение крайне важно для будущего. Но это не означает, что столь же ново и собственно понятие устной истории. На самом деле устная история возникла одновременно с историей как таковой, и была первой разновидностью истории.

Конечно, устные источники давно служили важным способом передачи информации о прошлом. Передаваемые из поколения в поколение мифы и эпические сказания, легенды и предания предшествовали письменной истории, выступая самой ранней формой исторического сознания общества. Но и с появлением письменности устные источники оставались важными свидетельствами прошлого. В V в. до н.э. «отец истории» Геродот активно расспрашивал очевидцев описываемых им событий греко-персидских войн, а Фукидид использовал устные источники при написании «Истории Пелопоннесской войны». При этом греческий историк признавался, что «изыскания были трудны, потому что очевидцы отдельных фактов передавали об одном и том же не одинаково, но так, как каждый мог

¹⁹ Современная мировая историческая наука ... С. 189.

передать, руководствуясь симпатией к той или другой из воюющих сторон, или основываясь на своей памяти»²⁰.

В начале VIII в. средневековый монах-летописец Беда Достопочтенный в предисловии к «Церковной истории народа англов» в отношении истории большинства провинций полагался на устные предания, особенно доверяя сведениям свидетелей родной Нортумбрии. Это доверие к устным свидетельствам разделялось историками по XVIII в. включительно. Так как просветитель Вольтер довольно скептически относился к «абсурдным мифам» устной традиции далекого прошлого, для своих трудов собирал не только документальные, но и *устные свидетельства*.

В XIX в. устные источники привлекали в большей степени литераторов, чем историков. Одним из приверженцев устной традиции был Вальтер Скотт, в 1802–1803 гг. вместе с Робертом Шортридом составивший сборник «Песни шотландской границы». Известный романист значительный вклад в такую новую форму написания истории, как *исторический роман*, лично собирая большинство необходимых для своих произведений устных свидетельств. Чарльз Диккенс намеренно сделал местом своих произведений Лондон, знакомый по детским воспоминаниям, а когда трудно было полагаться на устные свидетельства, проводил специальные полевые исследования. Во Франции Эмиль Золя собирал материалы для романа «Жерминаль» (1885 г.), общаясь с шахтерами из Монса.

С конца XVII в. получил быстрое развитие такой жанр, как *биографические мемуары*, где использование устных источников всегда было признанным методом. Самый знаменитый труд в этом жанре – «Краткие жизнеописания» Джона Обри, получившие известность при жизни автора, но опубликованные лишь спустя 200 лет – в 1898 г. Более поздним примером может служить «История и традиции Дарвена и его жителей» – стенографическая запись рассказа старожила, сделанная редактором местной

²⁰ Фукидид. История. Т. 1. М., 1915. С. 16.

газеты Дж. Г. Шоу и опубликованная в 1889 г. Еще одним феноменом стало значительное распространение в XIX в. разнообразных *автобиографий* английских рабочих. Аналогично шел процесс во Франции, тогда как в Германии в XIX в. не возникла традиция социального романа или рабочих автобиографий. Лишь в 1904 г. социалист Пауль Гере выпустил серию автобиографий простых людей.

В XIX в. быстрыми темпами пошло развитие *полевых исследований*. Если «исследовательская» поездка в колонии стала специализацией антропологов, то *опрос* – социологов, работающих с «современными» обществами. Сначала опросы были делом независимых филантропов и газет. Но когда во Франции, напуганной революционными событиями 1848 г., был предпринят первый опрос рабочих, данные уже собирались через хорошо организованный аппарат на местах. В Германии материалы для социальных опросов, начатых в 1870-х гг., также всегда рассылались местным чиновникам, священнослужителям, учителям или землевладельцам.

В Англии был принят метод прямого сбора данных. Например, проводившиеся парламентом и королевскими комиссиями социальные исследования («Синие книги») также осуществлялись путем интервьюирования. В конце 1830-х гг. в ряде городов Британии уже существовали Статистические общества, которые проводили местные исследования условий жизни рабочих, впервые применив метод сплошного опроса. В 1840-е гг. возникла и альтернативная модель, представленная исследованиями, проводимыми газетами. В 1860-х гг. Х.Х. Банкрофт начал широкомасштабный сбор материалов для изучения истории недавней колонизации тихоокеанского побережья Калифорнии, для чего была мобилизована целая армия репортеров для бесед с людьми.

Все это создало прецедент, который был взят на вооружение не только журналистами, но и учеными. Например, в трудах Маколея, особенно в «Истории Англии» (1845–1855 гг.), наряду с материалами тогдашних

обследований, стихами и романами, дневниками и опубликованными воспоминаниями, в качестве источников используется и устная традиция. Другой пионер устной истории, Жюль Мишле, в своей «Истории Французской революции» (1847-1853 гг.) широко использовал устную традицию для уравновешивания официальных документов. Сибом Раунтри, развивая метод Чарльза Бута, основанный на «наблюдении изнутри», в исследовании «Бедность» (1901 г.) опирался на прямые интервью, хотя материал и был оформлен в духе традиционной статистики, без цитирования. Однако в более позднем труде «Безработица» (1911 г.) он наряду с таблицами уже весьма эффективно использовал прямые цитаты из записей интервьюеров. Один из членов исследовательской группы Бута Беатриса Вебб в монографии «Кооперативное движение в Британии» (1891 г.) и позднее, работая с мужем Сиднеем Веббом над «Историей тренд-юнионизма» (1894 г.) систематически собирала не только документальные, но и устные свидетельства. Супруги Вебб разработали метод периодических полевых исследований, арендую в этих целях на несколько недель жилье в каком-либо провинциальном городке²¹.

Однако со второй половины XIX в. ведущей тенденцией в рамках процесса профессионализации истории стала документальная традиция. Инициировал профессиональную подготовку историков немец Леопольд фон Ранке, чей научный семинар в Берлинском университете превратился в самый престижный в Европе центр. Официальный историограф прусского государства стал наиболее значимым представителем новой немецкой исторической науки, в основе которой лежала строгая критика источников. Под влиянием немецкой исторической школы сорбоннские исследователи К.-В. Лангла и Шарль Сейнобо начали свой классический учебник «Введение в изучение истории» (1898 г.) с категорического утверждения: **«Нет документов – нет истории».** Таким образом, развитие научной критики

²¹ Подробнее о предыстории этого направления см.: Томпсон П. Голос прошлого. Устная история ... С. 40-57.

источников, а затем утверждение позитивизма привели к установлению в историографии своеобразного «культа факта», опиравшегося на представления о безусловной достоверности письменного документа.

Ко второй половине XX в. идеальный момент для документального метода уже прошел. Даже Ланглуа и Сейнобо призвали к критическому анализу и сопоставлению различных источников для установления фактов. Их тезис повторил английский философ, археолог и историк Древней Британии Робин Джордж Коллингвуд в «Идее истории» (1946 г.). Один из основателей школы «Анналов» Марк Блок, сочетавший архивные поиски с изучением формы полей, географических названий и фольклора, много беседовал с крестьянами французской глубинки. Тем не менее устную историю можно считать сравнительно молодым явлением в историографии.

Постепенно роль устных рассказов в академической истории падает. Это происходило потому, что развивались методы исторического исследования, формировались государственные хранилища письменных источников. Исследователей переставал устраивать такой источник как устный, своей неточностью: при записи часть информации могла быть утеряна, или неправильно интерпретирована, рассказчик при приведении исторических фактов мог допускать неточности. Сначала историки перестали доверять устным источникам, а потом и вовсе отвергли их как таковые.

Со второй половины XX века начинается возрождение устных источников и устной истории, это связано с появлением звукозаписывающей техники²². Теперь рассказ очевидцев можно было записывать на пленку, таким образом исключалась погрешность исследователя – он мог вести просто беседу, пленка все фиксировала, и даже малейшая часть информации не могла быть утеряна. Это позволило превратить устную историю в профессиональную отрасль документалистики, источниковедения, архивоведения. Академическая история вновь признала устную историю.

²² Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история ... С. 12.

За рубежом устная история стала трактоваться как «создание новых документов при помощи записей интервью»²³. Есть несколько точек зрения на дату появления устной истории за рубежом. Т.К. Щеглова говорит, что она появилась в конце 1940-х гг. и связана с именем Аллана Нэвиса (проект по сбору интервью у известных политических деятелей для изучения дипломатической и политической истории)²⁴. Д.Н. Хубова пишет, что «только в США (не учитывая богатого европейского опыта) "устная история" впервые встречается за столетие до Нэвиса»²⁵, например: 1838 г. – Ш. Дайбл, 1844 г. – интервьюирование Л. Драпера, с середины 1890-х гг. – «устная история» мормонов Э. Енсена. Иными словами, Д.Н. Хубова указывает, что в середине XX в. термин «устная история» возрождается из научной мысли прошлого столетия.

Устная история становится альтернативой официальной истории, которая, как правило, исследует факты, а если и затрагивает личности, то в основном это влиятельные политики, военачальники, в общем, выдающиеся люди. Устная история исследует судьбы простого человека, жившего в определенную эпоху, понимание им происходящих исторических процессов. Например, в США стали записывать рассказы метростроевцев и представителей этнических меньшинств.²⁶ На современном этапе устоисторические исследования проводятся во всем мире, созданы центры устной истории при университетах, архивах, музеях, библиотеках. В 1970-е гг. историки-хронikerы объединились в Международную ассоциацию, которая с 1978 г. раз в два года проводит международные конгрессы по устной истории²⁷.

Согласно периодизации, предложенной американским исследователем Д. Дунавэем из университета Нью-Мехико, в развитии устной истории на

²³ Глюк Шерна. В чем особенности женщин? Устная история женщин // Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика: сб. ст. Бишкек, 2001. С. 27.

²⁴ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история ... С.12.

²⁵ Хубова Д.М. Устная история и архивы:... С. 18-19.

²⁶ Бэрг М. Устная история в США ... С. 213-216

²⁷ Кузнецов Н.П., Суринов В.М. Устная история в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений // Совет. архивы. 1980. № 1 С. 73-76.

Западе можно выделить несколько этапов. На *первом*, с 1950-х гг., исследователи, прежде всего, собирали материалы для создания биографий видных общественных и государственных деятелей, например в США. Во Франции члены департаментов исторических комитетов по изучению Второй мировой войны записывали сведения о руководителях движения Сопротивления, а в Мексике сотрудники фонда архивов Национального института антропологии собирали воспоминания руководителей мексиканской революции.

Второй этап, начавшийся в конце 1960-х гг., отличали попытки создания альтернативной истории, «истории народов без истории», т.е. истории народов, не имевших письменности. Хотя считалось, что только устные источники позволяют узнать «правду» о жизни народа, они обычно дополнялись письменными документами.

Переход от индивидуальных исследований к коллективным проектам в середине 1970-х гг. символизировал начало *третьего этапа*. В это время происходит институционализация устной истории: создаются Международный комитет устной истории и национальные ассоциации исследователей, собираются архивы устных источников, проводятся конференции и симпозиумы, издаются специальные журналы. Вопросы устной истории рассматривались и на международных конгрессах историков, символизируя сближение позиций ее представителей со сторонниками традиционной историографии.

Наконец, в 1990-е гг. начался *четвертый этап*, связанный с появлением нового поколения историков, дальнейшим развитием технических средств и расширением круга изучаемых проблем, включая историю тоталитарных режимов. Но наиболее приоритетными становятся темы, близкие к антропологии: сюжеты повседневной жизни человека,

феномен миграций, особенности этнической истории народов, взаимоотношение полов и возрастов²⁸.

Д.Н. Хубова и М.В. Лоскутова предприняли попытку разработать периодизацию устной истории. Д.Н. Хубова выделяет три этапа:

1) 1948 – начало 1960-х гг. – «активное тиражирование» возрожденного метода и его терминологии, «пафос записи» устных исторических воспоминаний и свидетельств, в которых выделяются самостоятельные направления – политическая биография, социальная история, «фабрикации» истории бесписьменных обществ;

2) Конец 1960 – середина 1970-х гг. – взрыв 1968 г., появление «новой журналистики», «крайне левых», феминистских и цветных направлений в историографии, крушение «колониальной истории». На передний план выдвигаются изучение «маргинального» в истории, «человека с обочины» и публикация устных интервью с представителями ранее «немотивировавших» слоев общества;

3) Конец 1970 – начало 1990-х гг. – время дисциплинарного становления, споров о методологии и генезисе устной истории, аспектах интервьюирования, этических и юридических проблемах; создании методологии «устных архивов». Стало уделяться внимание структуре личностей: коллективной, социальной – и их взаимосвязям с историей²⁹.

Периодизация М.В. Лоскутовой построена на видовом многообразии устной истории. В исследованиях М.В. Лоскутовой отмечены две сформировавшиеся в историографии устной истории противоположные тенденции: «стремление подчеркнуть новаторство устной истории» и «представить дело так, что устная история существовала всегда»³⁰. Начальный этап развития устной истории она относит к 1948 г., когда при Колумбийском университете был создан первый в мире исследовательский

²⁸ Подробнее см.: Современная мировая историческая наука ... С. 182-186

²⁹ Хубова Д.М. Устная история и архивы: ... С. 9

³⁰ Хубова Д.М. Устная история и архивы: ... С. 5.

центр по изучению устной истории. Все следующие этапы объяснены включением новых стран в этот процесс:

1940–1960-е гг. – преимущественное развитие устной истории в США с «интересом к "великим людям и событиям"» – большой политике, крупному бизнесу – тенденция воспринимать устную историю как отрасль архивного дела³¹.

1960–1980-е гг. – «переориентация устной истории в социальное движение... потребность перейти от изучения "великих людей и событий" к истории простых людей, истории дискриминируемых групп населения. В устной истории сформировался подход к истории "безмолвствующего большинства", изучение которой сосредоточилось в центрах устной истории при университетах. Инициаторами нового подхода стали страны Западной Европы, которые пережили мировую войну и для которых не были характерны "архивный уклон" и интерес к выдающимся личностям»³². По мнению М.В. Лоскутовой, становление устной истории – это протест против «увлечения количественными методами, изучением масштабных социально-экономических структур и процессов, охватывающих длительные периоды», так как работы устных историков «возвращали читателя к привычным горизонтам человеческой жизни» «обещали возможность «непосредственного выхода» в историю – своеобразного «окна в прошлое»³³.

К настоящему времени изучение методами устной истории исторического сознания, эмпирического опыта широко используется многими направлениями зарубежных гуманитарных исследований, такими как «обыденная история», или «история повседневности» (Германия), «слуховая история» (Канада), этнология, локальная и рабочая история (Англия), социальная история (Франция)³⁴.

³¹ Там же. С. 8.

³² Там же. С. 14, 21

³³ Там же. С. 18.

³⁴ Хубова Д.М. Устная история и архивы: ...; Кузнецов Н.П., Суринов В.М. Устная история в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений ... С. 73 – 76.

Что касается географического распространения и региональных особенностей «oral history», то особых успехов это направление достигло в США, где устные источники активно собирали и использовали многие научные центры. Например, Американское фольклорное общество существует с 1888 г. В числе первых можно отметить книгу Харви Зорбо «Золотой Берег и трущобы» (1929 г.), исследования Клиффорда Шоу «Джекроллер: история малолетнего преступника из первых уст» (1930 г.) и «Братья по преступлению» (1938 г.). Наследие школы живет в трудах чикагского радиорепортера и специалиста по устной истории Стадса Теркела, который превратил свои беседы с простыми горожанами в серию книг, посвященных таким проблемам, как война, работа, надежды и мечты. Другим «мостиком» в настоящее стала американская антропология, представители которой взяли на вооружение автобиографический метод. В США действовали специальные программы по изучению отдельных предприятий и корпораций, науки и вооруженных сил, искусства и спорта. Значительную роль играли региональные и локальные исследования, изучение расовых и национальных меньшинств, иммигрантов. Хотя главный шаг в развитии устной истории был сделан в области политической истории, начиная с 1970-х гг. устно-исторический метод стал активно применяться для изучения истории индейцев, негров и фольклора, а с 1980-х гг. распространился на историю женщин. То есть история Америки в устных свидетельствах на современном этапе превратилась в настоящую историю становления американской нации. В 1974 г. была создана и Канадская устно-историческая ассоциация³⁵.

Другим крупнейшим центром устной истории является Западная Европа. Сначала европейская историческая наука критически относилась к устной традиции, но в последней четверти XX в. и она обратилась к устной истории. Доминировали сюжеты, связанные с социальными катаклизмами и

³⁵ Томпсон П. Указ. соч. С. 67 – 72.

потрясениями – войнами и революциями. Начиная со встреч в Болонье (1976 г.) и Колчестере (1979 г.) раз в два года стали проводиться международные конференции по устной истории, а затем была учреждена Международная устно-историческая ассоциация³⁶.

Самое мощное развитие европейское устно-историческое движение получило в Скандинавии. Так, в Финляндии первые архивы для хранения фольклорных материалов, собранных в ходе полевых исследований, были созданы уже в 1830-х гг. Примеру финнов активно последовали в Швеции, где в 1870-х гг. студенты Упсальского университета создавали общества по изучению диалектов. Уже к 1890-м гг. эта работа приняла форму общенационального опроса-интервью. В 1914 г. при поддержке шведского парламента был создан Исследовательский институт диалектов и фольклора, который с 1935 г. регулярно использовал в полевых исследованиях звукозаписывающую аппаратуру и стал первой организацией, применившей этот метод для изучения истории. В 1950-х гг. по инициативе историка Эдварда Булля этнологические полевые исследования распространились на население городов и рабочих поселков Норвегии. Важные эксперименты проводились в 1970-х гг. и в области «народной» истории: инициатором кампании по созданию истории предприятий самими рабочими стал шведский писатель Свен Линдквист.

Шведский пример оказал несомненное влияние на развитие устной истории в некоторых районах Великобритании, где в 1973 г. было создано Устно-историческое общество. Причем первотолчок развитию устной истории в стране дал рост интереса к фольклору. Если его изучение в Англии (в 1950 – 1970-х гг. Центр по изучению диалектов в Лидсе и Центр английской культурной традиции и языка в Шеффилде) так и не смогло избавиться от налета дилетантства, то в Ирландии, Уэльсе и отчасти в Шотландии развитие фольклорных изысканий подкреплялось их связью с

³⁶ Никитин Д. Проблемы устной истории на VII международной конференции // История СССР. 1990. № 6. С. 212.

национальными движениями. Так, правительство Ирландии стало оказывать помощь фольклористам с 1930 г., а в 1935 г. учредило Ирландский фольклорный институт, который применял звукозаписывающие приборы. В Уэльсе главным центром стал Валлийский народный музей в Сент-Фэгансе, а в Шотландии – Школа шотландских исследований Эдинбургского университета, при которой с 1951 г. существует архив литературных материалов и данных по социальной проблематике. Возрождение устной истории в Британии во многом обусловлено послевоенными политическими переменами, прежде всего демонтажом империи. Начиная с 1950-х гг. историки во главе с бельгийским ученым Яном Вансиной и британцами Джоном Фэйджем и Роландом Оливером стали параллельно с антропологами собирать устные материалы на местах. В самой Британии усиление рабочего движения привело в 1960-х гг. к преобразованию рабочей истории в социальную историю. Однако самыми влиятельными оказались новые тенденции в социологии, возникшие в 1950-х гг., – теперь эта наука занималась не только проблемой бедности, но и рабочей культурой и рабочим сообществом как таковым. В ряде классических трудов («Семейная жизнь стариков» (1957 г.) Питера Таунсенда, «Образование и рабочий класс» (1962 г.) Брайана Джексона и Дениса Марсдена) эффективно использовались воспоминания рабочих, а Ричард Хогарт в полубиографической работе «Польза грамотности» (1957 г.) стремился интерпретировать формы мышления представителей рабочего класса в устной речи. С появлением книги Эдварда Томпсона «Формирование английского рабочего класса» (1963 г.) эта тенденция получила воплощение в историческом исследовании. Слиянию истории и социологии способствовало создание новых университетов в 1960-х гг. с их междисциплинарными экспериментами и развитием социологии, все больше уделявшей внимание историческому аспекту социального анализа. Потенциал устной истории продемонстрировал успех книги Рональда Блита «Акенфилд: портрет

английской деревни» (1969 г.), представляющей собой смесь литературы, истории и социологии и основанной на магнитофонных записях рассказов сельских жителей. Одной из самых значительных более поздних работ стала книга Роберта Мура «Шахтеры, проповедники и политики» (1973 г.) – историческое исследование взаимосвязи между религией, экономикой и классовым сознанием, выполненное социологом. «Историческая мастерская» 1970-х гг., стартовавшая с изучения рабочего движения и социальной истории рабочего класса учеными из Раскин-Колледжа в Оксфорде, затем расширила сферу своего внимания до фундаментальных элементов сферы жизни общества. Значительные перемены произошли и в местной истории, особенно в 1970-х гг., когда большое распространение получили местные исторические проекты во многих городах Англии. В 1990-е гг. устная история в Британии развивается на основе истории, социологии, социальной географии и культурологии, представлена на телевидении живой традицией документальных фильмов на ее основе строится преподавание истории в младших классах. Она обладает мощной архивной базой – Национальный архив звукозаписей и Национальное собрание автобиографий в Британской библиотеке³⁷.

В других европейских странах использование устных источников долгое время оставалось ограниченным. Например, в Испании устная история возникла лишь по окончании долгого правления Франко, а ее первопроходцем стал английский историк Рональд Фрейзер. С 1980-х гг. центрами устно-исторических исследований стали Мадрид и Барселона, где с 1989 г. издается журнал «История и фуэнте орал» под редакцией Медрес Вилановы. Во Франции, где имелся широкий интерес к истории войны и Сопротивления и были такие примеры для подражания, как Мишле и социологическая школа Дюргейма, собиравшая воедино антропологический и фольклорный материал, а также выдающаяся работа Мориса Хальбвакса о

³⁷

Томпсон П. Указ. соч. С. 76 – 79, 81 – 84.

социальной природе памяти, работа в области устной истории не только поздно началась, но и велась непоследовательно. Изучение местного фольклора развернулось во Франции еще в начале XIX в., систематическое изучение диалектов и образа жизни крестьянства в общенациональном масштабе – в 1870-х гг., а в 1937 г. в Париже был создан Музей народного искусства и народных традиций. Но дальше дело не пошло. Интерес к устной истории в обществе вновь пробудила книга Алена Прево (1966 г.) – биографическое повествование о семейной жизни, работе и войне в сельской глубинке, недалеко от Шартра, основанное на магнитофонных записях. Экранизация этой книги, а затем показ по телевидению в 1971 г. документального фильма о коллаборационизме в одном городке в период немецкой оккупации, снятого на основе ретроспективных интервью, существенно ускорили начало устно-исторической работы. Более заметно работа с населением развивалась в Бельгии, где существовало два центра научного влияния. Первый был связан с Филиппом Жутаром и его междисциплинарной группой лингвистов, этнологов и историков в экс-ан-Провансе, а второй представлен «реконструктивной» школой автобиографических исследований в области социологии, основоположником которой стал Даниэль Берто³⁸.

В Италии происхождение современной устной истории связано с сетью местных центров по изучению антифашистского партизанского движения в годы войны. Позднее, в 1970-е гг., возникла мода на междисциплинарную устную историю, которая стимулировала дальнейшие исследования. Сбор документальных свидетельств о фашистской оккупации был главной целью и в Нидерландах, где устная история изучается с 1962 г. на базе тесного сотрудничества между специалистами по современной политической истории, Международным институтом социальной истории и Голландским радио. В Германии «устная история», сутью которой является опрашивание

³⁸ Томпсон П. Указ. соч. С. 73 – 76.

«свидетелей эпохи», развивалась параллельно истории повседневности. Проекты посвящались, прежде всего, периоду национал-социализма и истории ГДР. В центре внимания исследователей находится «жизненный опыт» современников, что и стало основным вкладом устной истории в историографию³⁹. Поздний старт устно-исторического движения в Германии объясняется последствиями нацизма, который дискредитировал фольклорное движение и оставил после себя поколение, стыдящееся своего опыта. Все же к 1980-м гг. программа социально-исторических исследований о рабочих Рура, возглавляемая Луцем Нитхаммером, заняла промежуточное положение между растущим числом проектов по местной истории и сообществом социологов-биографов, которым под влиянием Габриэлы Розенталь удалось выработать интенсивный «герменевтический» метод анализа интервью. В странах Восточной Европы в целом магнитофонные записи устно-исторических источников почти не велись. Система народных автобиографических конкурсов в Польше и поощрение литературного жанра устных свидетельств на Кубе являлись скорее исключением.

Сегодня исследования в рамках устной истории ведутся по всему миру. Впечатляет общенациональная программа по устной истории, реализуемая в Мексике, Бразилии, Австралии, Индии. В Китае активно проходил сбор воспоминаний о революции, а в годы «культурной революции» произошло смещение акцентов на историю заводов и деревень, но скоро прекратилось. Для Израиля после Второй мировой войны любые устные свидетельства стали важнейшей частью борьбы за национальное и культурное выживание. Первым памятником этой борьбе стал архив музея Яд Вашем в Иерусалиме. Впоследствии эта деятельность явилась катализатором многочисленных исследований по созданию Мемориального музея «Холокост» в Вашингтоне, программы Спилберга по видеозаписи свидетельств.

³⁹ Обертрайс Ю. Введение // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского союза. 1920-1950-е годы). Материалы межд. научн. конф. (Харьков, сентябрь 2003 г.): Сб. докладов. Харьков, 2004. С. 7-8.]

Во многих странах новая научная школа, возникшая на базе более совершенных методов использования устной традиции, оказалась преимущественно англо-американской. Однако повсеместно ведущей тенденцией является внимание к социальной тематике, записи впечатлений простых людей.

Устная история в России: истоки, особенности развития

В России к устным источникам (былинам, песням и другим фольклорным произведениям) не раз обращались многие историки и писатели, в частности, В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов и А.С. Пушкин. Но в XIX столетии интерес отечественных историков к данному виду источников постепенно угас, и первые серьезные шаги в деле организации записей устных свидетельств были сделаны только в начале XX в. в связи с развитием краеведческого движения. Кроме того, устная история как метод сбора исторической информации использовался эсерами, а еще ранее – народниками при составлении земельных программ.

После революции 1917 г. запись устных источников получила государственную поддержку, прежде всего с учетом тех возможностей, которые предоставляли новые средства воздействия на массовое сознание. Так, по инициативе В.И. Ленина был создан отдел граммофонной пропаганды, записывавший речи советских руководителей на грампластинки. В 1918 г. возник Институт живой речи, в котором профессор С.И. Бернштейн возглавил Кабинет изучения художественной речи. За десять лет работы фонетической лаборатории она записала более шестисот выступлений поэтов и писателей (А. Ахматовой, В. Брюсова, О. Мандельштама, Б. Пильняка) и организовала ряд экспедиций для сбора рассказов северных сказительниц.

В 1920-х гг. устные свидетельства собирали многие организации, а не только краеведы. Активно записывались воспоминания участников революционного движения, устные материалы широко использовались при составлении истории фабрик и заводов. В частности, история Московского

инструментального завода с 1916 по 1920 гг. была целиком написана на основе устных воспоминаний рабочих. Для проверки воспоминаний применялись методы перекрестного опроса рабочих и коллективной проверки достоверности полученной информации на общих собраниях⁴⁰.

С конца 1920-х гг. индивидуальные трактовки событий стали неприемлемыми, краеведческие общества оказались разгромлены, а многие их члены репрессированы. Был ликвидирован и Кабинет изучения художественной речи, его коллекция распалась. В 1932 г. по инициативе С.И. Бернштейна был организован Центральный государственный архив звукозаписей, в котором была собрана большая коллекция фонодокументов. К устным источникам иногда еще продолжали прибегать, но при этом их использовали лишь в качестве иллюстраций к общей схеме официальной историографии. Тем самым, по словам С.О. Шмидта, «утрачивалась основная ценность информации именно устной истории, более открытой, по сравнению с другими (письменными) источниками»⁴¹.

Лишь в годы Великой Отечественной войны возродилась практика сбора устных свидетельств. Сотрудники специальной Комиссии по истории войны выезжали на фронт, посещали госпитали, приглашали к себе участников войны, записывая их рассказы. Всего Комиссия собрала несколько десятков тысяч записей, около 4 тыс. из них в настоящее время содержится в фонде Научного архива Института российской истории РАН⁴². После войны активный сбор широкого круга устных источников прекратился: регулярно записывались лишь воспоминания видных деятелей государства и культуры, при этом запись иных устных свидетельств о прошлом оставалась делом отдельных энтузиастов. Так, в 1967 г. на кафедре научной информации МГУ была создана группа фонодокументации под руководством В.Д. Дувакина, опросившая более 300 человек. Она имела двойную задачу: во-первых, сбор

⁴⁰ Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 315.

⁴¹ Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 106.

⁴² См.: Курносов А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (организация и методика сбиания) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974.

сведений о видных деятелях культуры первой половины XX в., во-вторых, создание и изучение фонодокументов мемуарного характера как нового вида исторических источников. В целом в 1960 – 1970-е годы исследования в области устной истории были сведены к собиранию и публикации воспоминаний ветеранов войны и очевидцев событий военной поры⁴³.

Оживление работы в области устной истории началось с середины 1980-х, когда возник Клуб устной истории Московского государственного историко-архивного института. Широкое внимание к устным источникам в отечественной историографии было привлечено лишь в конце 1980-х гг., когда крах коммунизма вызвал к жизни целый поток воспоминаний о преступлениях сталинского режима. 27 – 28 ноября 1989 г. в Кирове прошла Первая всесоюзная научная конференция по проблемам устной истории, возникло Общество устной истории как добровольное общественное объединение при Советской ассоциации молодых историков.

Существенный вклад в развитие устной истории внесла работа общества «Мемориал» с архивом личных документов эпохи сталинизма и репрессий. Во второй половине 1980-х – 90-е годы в Российском государственном гуманитарном университете (Москва) велось исследование темы голода на Украине в 1930-е гг. Центр устной истории РГГУ совместно с обществом «Мемориал» и Советом по краеведению Российской академии образования с 1999 г. проводят ежегодные Всероссийские конкурсы исторических исследовательских работ старшеклассников, среди лауреатов которых немало работ с использованием интервью, биографий, семейных преданий. Первый сборник работ победителей увидел свет в 2001 г., а в мае 2005 г. подведены итоги уже VI конкурса, председателем жюри которого является академик РАО Сигурд Оттович Шмидт.

⁴³ См.: Домановский Л.В. Устные рассказы // Фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 194 – 239; Минц С.И. Устные рассказы жителей Малоярославца // Там же. С. 384 – 390; Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне / сост. А.В. Гончарова. М., 1979. и др.

Одним из итогов работы Центра устной истории в Европейском университете в Санкт-Петербурге стала хрестоматия по устной истории, дающая достаточно объемное представление об одном из динамично развивающихся исследовательских направлений⁴⁴. Созданы биографические архивы в Петербурге и Москве, проводятся публичные конкурсы историй жизни, а в Институте социологии РАН проведено исследование социальной мобильности россиян через изучение биографий трех поколений⁴⁵. Применение метода выборочных глубинных интервью отдельных представителей типичных жизненных карьер способствовало изучению социологами жизненных стратегий молодого поколения⁴⁶.

Историки из Твери к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне пополнили архивы новым комплексом устных рассказов о войне, записанных на территории Тверской, Смоленской и Московской областей⁴⁷. Обширную программу по сбору народных рассказов о войне осуществили курганские историки⁴⁸.

Помимо истории сталинских репрессий и Отечественной войны, расширение интереса к устной истории существенно раздвинуло хронологические рамки современных исторических исследований и способствовало введению в широкий научный оборот устных свидетельств прошлых лет. Позднее к этим темам добавились женская история, история диссидентства и проблемы этнической идентичности. В итоге в 1990-е гг. устная история превратилась в одно из перспективных направлений современной исторической науки в России. Более того, представители этого

⁴⁴ Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введ., общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. 396 с.

⁴⁵ Мещеркина Е.Ю. Послесловие. Продолжение устной истории // Томпсон П. Устная история. Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь мир», 2003. С. 346 – 347.

⁴⁶ Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 143

⁴⁷ Гончарова А.В. О жанровой специфике устных мемуарных рассказов Великой Отечественной войны // Фольклор Великой Отечественной войны: сб. науч. тр. / под ред. О.Е. Лебедевой и М.В. Строганова. Тверь, 2005. С. 78 – 81; Разумова И.А. Семейные военные рассказы // Там же. С. 81 – 89; Баранова В.В. Устные воспоминания крестьян о войне // Там же. С. 90 – 97.

⁴⁸ См.: Спустя полвека: Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Курган, 1994.

направления активно сотрудничают с архивистами и музееведами, радио и телевидением.

Таким образом, с конца 1980-х гг., устная история получила в России официальное признание. Как пишет Д.П. Урсу, «институализация устной истории в государствах бывшего СССР проходит с многолетним опозданием по сравнению с передовыми странами мира и встречается с немалыми трудностями. В этом проявился, с одной стороны, консерватизм академической науки, абсолютизирующий письменный документ, исходящий из бюрократических недр тоталитарного государства. Преклонение перед бумагой является, как известно, характерной чертой советского менталитета. С другой стороны, сбор и хранение устных источников требует больших финансовых затрат, наличие совершенной аудиовизуальной техники, профессионального мастерства»⁴⁹.

На современном этапе устная история завоевывает все больше сторонников, и в числе профессиональных историков тоже. Об этом говорит Е.С. Сенявская: «Строго говоря, ни один вид источника нельзя считать бесполезным, непригодным для научного исследования. Вопрос заключается в том, для какого исследования тот или иной источник является наиболее адекватным, какие проблемы на его основе раскрываются наиболее прямо и ярко...»⁵⁰. У историка не должно быть пренебрежительного отношения ни к одному виду источников, так как «они в разной степени соответствуют конкретным задачам его исследования, и источники, не востребованные в одной области исторической науки, могут быть плодотворно использованы на других направлениях»⁵¹.

Степанова В.С., студентка КГПУ им. В.П. Астафьева

⁴⁹ Хубова Д.М. Устная история и архивы: ... С. 1.

⁵⁰ Сенявская Е.С. Психология Великой Отечественной войны: источникование проблем ... С. 33

⁵¹ Там же.

Война, народ, Победа: героизм и повседневность фронта

**ВОЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ
ПЕТРУХИНА АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА
(Государственный архив Красноярского края)***

Проучившись один год в Киевском военном пехотном училище город Ачинск, Красноярского края нас срочно погрузили в вагоны для пополнения Сталинской дивизии, которая формировалась в гор. Красноярске. Но

* Документы из архивов и музеев. См. ААГАКК ф. 2380. оп. 5. д. 4. Воспоминания ветерана войны Петрухина Алексея Михеевича, проживавшего в дер. Барабаново Емельяновского района Красноярского края. (Датированы 28.09.1991 г., даны без правки, в авторском изложении).

Сталинскую дивизию по тревоге ночью отправили на фронт под Сталинград. Нас же сержантский состав старшины и молодые офицеры решили направить в десантные войска, формирование проходило в Орехово-Зуеве под Москвой. Кто оказался ввиду слабого сердца непригодным в эти войска, также срочно были отправлены на фронт в пехотные части.

Первое боевое крещение я принял освобождая Великие Луки, Невель и много сел и деревень, домов не было, одни пепелища Калининской области. От всей дивизии нас осталось не более взвода. После отряда в прифронтовой полосе из нас был сделан отбор, в особый лыжный батальон. Сибиряков особенно охотно брали, взяли и меня. Задача батальона была пересечь линию фронта с целью попасть в тыл врага и производить диверсии, уничтожение мелких гарнизонов противника, уничтожение железнодорожного полотна, забирать с собой замки от пушек, уничтожение среднего и высшего командования и разведывательные сведения. Нам удалось сделать рейд под Смоленск под Опочку под Ельню и т.д. Ночью, возвращаясь из рейда, немцы нас приняли за партизан и открыли ураганный огонь, особенно из минометов, мы потеряли много убитых и раненных. Я был ранен осколком в ягодицу и в пах, лечился в госпитале легко раненных в дер. Заболотье, Калининской обл.

Звание мое было мл. лейтенант, должность зам. командира взвода, возраст 19 лет, был комсомолец. За свои боевые действия я был награжден орденом Отечественной войны II степени.

После выздоровления я был направлен из госпиталя в гор. Таранец Новгородской обл., где формировалась 33-я дивизия, 10-й армии II-го Прибалтийского фронта. Я был зачислен в 164-й стрелковый полк, 3-й батальон, 2-ю роту. Рано утром мы ворвались внезапно в траншеи к немцам и вырезали их в траншее сонных и освободили Холм, сильно укрепленный оборонительный пункт 16-й немецкой армии, которая стояла в гор. Демьянске, Новгородской обл. Немцы дрогнули, начали ночью отступление со всей техникой. Удержать их у нас не хватило сил. За взятие Холма нашей

дивизии было присвоено звание «Холмской».

Преследуя отступающего врага длительное время, мы 16 марта 1944 года перешли реку Великую и заняли оборону по берегу, в ширину 16 км, а в глубину 8 км. Правее Новоржева Псковской обл. и окопались в дер. Гнилуха, Белоцерковь и т.д.

Впереди нас у немцев были деревни Мити, Ботары, Гаевка, Уткино и т.д. Немцы разбомбили лед на реке Великой и предложили нам сдаться. У нас мало было патронов и снарядов, но мы решили умереть, но не сдаться в плен врагу. Враг топил наши лодки и мы оставались без продуктов. За три дня мы отбили 19 атак врага. Приказ Гитлера был потопить нас в реке Великой. А приказ Сталина стоять насмерть. У нас оставались пустыми траншеи и кончались патроны и гранаты. К нашему счастью подтянули тяжелую артиллерию прямо к берегу реки Великой и отбили последнюю атаку врага. Тов. Сталин назвал этот плацдарм вторым Сталинградом. Кто остался в живых были выданы награды, меня наградили орденом Красной звезды.

Затем мы заняли круговую оборону, она проходила вглубь тыла до 5 км.

Ночами нас сильно беспокоила немецкая разведка с целью взятия языка. Мыостояли в обороне около двух месяцев и сильно укрепились. Но обходя ночью посты на стыке я заметил движение, мгновенно припал к замаскированному пулемету и открыл огонь. Недалеко от меня лежал видимо немец. Он бросил гранату в траншею. Я был легко ранен вторично. Лечился при медсанбате, не уходя с фронта.

Второй Прибалтийский фронт готовился к крупному наступлению. День и ночь подтягивалась техника. Особенно тяжелая артиллерия и Катюши. Подвозились прямо к фронту патроны, снаряды, продукты и все необходимое для крупного наступления. Нас офицеров, непрерывно инструктировали и ставили перед нами задачи, весьма ответственные. Все содержалось в строжайшей тайне.

Генерал лейтенант Абанюк, зам. командующего 2-м Прибалтийским фронтом, лично прибыл к нам в траншею и провел с нами секретное совещание. Секрет заключался в том, что намечено генеральное наступление на Прибалтику: на Латвию, Литву и Эстонию. Через два дня рано утром, т.е. 22 июня 1944 года пропели сигнальные Катюши по траншеям врага, сразу же ударила наша тяжелая артиллерия и вся артиллерия вообще. У немцев были закопанные в землю дома наших сел, но и это им не помогло. Снаряды тяжелой артиллерии срывали крыши с блиндажей, летели комья земли по сторонам. Мы заметили как немцы перебегали из 1-го эшелона во 2-й, спасаясь от снарядов Катюши. Артиллерия била 2 часа. Земля стонала от разрывов. Чёрное облако висело над траншеями противника. Артиллерия перенесла огонь по 2-му эшелону противника и там началась эта же картина.

Та же участь постигла и 3-й эшелон противника. Через 2 часа взвилась в небо зеленая ракета, сигнал для атаки. Мы ринулись в траншееи противника, но в них лежали только обугленные трупы. Немцы не выдержали и началиспешное отступление. Причем по 70 км в сутки. Я в составе своих частей преследовал противника до гор. Каунаса. Противник на время окопался. Во время преследования погиб командир роты лейтенант Бояркин. Я принял командование ротой во время боя, за что мне было присвоено звание лейтенант и был награжден орденом Славы 3-й степени. Когда пошло наступление на Восточную Пруссию, меня тяжело ранило осколком от мины в правую голень и автоматной очередью перебило правое бедро. Я потерял сознание. Наша 33-я дивизия взяла город Кенигсберг и получила название Кенигсбергской. Память о друзьях:

На моих глазах погиб полковник Сафонов, командир 164 стрелкового полка. Часто вспоминаю смелого и находчивого офицера ст. лейтенанта Голосова (москвич). Который находясь в обороне, играл на гитаре и пел песни. На моих глазах был смертельно ранен наш командир батальона капитан Царев. Неразлучно следовал с нами наш политрук капитан Соловьев

(горьковчанин). В нашей роте были солдаты в возрасте 55 лет: Джамбеков (казах), Евдокимов, Григорьев и др., на моих глазах погиб политрук роты лейтенант Петренко.

Мы молодые офицеры, не думали о себе. А старались сохранить жизнь солдатам. У которых было по 4 и 5 детей.

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВОЙНЫ

(ДНЕВНИК МЛАДШЕГО СЕРЖАНТА АХТАМОВА А.Ф.)^{*}

История войны есть продукт человеческой деятельности, и слагается из человеческих судеб. «Война … не похожа на ее описания, она и проще, и сложнее. Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники. Ее понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи», – писал в 1943 г. Илья Эренбург⁵². Поэтому в целях углубленной эмпатии в изучении «психологии войны» особое значение приобретают источники личного происхождения, освещдающие сознание «человека войны» изнутри. Исходя из актуальности и важности проблемы, мы обращаемся к вопросу о роли комплекса личных солдатских документов в изучении повседневности войны.

Задача историка не только увидеть и понять внешнюю канву войны, но и «прочувствовать» войну на основе «вживания» в субъективный мир автора источника. Исследователю важно понять, что чувствовал творец источника в момент его создания, его мысли и чаяния. Поэтому особую ценность представляют источники «из окопа», устные и письменные свидетельства рядовых солдат со свойственными им особенностями психологии и восприятия военной действительности.

^{*}
52

Собрал и подготовил к печати Андюсов Б.Е. канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева
Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 230.

Своеобразие исторических условий, в которых создавались документы, наложило отпечаток на форму и содержание, отличалось высокой степенью психологической достоверности ввиду их особой личностной интимности. Но это был результат особого рода как следствие конфликта между желаемым и действительным. Желаемое в создании личных свидетельств имело человеческое стремление к рефлексии на мирное прошлое, военное настоящее и обращение к будущему. Одновременно, советские политические и идеологические реалии служили тормозом для полной материализации мыслей. Солдаты, преодолевая страх, шли в атаку на врага, но был и страх иного рода, – боязнь «сболтнуть лишнее» среди своих.

Самый массовый вид личных свидетельств войны, конечно, солдатские письма. Письма предназначались для прочтения адресатом или узким кругом близких людей. Писались они солдатами, естественно, с поправкой на военную цензуру. Но были субъективные письменные свидетельства иного рода, «записи для себя». Часто эти записи ограничивались краткими строчками «для себя, на память» в блокнотах или тетрадях. Текущие записи военного времени трудно было не только вести постоянно, но и сохранить ввиду высокой мобильности, сложных бытовых условий, частых ранений. Записи, если они и были, велись нерегулярно, в перерывах между боями, в условиях психологического прессинга непредсказуемости будущего.

Если говорить о «полновесных» дневниках, то жесткие правила цензуры и идеологического контроля в условиях войны отрицали в принципе ведение их рядовым составом. Офицерский состав имел такую возможность по условиям широты кругозора, информированности, склонности к аналитической рефлексии и, немаловажно, уровня грамотности. Однако, многочисленные свидетельства говорят о запретах ведения дневниками непосредственно в подразделении, ввиду того, что в них могла содержаться информация, представлявшая военную тайну. Этот факт отмечается в воспоминаниях поэта-фронтовика Давида Самойлова: «Вести дневник или

записывать что-либо для памяти на войне не полагалось. Я не помню публикаций наших солдатских и офицерских дневников. Даже генеральских не помню. ... Солдат практически и не мог вести постоянные записи. Это внушило бы подозрения, да и при очередной бесцеремонной проверке вещмешка старшина приказал бы изничтожить тетрадку или записную книжку, поскольку они не входили в список необходимого и достаточного солдатского скарба»⁵³.

Однако, вопреки всем уставным запретам, записи такого рода все же велись и до нас дошли немногочисленные дневники, созданные на передовой и в партизанских отрядах. Написанные «для себя», они отличаются большей свободой и раскованностью суждений, чем письма домой или друзьям. Дневники, как любые иные документы «вне перлюстрации», писались в условиях самоцензуры.

Фронтовой дневник, как живое описание «окопной» повседневности, как исторический источник, крайне ценен и информативен для современного исследователя. Вместе с тем, дневниковые записи, сделанные в период войны, обладают уникальными свойствами. Это были сведения и размышления сугубо личного характера, реакция человека на вызовы среды, своего времени. Это попытки зафиксировать то, что тогда в окопах представлялось интересным и важным для обращения в будущем к периоду фронтовой жизни.

Авторами подавляющего большинства опубликованных дневников являются фронтовые корреспонденты, писатели, поэты. Лишь небольшая часть дневников офицеров и солдат хранится в семьях фронтовиков или в музейных фондах.

В процессе многолетней поисково-краеведческой деятельности нам удалось выявить фронтовой дневник солдата, хранившийся в семье его близких родственников. Автор его, младший сержант Ахтамов Аркадий

⁵³

Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. №1. С. 68.

Федорович, родился в 1924 г. в пос. Северо-Енисейский (в 20-е гг. пос. Соврудник) Красноярского края и умер там же от последствий тяжелого ранения в голову в 1948 г. Наряду с личным дневником, родственники хранят и ряд других документов военного периода и происхождения. Они могут быть представлены в качестве комплекса источников для изучения повседневности войны, сознания и стереотипов поведения человека на войне.

Комплекс сохранившихся документов достаточно информативен и позволяет проследить боевой путь солдата. В военном билете А.Ф. Ахтамова есть запись: «В РККА с 22 августа 1942 года». Будучи курсантом ускоренных курсов офицеров, но так и не став офицером, в феврале 1943 г. в составе всего училища был направлен в 133 стрелковую дивизию Западного фронта. Из записи в партбилете узнаем, что в составе данной части он стал кандидатом в члены ВКП(б). Участвуя в боях за г. Ярцево, 3 сентября 1943 г. был ранен сквозным пулеменным ранением в грудь. Находившийся в кармане гимнастерки партийный билет был пробит пулей так, что сохранилось только начало номера и окончание фамилии. А в далекий сибирский поселок пришло письмо от фронтового товарища:

«Дорогая мамаша Ахтамова З.З. Прошу Вас сообщить мне, где сейчас Аркадий. Я, Гейхман Д.А., вместе с ним воевал и крепко дружил. Мы не оставляли друг друга в трудную минуту. Аркадия ранило пулей в грудь, я его перевязал и доставил в госпиталь. Он должен быть жив! В этот же день меня тоже ранило... Я буду искать его по воинским частям — мы вместе спали, ели и сражались».

По излечении и выписке из госпиталя солдат-пехотинец стал сапером 91-го Отдельного pontonno-minnogo батальона. А вскоре был вторично ранен в голову. Об этом свидетельствует справка эвакогоспиталя ЭГ5016: «Младший сержант Ахтамов А.Ф. 13.12.43 г. получил проникающее огнестрельное ранение теменной области... Из глубины мозга удалены костные осколки... На рентгенограмме костный дефект 3x4 см...». После вторичного

пребывания в госпитале, младший сержант был комиссован и вернулся домой в Северо-Енисейский. О том, что однополчане сомневались в благополучном исходе, свидетельствует письмо из части: «Здравствуй, дорогой друг Аркаша, а я уже думал, что ты погиб. Но тебе крепко повезло. Меня третий раз «навернуло». Сейчас учусь, а потом опять ползать, но уже «со звездочками». Получил недавно «За отвагу». Твой друг Владимир».

Центральным документом данного комплекса источников, является фронтовой дневник, относящийся к периоду с октября 1943 по февраль 1944 года. Записи дневника сделаны на светлой синевато-зеленого оттенка выцветшей от времени бумаге, на оборотной стороне канцелярской сшивки резаной писчей бумаги довоенного времени с бухгалтерскими расчетами. Записи велись автором практически ежедневно, в зависимости от условий и потребности в фиксации той или иной информации. Почерк А.Ф. Ахтамова аккуратный, мелкий, убористый, легко читается. Автор документа личного происхождения, судя по записям начитанный, грамотный, образованный человек, пишет без грамматических и орфографических ошибок.

Сохранившиеся записи выполнены так называемым «химическим» карандашом и датированы периодом с 21 октября 1943-го по 5 февраля 1944 г.

• • •

«21 октября 1943 г. Забежал в госпиталь, взял вещи, простился со своим другом Мих. Смоленцевым и побежал на станцию, т. к. все уже ушли туда. В 4 часа выехали со ст. Пески, а в 7 утра были в Москве. По Москве проехали в метро, сходили в баню и легли спать.

22 октября. До обеда перебирали картошку на распределункте. После обеда приехал приемщик. Направляемся в батальон выздоравливающих. Шли 4 км пешком. Там встретил 2 ребят из госпиталя, выписанных раньше. Расположились в клубе. Ночью один со стороны стал у нас отбирать соломенную подстилку. Пришлось принять меры.

23 октября. Встали в 6 часов. Сходил на комиссию, получил назначение

в часть. Завтракали поздно. Обед и ужин тоже затянули. Построились на улице, пошли к столовой. Сели за столы, а чашек нет. Кое-как достали одну на двоих.

25 октября. Днем вызвали в особый отдел. Обещали вытребовать кандидатскую карточку, которая осталась в госпитале. После обеда прибыл «покупатель», едем в 91 ОПМБ (отдельный pontonno-minnyy batalyon). Получили продуктов на 5 дней. Вечером пошли на станцию.

31 октября. Все эти ночи вижу нелепые сны. Спал плохо. Перед ужином познакомился с одной девушкой по имени Гая. Она живет в Москве и временно работает на уборке.

1 ноября 1943 г. Сидим без хлеба; картошка тоже выходит. На наше счастье после обеда опять стали разгружать картошку. Пополнили запасы. Пошел к Гале, но она уехала на станцию и только завтра приедет.

3 ноября. После подъема была проверка. Командир роты был не в духе. После обеда подали паровоз, поехали ближе к фронту. Остановились в гор. Малоярославец. Здесь продал рубаху за булку хлеба. Выехали дальше.

6 ноября. Ехали очень быстро, но часа в 2 ночи остановились. На станции пусто, после боев все разбито. Достать ничего нельзя. Утром была лекция о 26-й годовщине Октябрьской революции. «Ур-ра» вышло не дружно, потому что все замерзли и думали скорее попасть в вагоны. Вечером ходили к девчатам, что живут неподалеку. Живут плохо, девушки все в лаптях.

7 ноября. Сегодня праздник, но встречать его нечем, даже хлеба нет. Вечером пошли вчетвером в деревню. Достали кадушку соленых грибов, картошки. Пришли, а нас лейтенант чуть на «губу» не посадил.

13 ноября. Прибыли в свой батальон, на место назначения. Расположились в одной землянке оба взвода 40 человек. Тесно. Негде повернуться.

19 ноября. Утром встали. Лейтенант немного покричал на нас. Перед обедом писал списки. После обеда вызвал нач. штаба и назначил командиром

3-го отделения 2-го взвода. Поехали на автомашине ремонтировать дороги.

22 ноября. Ночью отдыхал. Первый раз за много-много дней спал раздевшись. С утра опять уехали на ремонт дороги.

23 ноября. После завтрака было построение. Комроты объявил благодарность мне и еще некоторым товарищам за хорошую работу. Работали до вечера.

5 декабря. Ремонтировали мост в 1,5 км от передовой. Фрицы все время обстреливали из минометов и из «ванюш». Один снаряд разорвался неподалеку от нас, мы шли вдвоем по дороге, но никого не задел. Погода была хорошая. Только пообедали, как появились немецкие бомбардировщики, 12 штук. Стали делать заход не на нас, а рядом в 1 км. Что там было, не знаю. Раздались оглушительные взрывы. Через час бомбили в 0,5 км от нас. Наши зенитчики стали их бить. Первый самолет загорелся и упал на нашей стороне. Второй дотянул до своих, но тоже упал и подорвался на своих бомбах. Третий загорелся, но сумел быстро потушить пламя и сел на своей стороне. Четвертого бомбардировщика встретили два наших «ястребка». Через несколько минут фашист загорелся и стал падать. Один, летчик только выпрыгнул.

10 декабря. Опять задание — минировать передний край обороны. Выехали часов в 6 вечера. С наступлением темноты начали минировать. Работали всю ночь. Фрицы стреляли редко.

11 декабря. Часа в 4 утра подорвались на своей противотанковой мине Чесноков и Карпухин. Их сразу вынесли и, положив на автомашину, увезли в медсанбат. Начало светать, поехали в свое расположение. Днем отдыхали. В 5 часов вечера выехали на работу.

12 декабря. Фрицы днем заметили наши мины и всю ночь не давали покоя. Строчили из пулеметов и автоматов все время. Всю ночь был по нам и один миномет. Ночью ранило в ноги двух бойцов моего отделения. Машины не было. Пришлось везти на санках, километра 4.

16 декабря. Долго не писал. Не мог. Со мной произошла большая неприятность.

13 декабря мы опять работали на минировании. Немец не давал покоя. Несколько раз уходили, но опять приказ идти. В первом часу ночи я вел свою линию мин дальше. Но получилась задержка — мы потеряли одну линию мин из- 4-х и долго ее искали. Потом решили вести 3 линии. Только я поднял шнур, чтобы его переместить на 2-й ряд, как немцы дали очереди из пулеметов и автоматов. Меня словно кто оглушил. В глазах потемнело, искры полетели и я упал. Кричать было нельзя, так как подведешь товарищей. Я потихоньку охнулся. Меня услышал боец моего отделения и спросил, что со мной. Я сказал, что ранен. Тогда он стал мне помогать, чтобы уползти с бугра. Только спустились в лощину, как подъехали с санками и повезли к автомашине. Помню еще, как поднимали на машину, а как ехал — не помню, был без сознания. Очнулся на операционном столе. Шла подготовка к операции. Сделали замораживание и стали долбить череп. Сначала было еще терпимо, но под конец стал просить, чтобы скорее кончили, т.к. боль была нестерпимой. Закончили операцию, перевязали и поместили в палату. Лежу в полевом госпитале, неподалеку от деревни Ляди. Лежу уже четвертый день. Надоело, но эвакуации все нет. Послал письмо домой и Надежде Волковой.

22 декабря. Капитан медсанбата, который делал операцию, ходил узнавать насчет машин, но не обещают. Днем продолжаю читать «Педагогическую поэму».

27 декабря. После завтрака неожиданно прилетело 2 самолета. Меня быстро положили на носилки, одели и потащили на улицу. На санях повезли на аэродром. Положили в правое кресло. Летели минут сорок. Было тепло, даже душно. Во время полета испортилась погода. Сели наугад и как раз попали на аэродром в самом дальнем его конце. Подрулили к старту. Второй самолет так и не прилетел. Ждали и не дождавшись уехали в Смоленск. Подвезли к госпиталю. Два санитара стали вытаскивать из машины. Один

показался знакомым. Разглядел — Карпухин, который в первую ночь подорвался на мине.

31 декабря 1943 г. Санитарного поезда нет. Скоро не обещают. Обед был поздно. До ужина рассказывали истории. Легли в 9 часов после ужина. Но долго не спалось. Ведь завтра начинается новый год. Что он мне сулит?

1 января 1944 г. Завтрак был часов в 11, ввиду того, что медсестры всю ночь гуляли. Обед был в 6 часов вечера. Дали по 50 г вина, но нам, раненым в голову, не дали ни капли.

2 января. После завтрака раздали номера вагонов. Мой — десятый. Обед выдали сухим пайком. Только пообедали — пришли машины. Сел на первую и первым попал в вагон.

5 января. Ночью ехали быстро, останавливались редко. После обеда въехали в Москву. С Белорусского вокзала на машинах повезли в госпиталь, который находился на ул. Ямская-Тверская (5). Помыли и положили в 3-е отделение. Читал книгу «Суворов».

8 января. В 11 часов вызвали на пункцию. Взяли жидкость из позвоночника. Сначала было не больно, но после обеда сильно заболела脊柱. Вечером кино не было. В 11 часов в первый раз видел, как салютовала Москва. Наши войска освободили Кировоград.

12 января. Весь день продолжаются сильные головные боли. Написал письмо Лизе, хотел написать домой, но нет большё бумаги. После ужина — концерт, а после концерта — кино. Несмотря на головную боль решил сходить, посмотреть. Концерт кое-как просмотрел и часть кино, но потом ушел — больше не мог. Кое-как добрался до палаты. Только лег — вырвало.

5 февраля. До обеда был врачебный обход нашей палаты. Кажется, назначен на комиссию. Это я заключил потому, что врачи между собой о

чем-то переговорили и записали себе в тетрадь. Вечером был доклад о Сталинградской битве и кино «Сталинград»⁵⁴.

АБРАМЕНКО ИВАН ФЕДОТОВИЧ: ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ*

Детство и труд. Родился я 4 апреля 1924 года в большой деревне Батой. Через деревню проходит Московский тракт, протекают речка Батоюшка и Саломатов ручей. При советской власти деревню переименовали в село Вознесенка. Родители были крестьянами. Отец – Федот Макарович и мать – Мария Леонтьевна. В семье было шестеро детей: три дочери и три сына. Я был самым младшим.

В хозяйстве родителей имелись две лошади и корова, а также мелкая живность. Они не имели своей пахотной земли кроме приусадебного участка. Поэтому родители, чтобы прокормить семью, вынуждены были заниматься в работники к богатым крестьянам.

В селе Вознесенка было всего четыре зажиточные семьи: Шуваевы, Гусевы, Черкашины и Чехатовские. В 1931 году эти семьи были раскулачены, а в их усадьбах были размещены полеводческие бригады колхоза «Спартак»

В 1927 году десяти семьям, не имевшим земель, в том числе и нашей, была выделена земля в шести километрах от села Вознесенка по тракту в сторону города Уяр. Владельцы, получившие землю: Авдосевы, Шиловы, Бистерских, Мембаевы, Самсоновы, наша семья, а также еще четыре семьи, фамилии которых не помню, решили организовать свою деревню рядом с наделами. Под постройку домов они среди леса нашли большую поляну,

⁵⁴ Фронтовой дневник в составе комплекса личных документов младшего сержанта Ахтамова А.Ф. были выявлен и скопирован нами в 1990 году в семье младшего брата Ахтамова Р.Ф., проживавшего в пос. Северо-Енисейском Красноярского края.

* Записали студенты КГПУ Чуев Евгений и Теленкова Алена

окруженную с трех сторон холмами. По поляне протекали два ручья. Здесь и решили построить деревню, которую впоследствии назвали Батрак. Еще до переезда в деревню две старшие сестры вышли замуж. Вера вышла за Чигирина Даниила и осталась жить в селе Вознесенка, а Шура вышла за Брыксина и уехала жить в Красноярск.

В 1928 году в селе Вознесенка был организован колхоз «Спартак». Жители деревни Батрак снова стали возвращаться в Вознесенку и увозить свои дома. Мои родители не захотели возвращаться в село, и одной семьей продолжали жить среди леса и вели уединенный образ жизни. Родители по-прежнему обрабатывали свой земельный надел, сеяли зерновые, сажали овощи. Также родители заготавливали сена и дрова, а осенью ездили в Красноярск торговали ими. На вырученные деньги они закупали необходимые продукты и хозяйственные товары. Из города они нам привозили по большому прянику, сделанному и раскрашенному в виде лошади, и мы этому были очень рады. В это время семья жила благополучно. В хозяйстве было две лошади, две дойные коровы, свиньи и другая мелкая живность. Но такая жизнь была недолгой.

Весной 1929 года отец умер. Мне тогда было 5 лет, но я хорошо помню, как он умирал и как его хоронили на кладбище села Вознесенка. На тот момент в семье было четверо детей: Тимофей 15 лет, Григорий 13 лет, Пана 7 лет и я. Вся забота о содержании и воспитании детей легла на плечи матери.

После смерти отца на семью выпало много горя. Теперь матери со старшими детьми пришлось заниматься всеми хозяйственными делами, вести торговлю, оставляя часто меня на попечение семилетней сестры Паны. Нам с сестрой было не страшно оставаться одним, хотя вокруг поляны, где

стоял дом, был расположен лес и не было и одной живой души. Мы бегали по поросшей цветами поляне, и любовались их красотой

Особенно хорошо мне запомнилось лето 1929 года — из-за необыкновенного природного явления, увиденного мною. Стояла жара. На поляне вокруг дома и в лесу цвели разные цветы. Особенно мне нравились жарки. От них, мне казалось, земля горит. В лесу и на холмах созревали земляника и клубника.

В один из ясных и безветренных дней я решил сбегать полакомиться ягодой. Наевшись вдоволь, я лег на землю и стал смотреть в небо. Оно было чистое, без единого облака. Спустя некоторое время я заметил, как с неба прямо ко мне стала спускаться широкая лестница, такая, какие сейчас устанавливаются в подъездах домов, только без перил. На всю длину лестницы шла красивая дорожка голубого цвета, по обоим краям которой проходили по две полоски красного и зеленого цвета. Не дойдя до меня несколько метров, лестница перестала спускаться и застыла. Налюбовавшись ее красотой, я поднялся, и неожиданно лестница исчезла. В то время я никогда и ни у кого не видел в домах такой дорожки. В 1953 году, зайдя в районный магазин в Березовке, я увидел в продаже такую же ковровую дорожку и с такими же полосками. До сих пор не могу разгадать, что за природное явление было тогда увидено мною.

В одиночестве проживать в лесу было трудно. Особенно в зимнее время, когда снегом заносило дорогу и добираться в село было очень трудно. В 1930 году мама решила переехать обратно в Вознесенку. Там она купила дом у семьи Леготкиных. Дом на Батраке мы бросили, потому что он был ветхим. В этом же году мама вступила в члены колхоза, сдав двух лошадей со всею упряжью. В семье было тяжелое материальное положение, и поэтому сестра Шура, проживавшая в городе, взяла на воспитание сестру Пану. А два старших брата стали работать в колхозе.

Осенью 1930 года я пошел в 1 класс Вознесенской начальной школы.

Школа размещалась в поповском доме, в ней было 4 класса. Мне хочется отметить заботу председателя колхоза Анохина о подрастающем поколении: он распорядился, чтобы ежедневно в школу доставлялись бесплатные обеды.

В летние каникулы я помогал пастуху Федору Чигирину пасты скот односельчан, проживающих на улицах Нижней и Юности. За мой труд он платил немного, но эти деньги хоть как-то пополняли наш семейный бюджет.

В 1935 году я перешел в Березовскую среднюю школу. Дальше 6 класса я учиться не стал, ввиду того что школа находилась в 10 километрах от дома. Мне приходилась снимать квартиру, а на это не хватало денег. Кроме того, нас доставляли в школу на лошади, а обратно домой на выходные приходилось идти пешком. Особенно было трудно в лютые морозы. С 1937 года я стал работать в колхозе по мере возможности.

С самого детства я увлекался охотой. Любил побродить по лесу с ружьем, охотясь на косачей и куропаток. Мне нравилось весной смотреть на косачей, когда они начинают токовать. Интересно смотреть, когда косач распускает крылья и, кружась вокруг выбранного места подток, воркует, созывая к себе тетерок. Косачиный ток всегда был в лесу Черенового лога, примерно в 3 километрах от села.

Ранним весенним утром 1937 года я отправился на охоту. Дойдя до леса, я услышал, что косачи уже начали ворковать. Я стал осторожно подбираться к ним, но двое животных неожиданно выбежали на меня из чащи. Не добежав до меня 10-15 метров, они остановились у дерева, где уже была проталина, и начали есть траву. Сначала я подумал, что это лошади. Я стал внимательно их рассматривать. «Если это лошади, то почему у них нет хвоста, а копыта, как у коровы, раздваиваются? Но на коров они точно не похожи...» — подумал я. В конце концов я пришел к мысли, что это дикие козы. Я потихоньку отвел затвор берданки и вставил в ствол патрон. Прицелился в голову животному и выстрелил. Одна «коза» упала, а вторая

стала убегать. Видя, что убил «козу», я сразу же побежал к брату Григорию, который работал конюхом, и попросил запрячь лошадь, чтобы съездить за убитой «козой». Мужчины из бригады брата подняли меня на смех, так как мне было всего 13 лет. Но, увидев, что я начал плакать, бригадир Меньшиков Григорий, сказал брату, чтобы он съездил со мной. Убитое животное оказалось сохатым. Меня с родителями вызвали в сельсовет, расспросили, как получилось, что я убил сохатого. После моего объяснения родителям предложили сдать шкуру животного в заготконтору, а мясо оставить семье. Ружье изымать не стали.

В 1938 году колхоз «Спартак» был крупным и зажиточным хозяйством. Он являлся миллионером вплоть до самой войны, имел большое количество пахотной земли и сенокосных угодий. В колхозе была тракторная бригада с тремя гусеничными и тремя колесными тракторами, три полеводческие и одна овощеводческая бригада. Имелась ферма крупнорогатого скота и ферма племенных лошадей. Кроме этого, было две пчелиных пасеки и два фруктовых сада. Ввиду отдаленности полей от села, в центре этих полей были построены полевые станы для каждой бригады. В каждом стане имелись гармошка и балалайка, а так же шашки и библиотека. Было организовано бесплатное трехразовое питание. Поэтому в бытовом и культурном отношении молодежь прекрасно проводила время, за счет чего хорошо работала. По окончании весенних полевых работ или уборки урожая правление колхоза устраивало массовое гуляние на природе. На поляну привозили ларек с различными сладостями, фруктами и пивом. Водка в ларьках не продавалась. Из музыкальных инструментов было несколько гармошек и балалаек, под которые все дружно пели песни, а молодые плясали и играли в различные игры. В конце все довольные расходились по домам, никаких нарушений общественного порядка во время гуляния не было. Хотелось бы отметить и то, что жители села в то время были дружелюбными. В период больших праздников семьями ходили в гости друг

к другу, не увлекаясь спиртным. А какое было веселье вечером до войны — молодежь с гармошками и песнями ходила по центральной улице села.

В деревне на колхозные средства был построен клуб, в котором мы устраивали танцы и игры. В клубе была большая библиотека.

В феврале 1939 года от колхоза «Спартак» я был направлен на курсы трактористов в Березовскую машинно-транспортную станцию. В марте этого же года я закончил учебу и сдал экзамен на «отлично», поэтому получил специальность тракториста второго разряда и был допущен к работе на тракторе. С начала весенних полевых работ в колхозе за мной был закреплен трактор марки СХТЗ. Я, в нарушение правил эксплуатации трактора, самостоятельно решил увеличить обороты двигателя, чем достиг увеличения скорости движения трактора. За счет этого вместо 4-х гектаров по норме я стал вспахивать за смену от 5 до 6 гектаров земли и даже экономить горючие. За это меня поощрил директор, кроме того, за сэкономленное горючее выплачивали деньги.

Осенью 1940 года, когда в колхозе были окончены работы, я решил поохотиться на зайцев. Из дома я вышел еще задолго до рассвета и пошел в сторону Щуплевой горы. Снега еще не было, небо было чистое, и ярко светила луна. Щуплева гора находилась примерно в 3—4 километрах от села. Я прошел мимо стоящей на окраине села церкви, пересек Московский тракт, прошел проулком, мимо дома Устиновых и постройки конефермы, и стал спускаться к Саломатову ручью. К огромному моему удивлению, я увидел у ручья стоящего на камне босого и раздетого старика. Он был одет лишь в длинную белую рубаху, подпоясанную поясом с кистями на концах и темные брюки. Волосы и большая борода были седыми. Я стоял, разглядывая его. Он молчал. Я спросил: «Что ты делаешь здесь в такую рань?». Ответа не последовало. Затем потянул ветерок, и его сразу не стало. Мне стало нехорошо, и я вернулся домой.

Война. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война.

Начался призыв в армию, забрали и гусеничные трактора вместе с трактористами. Призвали в армию и моих двух старших братьев: Тимофея, вместе с автомобилем марки ЗИЛ-5, на котором он работал в колхозе шофером, и Григория. В нашем колхозе осталось только три колесных трактора. Меня, семнадцатилетнего парня, назначили бригадиром тракторной бригады, поэтому я получил бронь на временную отсрочку от призыва в армию. В бригаде не хватало трактористов. Мне, как бригадиру, было поручено срочно подготовить трех молодых трактористов. На тот период прицепщиками на тракторах в бригаде работали Чигирин Павел, Устинова Надя, Шмелева Вера, которые уже имели представление о работе трактора. У меня возникла мысль, что их легче подготовить для работы на тракторе. В первую очередь им нужно было изучить материальную часть трактора и вождение, особенно во время прицепа техники. После окончания обучения специальная комиссия из МТС приняла экзамен. Все трое получили положительные оценки и были допущены к работе на тракторе.

14 августа 1942 года с меня была снята бронь, и я был призван в армию с зачислением в 42-й минометный полк, который формировался в Москве. Меня сразу направили на призывной пункт города Красноярска, где из 75 призывников была сформирована команда. Затем нас сопроводили на железнодорожную станцию, где стоял товарный состав, который следовал в Москву.

Возле вагонов толпились солдаты какой-то военной части. Нашу команду посадили в свободный вагон-теплушку. В вагоне с обеих сторон были расположены двухъярусные нары, на которых мы и разместились. Постелей не было, до самой Москвы спали на голых досках. Нашу команду сопровождал солдат-старшина, фамилию которого уже не помню. На призывном пункте продуктов в дорогу не выдали. Взятых из дома продуктов мне хватило на двое суток, и то впроголодь, а у других не было и этого. Мы обратились к старшине насчет продуктов. Старшина удивился, что мы не

получили сухой паек, и во время остановки эшелона на станции выяснил, что продукты нам должен выдавать начальник снабжения по эшелону. Мы всей командой, вместе со старшиной, пошли к начальнику снабжения за получением сухого пайка. Начальник был в звании майора, довольно пожилой. Выслушав нас, он ответил, что нашей команде сухой паек не положен. Но призывники нашей команды пришли в ярость и силой вытащили майора из вагона, требуя пойти с нами к коменданту и разобраться. Начальник, поняв, что уличен нашей командой в сокрытии продуктов, согласился выдать положенные продукты на оставшиеся два дня.

Получив продукты, мы, довольные, ехали дальше, любуясь природой. Особенно мне понравилась природа Уральских гор, так как я впервые находился вдали от родных мест. Природа там ничем не отличается от нашей. Так же растет лес, как и у нас. Железная дорога, проложенная по лощинам между невысоких гор, образовывала в некоторых местах полуовал. То есть наш поезд возвращался уже к пройденному пути, но дорога оставалась ниже нас. И наш поезд следовал дальше ближе к перевалу уральских гор. Когда эшелон достиг окончательной высоты, на обочине железной дороги я увидел столб, указывающий конец территории «Азия» и начало территории «Европа».

Наш эшелон остановился на станции Свердловск. Перевалив Уральские горы, мы впервые увидели, что на обочине вдоль железной дороги валялись искореженные вагоны. Не доехав до Москвы, вечером наш эшелон неожиданно остановился и простоял до утра. Утром мы узнали, что идущий перед нами эшелон бомбили, и железная дорога повреждена. Проезжая место бомбежки, мы увидели на обочине искореженные платформы и вагоны, были ли жертвы, мне неизвестно. Остальной путь до Москвы проехали благополучно. Прибыв на призывной пункт, мы были переданы в распоряжение капитана, который поместил нашу команду в казарму. Наутро мы узнали, что майор, выдававший нам продукты, при списании вместо двух

дней указал пять, и мы целые сутки были голодными. На завтра мы были поставлены на довольствие, и капитан отвел нас в столовую, где мы питались, пока не убыли в часть.

Фамилию капитана, принявшего нашу команду в свое распоряжение, я не запомнил. Но я хорошо запомнил его рассказ о «катюше». Он говорил: «Установка М-13 "Катюша" – секретное орудие, и для производства стрельбы к нему проведена транспортерная лента со снарядами. Снаряды разрываются на осколки, а осколки вторично рвутся еще на осколки, и после этого горит земля и все живое на ней. Но тобы служить на "катюше", надо пройти проверку, и не каждый из вас будет допущен к службе на этой установке».

И действительно, наша команда была подвергнута детальной проверке, в том числе и на стойкость. На комиссии задавались даже такие вопросы: «Установки М-13 "Катюша" секретные. Сможешь ли ты ценой своей жизни подорвать установку, если окажешься в окружении немцев?». Пройдя три мандатных комиссии, для дальнейшего прохождения службы в 42-м гвардейском минометном полку были допущены лишь 25 призывников, в том числе и я. После этого нас обмундировали в новую военную форму и распределили по дивизионам. Я был зачислен в 256-й отдельный гвардейский минометный дивизион 42-го гвардейского минометного полка. 12 сентября 1942 года от меня была принята воинская присяга на верность Родине. Приказом командира дивизиона я был назначен в 1-ю батарею и 1-е орудие установки М-13 в должности помощника наводчика. Дивизион в этот период находился на Северо-Западном фронте у города Клин Московской области. Прибыв в дивизион для прохождения дальнейшей службы, я впервые увидел саму установку. И мне сразу вспомнился рассказ капитана о «катюше». Стало ясно, что капитан сам ни разу не видел установку и не имел даже представления о ней, а просто фантазировал.

Устройство установки очень простое: ее ферма крепится на автомобиле

«Студебеккер», вместо ствола наверху фермы крепятся восемь двухсторонних направляющих, на которые заряжаются вручную 16 ракет по 43 кг, а если ракеты по 86 кг – то только восемь. Снаряды рвутся на осколки только раз. А земля горит потому, что вначале стреляли термитными снарядами. Секрет «катюши» заключался не в ее конструкции, а в секретности состава пороха. В 1942 году Германией нашему правительству был предъявлен ультиматум: «Если будете стрелять термитными снарядами, мы применим газы». После этого мы стали стрелять обычными тротиловыми снарядами, и Германия ни разу за время войны не применила газы.

В действующей армии. Прежде чем приступить к описанию военных действий 256-го отдельного гвардейского минометного дивизиона против немецких захватчиков, необходимо внести некоторые пояснения. Этот дивизион находился в резерве ставки Верховного главного командования. Его основная задача состояла в том, чтобы в момент наступления немецких захватчиков своим огнем подавлять огневые точки и технику противника, а также уничтожать живую силу, что способствовало срыву наступления. Кроме того, в период контратак или наступления наших войск дивизион своим огнем должен подавлять очаги сопротивления. Куратором от Ставки ВГК был генерал-майор Ниловский. Дивизиону приходилось все время курсировать по фронту, преодолевая при этом за ночь от 25 до 50 километров. Так как установка М-13 «катюша» была секретная, немецкое командование стремилось захватить или уничтожить орудие. После произведенного нами залпа, в небе появлялись немецкие самолеты-разведчики «рама», которые могли дать наводку самолетам для бомбёжки установок, поэтому сразу приходилось усиленно маскироваться. Моя служба в первой батарее началась с ознакомления с установкой М-13 и изучения прибора ГМЗ, который служит для наведения орудия на цель. Первое мое участие в боевых действиях началось с освобождения города Клин

Московской области. Я впервые увидел, как после пуска ракет сзади виден на большом расстоянии шлейф пламени огня, затем в обороне противника был слышен разрыв снарядов.

На Северо-Западном фронте пришлось участвовать в освобождении городов Клин, Невель, Пустошка и Великие Луки. В августе 1943 года наш дивизион достиг озера Селигер. Затем 256-й отдельный гвардейский минометный дивизион был переименован в 1-й гвардейский минометный дивизион 42-го гвардейского минометного полка и был переброшен на 2-й Прибалтийский фронт. Я был назначен на должность наводчика орудия. Следуя к месту назначения, нам пришлось преодолевать болотистую местность по лежневке, которую возводили саперные части. Лежневка – это две параллельно идущие колеи, каждая из трех бревен, которые рассчитывались под колеса автомобиля. Достигнув заранее выбранной огневой позиции, дивизион приступил к ее оборудованию. Из-за близости грунтовых вод копать аппараты для автомобиля и окопы для личного состава было невозможно. Поэтому возвели бруствер из бревен, а для расчета – блиндаж высотой до метра, сверху – накат из бревен. Вечером этого же дня наша позиция была подвергнута артиллерийскому обстрелу. Сначала обстреляли поляну в ста метрах от нас, затем разрывы стали приближаться к нашей огневой позиции. Один из снарядов разорвался рядом со 2-м расчетом, было убито четверо человек. Нам просто повезло, что ни один снаряд не попал по орудиям, которые стояли в заряженном состоянии. Ночью мы покинули данную огневую позицию.

С наступлением зимы из-за снега проходимость автомобиля снизилась. На фронте образовался «Демьяновский котел», в нем оказались в полуокруженному состоянии некоторые наши части. Доступ к ним был через узкий проход шириной 1,5–2 километра, который простреливался немцами с обеих сторон. Нашему дивизиону была поставлена задача через этот проход войти в «Демьяновский котел» и занять огневую позицию для расширения

прохода и ликвидации плацдарма немецких войск. Под покровом ночи дивизион благополучно преодолел узкий проход и занял огневую позицию. Кроме артиллерии к месту предстоящих боевых действий были подтянуты механизированные подразделения и пехота.

Начались упорные боевые действия против немецких захватчиков. После трех суток немцы, не выдержав наступления наших войск, стали постепенно отступать с занятых ими позиций. В наступательных операциях нашими войсками был ликвидирован Демьяновский плацдарм. Наши войска с боями продвигались в сторону Старой Руссы и, преодолев упорное сопротивление захватчиков, овладели городом. Следует при этом отметить беспечность командования дивизиона. Освободив город, наш дивизион расположился на ночлег в блиндажах, которые до изгнания занимали немцы. Рано утром мы покинули блиндажи и поехали дальше. Не успели отъехать и километра, как эти блиндажи начали взрываться. Выходит, мы ночевали на минах, заложенных немцами. Просто чудо, что покинули их рано, и из нас никто не пострадал. Вот что значит потеря бдительности, когда без проверки входишь в оставленные немцами блиндажи.

Преодолевая сопротивление немецких войск, с боями продвигаясь вперед, в составе дивизиона я принимал участие в освобождении Золовья. Перед нашими войсками возникла сильно укрепленная позиция противника в районе фанерного завода Пена. Для прорыва этой обороны противника с нашей стороны было сосредоточено до 400 орудийных стволов на один километр фронта. Когда началась артподготовка по немецким оборонительным позициям, которая длилась в течение часа, стоял сплошной сильный гул. Команды для наведения на цель отдавались в письменном виде, так как голоса рядом с тобой стоящего человека было не слышно. Оборона немцев была прорвана, и в начале января 1944 года наши войска овладели городом Волхов. За освобождение этого города полку было присвоено почетное звание «Волховский». Далее наш дивизион принимал

участие в боевых действиях по ликвидации оставшихся на нашей территории немецких захватчиков до апреля 1944 года.

В апреле 1944 года наш полк на станции Дно погрузили на железнодорожные платформы и привезли на окраину Москвы. Сдав технику в ремонт, личный состав полка стал усиленно готовиться для участия в первомайском параде 1944 года. Но, к огромному моему сожалению, мне не пришлось участвовать в нем, так как полк получил новую боевую технику и был переброшен на 3-й Белорусский фронт под Оршу.

Прибыв к месту назначения, мы заняли огневые позиции. Накануне наступления наших войск с немецкого самолета были сброшены агитационные листовки следующего содержания: «Орша будет ваша, но из вас будет каша». С их стороны это был блеф, ничего подобного не случилось. После массированного огня нашей артиллерии и воздушных сил по противнику сразу была прорвана оборона, немцы стали отступать. Нашему дивизиону было поручено своим огнем поддерживать Тацинский танковый корпус и механизированные части, ведущие боевые действия. Наступление их было настолько успешным, что немецкие войска без особого сопротивления оставили город Минск. Преследуя отступающего противника и не встречая с их стороны сопротивления, мы освободили город Лида.

Механизированные войска настолько быстро преследовали противника, что пехота отставала на 50–70 километров. В нашем тылу оставались некоторые немецкие подразделения. Немцы, не зная, что Минск уже занят нашими войсками, спешили выйти из окружения, и двигались по направлению к городу. Поэтому некоторая часть механизированных подразделений и наш дивизион были возвращены в Минск. При подходе наших пехотных частей немцы, видя, что их сопротивление бесполезно, стали сдаваться в плен. Когда мы вторично проезжали мимо Минска, я впервые увидел в таком большом количестве сдавшихся немецких солдат. Пленные занимали всю возвышенность около Минска. Наш дивизион не

останавливался и следовал дальше по заданному маршруту согласно приказу.

Далее мы стали продвигаться, преследуя противника, к границе Польши, где на своем пути встретили водную преграду – реку Неман. Передовые войсковые части сходу форсировали реку и на другом берегу заняли плацдарм. Неожиданно на наши позиции налетела немецкая авиация и стала бомбить. Им удалось разбомбить переправу через реку. Во время бомбежки я получил контузию с ранением в области лица. Придя в сознания, я отказался от госпитализации, так как ранение было небольшое. Немцы, видя, что на захваченном плацдарме находится небольшое количество войск и мало боевой техники, решили выбить наши войска с захваченного плацдарма. Ими в бой были введены отборные части СС. Ввиду их превосходства в живой силе и технике наши войска стали отходить к реке. Выждав момент, когда немцы вышли на открытую местность, по ним всем полком произвели два залпа. От массированного огня немцы понесли большие потери, и атака была сорвана. Немедленно была восстановлена переправа через реку Неман, и наши войска свободно стали форсировать реку, но уже под прикрытием авиации.

Преследуя отступающие на запад немецкие войска, мы заняли город Krakow. К этому времени я уже был в должности командира орудия и одновременно в должности адъютанта при комбате майоре Шилове. Какими были обязанности адъютанта? Я вместе с комбатом выезжал для выбора новых огневых позиций, а затем сопровождал туда батарею.

Преследуя отступающих, дивизион и другие войсковые подразделения вышли через польскую территорию на границу Восточной Пруссии. Осенью 1944 года мы пересекли эту границу, захватив два города: Эткунен и Шталупенен, и продвигались к Кенигсбергу. Крепость Кенигсберга – это построенные на большом расстоянии форты, из которых в восточную сторону направлена вся огневая система противника. Стены фортов были

очень толстые, и наша авиация бомбила эти форты, не нанося им серьезных повреждений. Крепость взять не удалось. Войска понесли потери, и наступление в этом направлении было приостановлено.

Обходным путем, минуя форты, наши войска стали преследовать немецкие войска Зенландской группировки. Разбив ее, мы вышли в тыл крепости. Соответственно, форты стали совершенно небоеспособны, так как с западной стороны в стенах были только окна и ворота для въезда автомобилей. При приближении наших войск немцы не стали оказывать сопротивления, а отошли вглубь фортов. Мы стали «выкуривать» немцев, применяя терmit. Вскоре, видя свое безвыходное положение, гарнизон немцев стал добровольно сдаваться в плен. Для окончательного захвата Кенигсберга было сосредоточено большое количество войсковых частей: артиллерии, механизированных частей и авиации. Наш дивизион вышел на прямую позицию и в начале боя дал только два залпа. На город налетела авиация. Наша авиация прилетала партиями по 50–70 самолетов, соблюдая строевой порядок. Американская и английская авиация кружилась как воронье. Город бомбили несколько тысяч самолетов. В течение часа Кенигсберг был занят нашими войсками.

Преследуя отступающие немецкие войска, дивизион приблизился к городу Порт-Пилава и занял огневую позицию на высоте против города. Немцы, понимая, что не смогут оказать сопротивление, решили переплыть пролив и добраться до косы Фриш-Гау, по которой можно следовать до города Данциг. Немецкие войска начали переправляться на любом подручном плавсредстве. Нашим дивизионом прямой наводкой было произведено по ним два залпа. Наверное, никто из находящихся в воде немцев не остался в живых. Власовцы, находящиеся среди немцев, стали оказывать сопротивление нашим войскам, и были полностью уничтожены. Сдавшиеся немецкие солдаты были отправлены в тыл.

После взятия города Порт-Пилава 42-й гвардейский минометный полк

должны были перебросить для взятия Берлина. Произошла заминка с передислокацией. Командир полка Майоров выехал для получения приказа, но в пути попал под артиллерийский обстрел и был убит. Наш полк оказался в резерве и был отведен под Кенигсберг. Там мы и встретили День Победы.

Ночью мы услышали сильную стрельбу, и наш дивизион был поднят по тревоге. Затем нам объявили, что это победа над немецкими захватчиками. Представляете, какая была радость у личного состава дивизиона! Мы тоже открыли стрельбу из стрелкового оружия. У всех солдат и офицеров нашего дивизиона была настоящая радость от того, что настал конец проклятой войны, и мы остались живы.

У Кенигсберга мы пробыли около месяца, а затем нас погрузили на железнодорожные платформы. Место назначения держалось в секрете. Когда мы проехали Москву и Горький, появилось предположение, что нас везут на Дальний Восток. Путь проходил через Красноярск. Комбат Шилов, зная, что мои родители живут близ города, предложил мне побывать дома. Я ответил, что желательно бы, но каким образом? Комбат сказал, что на меня от командира дивизиона получено отпускное разрешение. Нужно следовать на поездах, движущихся впереди нашего эшелона. Дома можно побывать денек и сразу возвращаться на станцию Красноярск. Если не успею к поезду, придется догонять, и дал мне литер эшелона. Получив сухой паек, я отправился домой. Ехал на попутных поездах без сна. В Красноярске я посетил сестру Шуру и вместе с ней выехал в Вознесенку, где жили мать Мария Леонтьевна и сестра Вера. Пробыв у них день, в 10 вечера я прибыл на станцию Красноярск. Наш эшелон был уже там. Я доложил о своем прибытии Шилову, залез в кабину автомобиля и проспал около полусуток.

Война с Японией. Прибыв на Дальний Восток, полк поступил в распоряжение Приморского военного округа. Наш дивизион занял исходную позицию недалеко от города Гродеково вблизи заставы Котельникова, высота Гроб. В начале августа 1945 года началась война против Японии.

По передовым позициям японцев у города Дунина нами был произведен один залп, затем началось преследование отступающих в обход города. Сопротивления на нашем направлении почти не было, и мы к вечеру достигли Хинганского перевала. Когда мы подъезжали к перевалу, из засады раздался пулеметный огонь, открытый солдатом-самураем. Залпом из одного орудия он был уничтожен. Дальнейший подъем на перевал и спуск с него проехали благополучно. За ночь мы преодолели перевал и выехали на равнину. Можете себе представить, какое зрелище мы наблюдали в период подъема и спуска с перевала. Когда автомобили с зажженными фарами ехали, освещая дорогу, то казалось, что образовалась светящаяся лестница, проложенная среди леса.

Не встречая сопротивления, мы овладели городом Хедзио. Дальнейшее продвижение в глубь Корейской территории было еще интереснее. Видимо, японское командование дало распоряжение войскам не вступать в боевые действия с нашими войсками. Это было видно на примере того, что при подъезде к японскому гарнизону у ворот при въезде на территорию гарнизона стояли японские часовые без какого либо сопротивления разрешали нам заправлять автомобили горючим, а мы им на количество взятого бензина писали расписку и следовали дальше.

Без единого выстрела достигли города Чимольпо [Чемульпо], заняв его, мы вышли к проливу, идущему к Красному морю. По ту сторону пролива стоит город Сеул, который был занят американскими войсками.

Техническое вооружение Японии находилось в плачевном состоянии. Орудия были на деревянных колесах, а танки имели тонкую броню. В начале сентября 1945 года было официально объявлено о прекращении войны и победе над Японией.

В январе 1946 года я был направлен на учебу в школу сержантского состава огневого взвода при 42-м гвардейском минометном полку. В связи с полученной контузией во время учебы в школе ухудшилось состояние моего

здоровья, и я был помещен в госпиталь. Пройдя курс лечения, я был направлен на военно-лечебную комиссию, где был признан негодным к дальнейшей службе в армии и был отчислен в запас.

В суворые годы Великой Отечественной войны я прошел огненными дорогами четыре фронта: Северо-Западный, 2-й Прибалтийский, 3-й Белорусский и 1-й Дальневосточный. Во время войны я был награжден орденом Отечественной войны I и II степени и медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Кроме того, в соответствии с приказом Верховного главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина от 23 августа 1945 года за № 372 мне объявлена благодарность «За отличные боевые действия».

25 мая 1946 года меня выписали из госпиталя. Я пошел в штаб 42-го гвардейского минометного полка. В штабе меня пригласил к себе командир полка подполковник Смирнов. Он поблагодарил меня за службу, вручил медаль «За победу над Японией» и благодарственное письмо от Сталина «За отличные боевые действия на Дальнем Востоке». Затем меня пригласил начальник финансового отдела полка, который сказал, что согласно моему денежному аттестату за весь период участия в боевых действиях и нахождения за границей мне начислено 7500 рублей и 1200 юаней. На полученные юань можно было купить подарки домой.

Кроме меня в штабе полка находилось еще четыре пожилых солдата, уволенных в запас и собирающихся ехать домой. Нам разрешили пойти в город за покупками. Когда мы зашли в магазин, в зале никого не было. На стене висело объявление на русском языке: «Если хочешь купить товар, дерни за висящую веревочку». И действительно, когда мы дернули за веревочку, зазвенел звонок, на вызов пришел хозяин. Это говорит о том, что в Корее краж как таковых не было. У нас бы в России сразу растащили все товары. На имеющиеся у меня 1200 юаней я купил 6 метров хорошего

материала из шерсти на костюмы и 6 метров белого шелка на рубашки. На остатки денег я купил в другом магазине фрукты. На следующее утро к нашей группе солдат пришел начальник продовольственного снабжения и объявил, что отезжающим домой солдатам, согласно приказу Верховного главнокомандующего, вручаются подарки: 5 кг сахара и 5 кг риса. После этого к штабу подъехал грузовой автомобиль, в кузове которого были сиденья, нас повезли к нашей границе, в район заставы Краскино. На заставе нас проверяли и осматривали вещи, чтобы не было оружия. После осмотра нас пропустили через границу, и мы поехали в Хабаровск. Там выдали сухой паек на время следования каждого из нас, затем посадили в вагон-теплушку товарного состава, следовавшего в западном направлении.

Днем наш эшелон подъехал к Байкалу, так как железная дорога проложена вдоль его берега. Я впервые воочию видел Байкал и любовался его красотами. В некоторых местах отвесные скалы доходят до самой воды, и наш состав преодолевал их через тоннели. До Иркутска я насчитал таких тоннелей четыре. Однажды, когда состав остановился рядом с Байкалом, я подошел к воде и увидел, что она очень чистая и даже на большой глубине хорошо видны лежащие на дне камни.

От Иркутска мы ехали всю ночь и утром достигли железнодорожной станции Зыково. Я сошел с поезда и 9 километров пешком добирался до Вознесенки, где проживала моя мать с племянником Борисом. Придя домой, я увидел, что леса, заготовленного для перестройки дома, нет. Мать мне рассказала, что лес она отдала на нужды колхоза по просьбе председателя Комарова Петра Ивановича, на что председатель написал расписку и обещал вернуть лес после войны. А также была написана расписка на полтора центнера зерна пшеницы, которые недополучила мать от колхоза. Я взял обе расписки и пошел вправление колхоза, где встретился с Комаровым и предъявил ему обе расписки. Председатель обещал в течение недели привезти мне лес. Также сказал мне пойти с его письмом на склад колхоза и

получить долг зерна мукой. После этого я договорился с Авдосеевым о перестройке дома. Когда подвезли лес, Авдосеев и еще три человека приступили к перестройке дома. По окончании работы я с ними рассчитался.

Служба в милиции. В начале июня 1946 года я приехал в район, чтобы встать на учет. Сначала обратился в военкомат. В связи с тем что я был непригоден к службе в армии, мне отказали в постановке. После чего я обратился в райком партии, где был принят на партийный учет. Меня пригласил секретарь райкома партии Баландин на беседу. Он мне предложил две вакансии: в исполкоме райсовета – должность инспектора и в милиции – участкового инспектора. Зарплата по этим должностям была одинакова – 360 рублей в месяц, но в милиции еще давали спецпаек. Так как время после войны было тяжелое, я выбрал работу в милиции. Начальник милиции старший лейтенант Иванов направил меня в краевой отдел кадров УВД. После беседы в отделе мне предложили написать автобиографию и заполнить анкету, в которой указать полные данные на всех родственников. После того как я заполнил эти документы, меня направили в санчасть МВД для прохождения медицинской комиссии. Несмотря на то что я демобилизовался из секретной воинской части, проверка моих родственников длилась еще почти месяц.

4 июля 1946 года был издан приказ начальника УВД генерала Сенаторова о принятии меня на работу в должности участкового инспектора Советского райотдела милиции с направлением для прохождения службы в Советский район Красноярского края. На этот период в штате Советского райотдела милиции было 22 сотрудника: начальник райотдела МВД майор Попов, начальник милиции ст. лейтенант Иванов, оперуполномоченный уголовного розыска Козлов, начальник паспортного стола Демидова, три участковых уполномоченных: Стрикилев, Гончаров и я, 7 рядовых милиционеров, инспектор пожарной охраны, машинистка Комарова, бухгалтер Белянина.

Кроме того, в этом райотделе была Комендатура из пяти сотрудников, которые вели учет и контроль за высланными в наш район спецпоселенцами.

С милицейской работой я был совершенно незнаком. За мной был закреплен центральный участок с центром расположения резиденции в селе Вознесенка, на территории которого было три сельских совета. В эти три сельсовета входили всего 15 деревень.

Для ознакомления с работой Иванов направил меня в распоряжение оперуполномоченного уголовного розыска Козлова. Впервые с ним я выехал на место совершения кражи. При осмотре места происшествия я внимательно наблюдал за Козловым, как он осматривал место происшествия, как оформлял протокол осмотра. Затем он стал допрашивать потерпевшего, а затем свидетелей. Козлов мне разрешил допросить одного свидетеля под его руководством. На этом мое первое ознакомление с работой было окончено, и мы вернулись в отдел милиции.

На следующий день на моем участке, в деревне Челноково, была совершена квартирная кража. Из старослужащих работников милиции в отделе никого не было, и начальник предложил мне на место происшествия выехать одному. Я сказал ему, что еще плохо знаю работу дознания, на что он мне ответил: «Если что-нибудь будет неясно, звони мне, я окажу тебе помощь советом». Приехав на место происшествия, я, как умел, оформил протокол осмотра, затем преступил к допросу потерпевшего, который при допросе назвал фамилию свидетеля кражи. Во время допроса свидетель назвал мне фамилию преступника.

При допросе подозреваемый не признавался в краже. Я позвонил Иванову и спросил у него, как поступать мне дальше, так как есть прямой свидетель. Он мне предложил провести очную ставку: «Вызови их обоих и по очереди задавай вопросы». Я же, не зная, как она проводится и оформляется, ничего положительного достичь не смог. Я вторично позвонил Иванову. От него поступило указание задержать подозреваемого и доставить

в отделение милиции, что я и сделал. Иванов, просмотрев собранные мною материалы по краже, засмеялся и сказал, что положит их в сейф и, когда я освою работу милиционера, отдаст на память.

После этого меня направили в Краевое управление милиции для обучения. Кроме меня, прибыли для обучения еще 9 сотрудников из других органов милиции. Занятия с нами проводил полковник милиции Ефимов. Он рассказывал об обязанностях участкового и правильном оформлении документов, о правилах проведения дознания и т.д. За 10 дней проведенных занятий я много узнал о работе милиционера. Применяя знания на практике, за полгода я раскрыл 18 уголовных преступлений. За это 14 декабря 1946 года руководством УВД мне была объявлена благодарность. Позже было присвоено звание «младший лейтенант милиции».

Навести образцовый общественный порядок на обслуживаемом мной участке в одиночку было сложно. Я стал подбирать доверенные лица и бригадмайцев для помощи, которые стали принимать активное участие в наведении общественного порядка. В подтверждение этого приведу пример.

В ноябре 1947 года в деревне Челнокова из магазина была совершена кража. Украден сейф, в котором находилось 40 тысяч рублей. При осмотре места преступления было установлено, что преступник, сорвав замок на двери магазина, украл сейф. Других следов, оставленных преступником, обнаружено не было. Для раскрытия преступления я привлек двух бригадмайцев. С их помощью был найден сейф в огороде в стоге сена. При осмотре сейфа установлено, что сейф был вскрыт, а деньги похищены. Отпечатков пальцев на сейфе не обнаружено. При допросе свидетелей удалось установить, что накануне кражи вечером житель деревни Челноков распивал спиртные напитки со сторожем магазина. При допросе сторож подтвердил, что выпивал с Челноковым, быстро опьянел и не знает, когда тот ушел. Челноков при допросе не стал отрицать распития спиртного, после которого ушел домой и о краже в магазине ни чего не знает. Я, зная, что

Челноков ранее судим за кражу, решил произвести в его квартире обыск, но безрезультатно. Я решил провести эксперимент: подвел Челнокова к сейфу и стал через лупу сличать его отпечатки пальцев с якобы существующими отпечатками на сейфе. Я задал ему вопрос: «Что, и теперь будешь отрицать, что ты совершил кражу? Лучше добровольно выдай деньги, это засчитается в суде, а также не будет описано личное имущество, и семья не пострадает». Это подействовало на него. Челноков сказал: «Ладно, ваша взяла, пойдемте, я отдаю вам деньги». В присутствии понятых он привел нас к забору своей ограды и разгреб снег, оттуда достал сумку с деньгами. Оформив протоколом выдачу денег, мы пересчитали их – там оказалось лишь 37 тысяч рублей. Я спросил, где остальные. Оказалось, Челноков спрятал их на крыше сарая. Благодаря находчивости я раскрыл кражу и возвратил деньги в магазин. За это мне была объявлена благодарность с выдачей денежного вознаграждения.

А вот следующий пример, как с помощью доверенных лиц, было раскрыто крупное хищение денежных средств в колхозе «Спартак». В конце 1947 года от доверенного лица стала поступать информация, что председатель колхоза Гайдай, пользуясь своим положением, совершает хищения колхозных средств. В начале апреля 1948 года от другого доверенного лица поступила информация, что Гайдай лично отправил со склада на мельницу 5 кулей семенной пшеницы, завез 2 куля муки на квартиру своей сожительницы Ермолаевой. Для проверки этой информации я выехал на мельницу, которая находилась на реке Есауловка в деревне Киндякова. Мельником работал Самсонов. Он подтвердил, что Гайдай привозил 5 кулей пшеницы на муку, которую затем увез. Также он рассказал, что председатель уже несколько раз привозил лично зерно на мельницу. Вернувшись обратно в Вознесенку, я произвел обыск на квартире Ермолаевой, где обнаружил 2 куля муки, которые изъял и сдал на хранение на склад колхоза. На допросе Ермолаева подтвердила, что ей муку привез

Гайдай, никаких документов на это не оформлялось, и денег за нее она не платила. Обыск на квартире Гайдая произвести не удалось, так как требовалось постановление на право обыска в квартире председателя колхоза, а у меня его не было. По факту хищения семенного зерна мною было возбуждено уголовное дело. В связи с этим было вынесено постановление о проведении бухгалтерской ревизии за 1947 и 1948 годы. Бухгалтер колхоза Безгодов в беседе рассказал, что в 1947 году Гайдай из колхоза отдал корову секретарю райкома партии Баландину, а денег в колхоз не поступило. Для проведения ревизии прибыло три бухгалтера из других колхозов. Безгодов также изъявил желание сотрудничать с органами милиции. 4 дня в колхозе проводилась ревизия за 1947 год, а на 5-й день была устроена пьянка и ревизия была закончена. Об этом инциденте мне сообщил Безгодов, еще добавил: «Они обвиняют тебя в самовольном захвате колхозной земли в размере 1 гектара, и уже увезли материалы в райком партии». Сообщение Безгодова подтвердилось. Меня пригласил к себе прокурор района Григорьев. В кабинете прокурора также присутствовала следователь прокуратуры Торгашина Ольга Петровна. Прокурор сказал мне, что из райкома партии на меня поступили материалы о привлечении за самовольный захват колхозных земель. На это я ему ответил, что самовольно землю не захватывал, о чем можно спросить начальника милиции Иванова, он знает, как она была выделена. А также я сказал, что никакого отношения вы ко мне не имеете, так как у нас есть особый отдел по личному составу, и он решит, есть ли моя в этом вина. Ольга Петровна вмешалась в наш разговор и сказала Григореву прекратить безосновательное обвинение.

Не дожидаясь результатов ревизии, я поехал в УВД края. Там зашел к начальнику краевого ОБХСС Пахомову и доложил о собранных материалах по хищению семенного зерна. Также рассказал, как была произведена бухгалтерская ревизия. Выслушав меня, Пахомов позвонил в краевое ревизионное управление и договорился о выделении ревизора КРУ для

проведения ревизии в колхозе. Если мне память не изменяет, фамилия ревизора была Золотухин. После знакомства он мне предложил опечатать зерновые склады, и отпуск зерна производить только после взвешивания, и приступил к проведению ревизии.

Через некоторое время кто-то сообщил в крайком партии, что я срываю посевную. Оттуда приехал представитель, который пригласил меня к себе для беседы. Меня спросили, почему я срываю посевную кампанию, т.е. опечатал склады и препятствую брать зерно для посева, на что я ему ответил, что зерно со склада для посева можно брать после взвешивания. Убедившись, что это является правдой, он уехал. По окончании ревизии было установлено, что Гайдай нанес колхозу убыток в размере 60 тысяч рублей. А также было установлено, что секретарь райкома партии Баландин приобрел за счет колхоза для себя корову. Впоследствии он был снят с занимаемой должности.

26 октября 1948 года мне была вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» за работу бригадиром тракторного отряда с 1941 по август 1942 г.

В течение трех лет после демобилизации из армии я вел холостяцкую жизнь. В начале декабря 1948 года я встретил девушку, которая мне понравилась, Елистратову Марию Алексеевну. После знакомства мы полюбили друг друга и решили пожениться. Я с матерью пошел к Елистратовым сватать в жены Марию. После просвата назначили свадьбу на 1 января 1949 года. Весь свадебный обряд проходил по старинному обычаю нашего села. Когда мы подъехали к дому невесты, в дом нас не пустили. Пришлось платить выкуп. Невеста села в первую кошеву, а я во вторую. Нужно было не отставать от первой подводы, где находилась невеста, и исключить возможность ее похищения. Накатавшись вдоволь по деревне, мы приехали в сельсовет и зарегистрировали брак. Свадьба длилась в течение двух суток.

Позже из райвоенкомата мне пришла повестка. В военкомате мне вручили медаль «За победу над Германией», медаль «За взятие Кенигсберга» и книжку с купонами для получения денег за имеющиеся награды. За все прошедшие годы в Сбербанке мне выдали больше 1000 рублей. А на следующий год выплаты были отменены.

Я вышел на работу по обслуживанию своего участка. И хочу рассказать о моей работе. Кроме доверенных лиц в работе мне помогали бригадильцы. Продавец Вознесенского магазина Самсонов Михаил растратил денежные средства и скрылся от следствия. Он был объявлен в розыск. Из соседей были подобраны доверенные лица, которые стали следить за женой с ребенком и отцом Самсонова. Осенью 1950 года мне сообщили, что Самсонов вечером пришел в дом к жене. Для задержания я пригласил четырех бригадильцев, так как предполагал, что преступник при себе имеет оружие. Они окружили дом, а я постучал в дверь и попросил открыть дверь. Самсонова проигнорировала требования, а в доме раздался какой-то скрип. Это убедило нас в том, что Самсонов находится в доме. Я еще раз потребовал открыть дверь, или мы взломаем ее. Спустя некоторое время хозяйка открыла нам дверь. Войдя в квартиру, Самсонова мы там не обнаружили. Мы решили, что он спрятался в подполье, осмотреть его решили утром. Утром я нарочно громко предложил Самсоновой взять ребенка и выйти на улицу, так как, возможно, будет стрельба. Михаил подумал, что я буду простреливать пол, сдался. Он крикнул, чтобы мы отодвинули кровать от стены, чтобы он мог поднять доску и вылезти из ямы. Мною ему было предложено оставить оружие в яме, а самому вылезать с поднятыми руками. Так с помощью доверенных лиц и бригадильцев был задержан вооруженный и скрывавшийся от следствия преступник.

А вот еще один характерный пример. На протяжении нескольких лет в районе продолжала действовать вооруженная преступная группа. В ее состав входили братья Степан и Василий Викторовы и Михаил Кирпиченко. Они

скрывались от призыва в армию, жили где-то в лесу, занимаясь при этом разбоем, грабежами и кражами. Из них только Кирпиченко являлся жителем деревни Бархатово. За его родителями было организовано наблюдение со стороны доверенных лиц, но местонахождение Кирпиченко установлено не было. В конце марта 1950 года ночью ко мне на квартиру приехали два бригадмайльца из деревни Лопатино и сообщили, что у них в колхозе из конюшни похищена лошадь. Ночью шел снег, и след саней был хорошо виден. По следу они доехали до Вознесенского кладбища, а дальше след шел в сторону Московского тракта. Мне предложили присоединиться к погоне. У Шумкова с Резинкиным было с собой по двуствольному ружью, я взял боевую винтовку. По следу саней мы доехали до тракта, дальше след вел в сторону деревни Большой Кускун. Проехав от Кускуна около трех километров, впереди мы увидели трех мужчин, ехавших на лошади. Шумков узнал украденную лошадь. Мужчины, сидящие в санях, увидев, что за ними погоня, попытались погнать лошадь в галоп. Я выстрелил в их сторону. Преступники свернули с тракта к лесу, доехав до которого, бросили лошадь и стали убегать в лес. Так как было темно, мы решили дождаться утра и продолжить преследование. Как только рассвело, мы пошли по следу. Следы вывели нас из леса на поляну, посреди которой стоял стог сена. Возле стога след обрывался. Шумков и Резинкин пошли с обеих сторон стога, а я поднялся на стог и дошел до места, где внизу спали преступники. Дойдя до края стога, я крикнул: «Сдавайтесь!». Первый мужчина выскочил из стога с двумя обрезами в руках, но выстрелить не успел. Я опередил его, выстрелив из нагана и ранив его в плечо. Преступник бросил обрезы и упал в снег, рядом с ним упал и второй. Третий с тозовкой в руках успел спрятаться за дерево, попытался отстреливаться, но у него почему-то не получалось. Резинкин остался охранять двух сдавшихся, а Шумков начал обходить третьего сбоку, после моего выстрела по нему. Я держал преступника на мушке и не давал возможности выйти из-за дерева. Видя свое безвыходное

положение, преступник бросил оружие на снег и сдался. Впоследствии оказалось, что была задержана вооруженная преступная группа. За совершенные преступления все трое были осуждены на 25 лет тюремного заключения каждый.

12 сентября 1951 года в семье произошла большая радость – моя жена Мария родила мне дочь, которую назвали Любой. Вслед за этим я получил еще одно хорошее известие – 8 октября 1951 года я был назначен на должность оперуполномоченного уголовного розыска. И мне теперь приходилось обслуживать весь район. Я часто отсутствовал дома, и жене приходилось одной управляться с хозяйством, имея на руках маленькую дочь. Наконец в августе 1953 года мне от милиции села Березовка была выделена квартира. Собрав свои вещи и погрузив их на лошадь, мы переехали в Березовку. Теперь у меня появилась возможность больше уделять внимания семье. Мы определили ребенка в детский сад, а жена устроилась на работу в колхоз кассиром.

Неожиданно в райотделе милиции произошла смена начальника. На должность начальника милиции был назначен Мамаев Борис Николаевич. Он был общительным, наши семьи быстро подружились. И пока он не переехал в Назаровский район, мы были хорошими друзьями. Борис Николаевич был любителем рыбной ловли и имел небольшой невод. В свободное время мы вместе ездили рыбачить на Енисей. В один прекрасный день мы решили семейно отдохнуть на острове Теляп. Перед выходом жена гладила одежду и забыла выключить утюг. Находясь на острове, мы услышали крики. Нас разыскивали на лодке, чтобы сообщить, что наш дом горит. Когда я прибежал к дому, пожар уже был потушен. Во дворе стояла следователь прокуратуры Рацук Антонида Марковна. Благодаря ее действиям пожар был потушен, и до нашего прихода она следила, чтобы не были похищены вещи. В доме я увидел, что стул, на котором стоял утюг, обгорел, и сгорели шторы, также были сильно попорчены фотографии,

висячие на стене.

За прошедшие годы я хорошо освоил работу милиционера и полностью отдавал себя работе, не считаясь со временем. Мною были достигнуты хорошие результаты в раскрытии уголовных преступлений. За умелую организацию оперативной работы по раскрытию уголовных преступлений и поддержание общественного порядка в районе в 1956 году я был назначен на должность старшего оперуполномоченного уголовного розыска. Затем 2 февраля 1956 года мне было присвоено звание «Отличник милиции», с вручением нагрудного значка.

Теперь я хочу поделиться собственным опытом и рассказать, что тщательный осмотр места происшествия повышает вероятность раскрытия уголовных преступлений.

Осенью 1957 года с заявлением в милицию обратился Злобин Михаил, который сообщил, что обнаружил свою жену убитой в доме блокпоста на железнодорожном переезде, где она работала. При осмотре места происшествия было установлено, что через железнодорожное полотно проходит дорога, ведущая от села Березовка в сторону деревни Злобино. Блокпост расположен в трех метрах от линии железной дороги, вокруг которой находится пустырь. Лишь через 200 метров в сторону деревни Злобино строение жилых домов. При входе в помещение блокпоста у стены стоит деревянная лавочка, а рядом на полу лежит труп женщины в полуобнаженном виде лицом кверху. В области головы на полу видна лужа крови. На теле в области лица, головы и ног, каких-либо следов побоев или ссадин не обнаружено. Повернув труп на живот, в области затылка обнаружил большую рубленую рану, нанесенную большим острым предметом. Орудия убийства на месте преступления не обнаружено. При осмотре чердака дома были найдены трусы убитой, чистые, но порезанные в трех местах в виде зигзага. Сделать такой порез острым предметом не возможно. Труп Злобиной был направлен в морг города Красноярска для

установления причины смерти, и выяснения, была ли она изнасилована перед смертью. После осмотра места убийства возник один вопрос: для чего преступнику понадобилось обнажать труп, снимать трусы, разрезать их, а затем, выйдя на улицу, забрасывать на чердак? Невольно напрашивалась версия, что убита Злобина была кем-то из знакомых ей людей, возможно, мужем. На допросе Злобин рассказал, что врагов у его жены не было и кто мог ее убить, он не знает. Заключением судебно-медицинской экспертизы факт изнасилования не подтвердился. При опросе жителей деревни Злобино была установлена подруга убитой, Зарубина Екатерина. На допросе она рассказала, что между супругами Злобиными недавно произошла ссора из-за коровы, о чем именно шла речь в ссоре, она не поняла. Для установления причастности Злобина к убийству жены было подобрано доверенное лицо. Через некоторое время от него было получено сообщение, из которого стало известно, что Злобин, работая в колхозе пастухом, продал несколько коров. Жена стала угрожать, что заявит об этом в милицию. Злобин, боясь, что его могут арестовать, решил убить жену. Злобин был немедленно задержан. На допросе он отрицал продажу коров и убийство жены. Его поместили в камеру, где содержались двое арестованных за кражу и доверенное лицо. Во время разговора с сокамерниками Злобин рассказал, как убил жену, и попросил совета, как ему поступить дальше. Ему посоветовали на допросе признаться в убийстве жены, это ему зачтется на суде.

Как только мне стало известно об этом разговоре, я сразу решил провести допрос. На допрос я пригласил прокурора района Кузебного, так как прямых свидетелей по делу установлено не было и убийца мог с успехом отказаться от своих показаний на суде. Злобин подробно рассказал, как он украл и продал трех колхозных коров, а жена хотела об этом сообщить в милицию, за что он и решил ее убить. Выбрав момент, когда она находилась на дежурстве, пришел к ней на работу и нанес удар топором в область головы. Затем инсценировал изнасилование. Топор бросил в реку Березовку.

После допроса мы вывели Злобина на место преступления, где в присутствии понятых он рассказал и показал, как убил жену, выбросил в реку топор. Вывод подозреваемого на место происшествия в присутствии понятых и прокурора был оформлен протоколом и подписан всеми присутствующими.

Хотя я имел достаточный опыт милицейской работы, но грамотность в работе тоже не последнее дело. В 1955 году я пошел учиться на вечернее отделение в Березовскую среднюю школу. В 1955 году я одновременно поступил в Хабаровскую школу милиции. Трудно было учиться сразу в двух местах. Днем приходилось работать, а ночью сидеть за учебниками. Преодолев все трудности, в 1960 году я окончил оба заведения. В первой школе я получил аттестат зрелости, во второй – диплом юриста.

В 1961 году, мне и моей жене выдали путевку в санаторий «Приморье», находящийся в 22 километрах от Владивостока. На железнодорожной станции Океанская нас встретили и на автобусе привезли в санаторий. Здание санатория оказалось большое, трехэтажное, в виде буквы П. Санаторий построен на возвышенности, так как там кругом расположены холмистые горы, сопки. С нагорной стороны санатория растет лес, а с лицевой стороны проходит асфальтовая дорога, ведущая из Владивостока в Находку. После регистрации нас разместили в двухместную палату, в которой мы находились до конца срока путевок. В здании санатория расположены: лечебный корпус, столовая, кинозал, танцевальный зал, спортивные секции. Кроме этого, была еще большая комната-сад, где находились различные тропические растения. В этом санатории есть возможность лечиться и отдыхать, не покидая здания. В свободное от лечения время мы вместе с экскурсоводом выезжали во Владивосток, знакомились с историческими местами города и его достопримечательностями. Хочу отметить, что город построен среди холмов, вдоль берега моря. Железнодорожный вокзал находится рядом с бухтой

Золотой рог. В бухте на рейде стоят корабли, на берегу морской вокзал-музей и различные памятники. Вдоль центральной улицы Ленина расположены рыбные и промтоварные магазины. Также мы с женой выезжали на экскурсию в бухту Петра Великого. Эта бухта находится между двумя холмами, которые образуют большое полукольцо. Берег здесь скалистый. В центре бухты, в скале, примерно на высоте двух метров, высечены три поросенка, на фоне которых я сфотографировал жену. В бухте не было кораблей, и мы ходили по берегу в поисках ракушек и морских звезд.

Еще мы выезжали на экскурсию по морю от Владивостока до острова Попова. У острова на рейде стояли военные корабли и дислоцировались военные части. Проплыв мимо острова, мы достигли Японского моря. Впереди мы увидели подводную лодку, с которой поступил сигнал, что дальше плыть нельзя. Наш катер повернул обратно. Погода стояла тихая и безветренная, но, несмотря на это, на море была зыбь, и наш катер стало раскачивать. Это неприятно повлияло на нервную систему.

Природа на Дальнем Востоке отличается от природы Сибири. Там растут дуб и разные фруктовые деревья, некоторые из которых цветли уже в апреле. По рассказам местных жителей, растет и дикий виноград. Вернувшись с одной из экскурсий, я был приглашен на переговоры по телефону. Звонил из УВД начальник отдела кадров Бабурин. Он сообщил, что меня решили повысить в должности и назначить начальником милиции вместо Мамаева, и спрашивали моего согласия. Я дал согласие. Приехав домой, я узнал, что Мамаев назначен начальником Назаровского райотдела милиции. Оформив акт приема и передачи и подписав его, Мамаев уехал.

Работая в должности начальника милиции, я стал писать статьи в редакцию районной газеты на тему профилактической работы среди молодежи в целях недопущения с их стороны хулиганства и административных нарушений, а также и на другие злободневные темы.

Кроме этого, я пытался писать стихотворения о работе милиционеров совместно с дружинниками. Вот одно из таких стихотворений:

На крутом берегу Енисея расположен бревенчатый дом.
И морозные зимние ночи опустились за узким окном.
В этот дом никогда не спускаются сны,
Там дежурный сидит за столом у стены.
Ветром поднятый снег прошуршит у окна,
Да по темному небу гуляет луна,
То скроется в тучах, то выгляднет вдруг.
Пустынные улицы, тихо вокруг.
Лишь ветер бушует, и тополь скрипит –
В такую погоду преступник не спит,
Как медведь, выползает с берлоги своей,
Украдкой спешит он грабить людей.
Работник, будь зорок в часы темноты,
Совместно с дружиной проверьте посты.
Дружинника честный народ избирал,
Чтоб помочь работникам он оказал,
Чтоб вместе с дружиной преступность пресечь,
Порядок чтоб был, и добро уберечь.
Дружинник сказал, что «Я помочь свою
Всегда окажу вам в неравном бою».
Идут они молча в ночной тишине.
Но что это? Тень промелькнула в окне.
На миг человек задержался в окне,
На землю он спрыгнул с вещами в узле.
Как только ногами земли он достал,
Бегущих к нему он людей увидел.
Как заяц пугливый, с узлом побежал
От страха бледнеет, и сам задрожал.

Работник с дружинником сзади бегут –
И пойман преступник, с поличным ведут.
И пусть это помнит преступник-бандит –
Везде ему путь к преступлению закрыт.

1961 г.

В мае 1961 года я был назначен на должность начальника милиции Советского райотдела. Приступив к работе в новой должности, я впервые столкнулся по работе с председателем Советского райисполкома Дергач. Органы милиции, по постановлению правительства, стали передавать в подчинение советско-партийных органов. Воспользовавшись этим, Дергач пригласил меня к себе и потребовал выдать паспорт приехавшей из Хакасии его племяннице. Мною в этом ему было отказано. После этого Дергач позвонил начальнику Краевого УВД Жижину с жалобой на меня за неподчинение. Жижин попросил передать мне трубку, я объяснил ему ситуацию, и передал трубку обратно. После разговора с начальником Дергач извинился передо мной и сказал, что был не прав в требовании выдачи паспорта.

Летом 1962 года в помещении райисполкома была совершена кража, при которой был похищен сейф. При осмотре места преступления взломов не было обнаружено. Сейф был найден в двухстах метрах от здания райисполкома на берегу реки Енисей. При осмотре сейфа следов взлома тоже не обнаружено. Возле сейфа валялась куча сожженных бумаг. Что это была за бумага, установить не удалось. По факту кражи было возбуждено уголовное дело. Анализируя протокол осмотра места происшествия, я подумал, что кражу совершили не преступники. Подозрение сразу пало на бухгалтера Мерецкую. Для отработки данной версии из круга знакомых подруг Мерецкой был подобран агент. Спустя некоторое время агент сообщила, что кража была инсценирована работниками райисполкома с целью сокрытия следов хищения, а кассовую книгу Мерецкая хранит у себя

дома под комодом. После этого был произведен обыск, и кассовая книга была изъята.

Дергач, узнав об обыске и изъятии кассовой книги, вызвал меня к себе и спросил, на каком основании был проведен обыск у работника райисполкома. И потребовал вернуть кассовую книгу. Я ответил, что обыск произвел на основании санкции прокурора, а вместо кассовой книги могу предложить копию протокола обыска. На допросе Мерецкая рассказала, что они совместно с Дергачом совершали хищение государственных средств, и с его согласия она инсценировала кражу сейфа. Мерецкая была арестована, а уголовное дело передано в прокуратуру. Дальше расследование проводила следователь прокуратуры Торгашина Ольга Петровна.

В результате Мерецкая была осуждена на 5 лет лишения свободы, председатель Советского райисполкома Дергач был снят с должности, а уголовное расследование в отношении него было прекращено, так как он недавно был награжден орденом Ленина, и ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Президиум Верховного совета не дал согласия о лишении Дергача звания Героя Социалистического Труда.

Эти примеры я привожу, для того чтобы показать, что отдельные работники советско-партийных органов, пользуясь своим положением, оставались безнаказанными за совершенные ими преступления. Это продолжается и в настоящее время. Почти никто из больших чиновников не привлекается к ответственности за совершенные преступления.

12 марта 1962 года в нашей семье произошла большая радость. Жена Маша родила долгожданного мальчика, которого назвали Володей. В честь этого события я купил большую картину, на которой изображена большая ваза, наполненная различными фруктами. Настроение у нас с женой было необыкновенное – наконец-то у нас в семье есть доченька и сынок!

В связи с 45-летием Советской милиции, а также за образцовое обеспечение охраны общественного порядка в районе и за борьбу с

уголовной преступностью 30 октября 1962 года мне было присвоено почетное звание «Заслуженный работник Министерства охраны общественного порядка». 30 декабря этого же года за успехи в борьбе с уголовной преступностью, перевоспитание осужденных, личную дисциплинированность я был занесен на краевую Доску почета.

В 1963 году по решению правительства проводились укрупнения сельских районов. В Емельяновский район вошли еще Козульский и Советский. После объединения райотделов милиции в один я в марте 1963 года был назначен на должность начальника объединенного райотдела милиции. За умелое воспитание личного состава райотдела, за раскрытие уголовных преступлений и поддержание в районе общественного порядка, за укрепление оперативно-розыскной службы райотдела, указом Президиума Верховного совета СССР от 27 июля 1965 года я был награжден орденом Красной Звезды.

Первым секретарем райкома партии являлся Владыко Иван Антонович, который был о себе высокого мнения, самоуверенный и, отдавая приказы, считал их законными. Также он любил, когда ему льстили, и болезненно реагировал на неподчинение. Он часто требовал привлечь граждан к ответственности, даже если не усматривалась причастность к правонарушениям, и требовал их исполнения. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

Проезжая по полям Шуваевского совхоза, И.А. Владыко увидел, как подросток ремонтировал свой мотоцикл рядом с посевами зерновых. Владыко тут же задержал подростка, требуя привлечь его за порчу посевов. Я выслушал объяснения подростка и разъяснил Ивану Антоновичу, что в данном случае правонарушения не усматривается. На этом разговор был окончен, а подростка отпустили домой.

Второй пример. И.А. Владыко, проезжая по дороге бывшей деревни Погореловка, увидел, как мужчина набирал землю с огорода в машину. Он

задержал его и доставил в милицию, требуя привлечь его за это к уголовной ответственности. На это я ему ответил, что в этом нет состава преступления, и я не стану привлекать невинных граждан, а если не согласен позови прокурору. Конечно, это было нетактично с моей стороны, но за пять лет он вынудил меня своими мелочными указаниями. Этой ситуацией он воспользовался в дальнейшем. Во время празднования 7 ноября в 1968 году по составленному графику ответственным дежурным по райотделу милиции был назначен зам. начальника по службе Фомин Федор Васильевич. На дежурство он пришел пьяным. Мною с ним была проведена беседа о том, какой пример он подает подчиненным. Также я его предупредил, что, если еще хоть раз он придет в отдел выпивший, я поставлю вопрос о его дальнейшем пребывании в должности перед отделом кадров УВД. После этого Фомин с жалобой обратился в райком партии к Владыко.

Фомин с ним находился в дружеских отношениях и надеялся, что он защитит его. Этим и воспользовался Владыко, решив заслушать меня на бюро райкома с вопросом: почему я грубо отношусь к работникам райотдела Фомину и Казакову (последний имеет орден Ленина). Заслушав против себя обвинения, я пояснил членам бюро в отношении Фомина: он на дежурства приходит в нетрезвом состоянии, какой же пример он подает подчиненным, и можно ли с этим мириться.

В отношении Казакова: то, что он был награжден орденом Ленина, это большая его заслуга, но он неоднократно появлялся в райотдел выпивший, и с этим я мириться не буду. Нужно применять все необходимые меры для наведения порядка в отделе. Затем в мою защиту выступили члены бюро, и я никакого наказания не получил, ограничились обсуждением.

В течение шести лет у меня с первым секретарем партии Владыко были разногласия по работе. Поэтому в марте 1969 года я перевелся в городской райотдел милиции на должность заместителя начальника милиции по оперативной работе ОВД Ленинского исполкома райсовета депутатов

трудящихся города Красноярска. В Красноярске я встретился с начальником милиции Мамаевым Борисом Николаевичем. Через девять лет нас судьба опять свела вместе. После беседы Борис Николаевич сказал, что возможности сразу предоставить мне квартиру пока нет, но через месяц я получу квартиру обязательно.

На это время меня поселили в гостиницу «Химволокна», плату за проживание с меня не брали. К работе я приступил на следующий же день. В апреле я получил четырехкомнатную квартиру и перевез свою семью в Красноярск. С Мамаевыми настоящая семейная дружба продолжалась вплоть до их смерти.

Приступив к работе в новой должности, я прежде всего познакомился с личным составом уголовного розыска. Затем изучил ранее совершенные преступления. В ОВД Ленинского района я проработал до 1978 года.

В 1978 году меня проводили на пенсию, на заслуженный отдых. Торжество прошло на президиуме Управления краевого УВД. На президиуме, кроме меня и жены были заместитель начальника краевого УВД Герасимов, секретарь райкома партии Пшенко, председатель райисполкома Кулаков, прокурор района Устюгов, начальник милиции Мамаев и начальник Кировского райотдела милиции Сакович. В зале присутствовали, кроме сотрудников нашего коллектива, работники прокуратуры и адвокаты. После торжественной части и поздравлений мне были вручены ценные подарки: от УВД края было вручено пенсионное удостоверение и путевки на меня и жену в санаторий «Приморье», от райисполкома вручили хрустальную вазу с шестью рюмками, от коллектива Ленинского райотдела милиции – большой ковер, от прокуратуры – хрустальный графин с шестью рюмками, от коллектива Кировского райотдела милиции – электрический самовар. После этого было организовано чаепитие. Весь процесс торжественной церемонии и чаепития проводилась фотосъемка. Был оформлен фотоальбом проводов на пенсию и был вручен мне отдельно.

В органах милиции я проработал 31 год 5 месяцев и 22 дня. В отставку ушел в звании полковника милиции. Этот тяжелый и опасный путь работника милиции мною пройден достойно. Я честно исполнял свой служебный долг, проявлял мужество в раскрытии уголовных преступлений и задержании вооруженных и опасных преступников. Проявлял личную дисциплинированность. За это был награжден орденом Красной Звезды и медалями: «За боевые заслуги», «За отличную службу по охране общественного порядка», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «За безупречную службу» I и II степени, «50 лет Советской милиции», «Ветеран труда», «200 лет МВД России». Особенno для меня ценно присвоение звания «Заслуженного работника МООП» с вручением наградного знака.

На заслуженном отдыхе. Находясь на заслуженном отдыхе, я чувствовал себя хорошо и сознание подсказывало мне, что нужно трудиться. 22 марта 1978 года я пошел на предприятие «Конта Интернэшнл», там меня приняли на работу в должности консультанта по правовым вопросам. С работой на предприятии я ознакомился быстро и стал добросовестно трудиться. Теперь выходные дни мог не задумываясь использовать по своему усмотрению. Появилась возможность больше уделять внимания семье. Одновременно возникла мысль приобрести земельный участок под дачу. В конце 1978 года я обратился к директору «Завода автоприцепов» с просьбой о выделении земли в их садоводческом обществе «Тайга». В начале 1979 года моя просьба была удовлетворена, и мне выделили 6 соток земли по улице Крайняя 22. Мы с семьей быстро построили домик, вскопали землю и посадили кусты смородины и викторию.

Появилась возможность моей семье избавиться от загазованности. Теперь моя жена с внучатами Сашей и Ларисой могли все лето находиться на природе и дышать чистым воздухом, так как наши дачи окружены лесом. Незаметно подросли мои внучата, и, чтобы они не скучали, я купил им по

велосипеду, чтобы они катались по улицам дач. Когда на выходные я приезжал на дачу, мы вместе с ними ходили по лесу, собирая землянику и грибы. Жена, вернувшись на дачу, часть грибов жарила, а часть солила и мариновала. Внук Саша увлекался рыбной ловлей.

Поэтому мы ходили примерно три километра по лесу на речку Албар, которая впадает в реку Есауловка. Бывало, утром рано идешь к месту рыбалки, а почти из под ног вылетают молодые выводки рыбчиков, отлетев, садятся в траву и замирают. На реке мы удочками ловили рыбу, одновременно любуясь, как из воды выпрыгивали рыбки-ельцы, ловя насекомых. На дачу мы возвращались уставшими, но довольными, неся пойманную рыбу.

В 1980 году сын Володя закончил ГПТУ от завода «Красмаш», получил специальность токаря и стал работать на заводе по специальности. Осенью того же года, не увольняясь, он добровольно ушел в армию, где был зачислен в ракетные войска. Честно отслужив положенный срок, демобилизовался и приехал домой. Здесь он продолжил дружбу с Широковой Еленой Александровной, которая переросла в любовь.

В апреле 1984 года они поженились. После свадьбы Володя ушел жить в семью Широковых. 4 октября 1985 года Лена родила девочку, которую назвали Ирой, а 8 апреля 1988 года вторую девочку, которую назвали Аней. От Широковых они ушли в однокомнатную квартиру и стали жить самостоятельно. В 1989 году дочь Люба с мужем Васей получили четырехкомнатную квартиру в Советском районе и переехали от нас. Мы с женой стали жить вдвоем. 1 августа 1994 года мне пришлось уволиться из-за болезни жены, так как ей нужен был уход. После этого мы еще целый год ездили на дачу. Я старался отвлечь ее внимание от болезни. 15 сентября 1995 года Люба приехала с мужем к нам, и мы договорились на завтра, что я с Васей поеду на дачу убирать овощи, а Люба останется дома с матерью. Жена возразила нам, сказав, что тоже поедет подышать свежим воздухом. В 4 часа

утра 16 сентября 1995 года Маша проснулась, сильно вскрикнула, немного приподнявшись, а затем повалилась на меня. Она только успела сказать: «Я умираю» – и, потеряв сознание, вскорости умерла.

12 февраля 1999 года внучка Лариса вышла замуж за Фомичева Олега Александровича. 20 июля 1999 года Лариса родила девочку, которую назвали Виолеттой. Теперь у меня были не только внучата, но и появилась правнучка. 25 февраля 2000 года внук Александр женился на Никулич Елене Михайловне. 9 февраля 2005 года Лена родила девочку, которую назвали Аней. Теперь у меня стало две правнучки.

Ира и Аня по окончании средней школы получили аттестаты зрелости. Особенно отличилась Аня, она получила аттестат с серебряной медалью, и сейчас учится на втором курсе Государственного университета цветных металлов и золота. Ира, окончив учебу в Государственном заочном промышленно-коммерческом техникуме, стала работать и учиться в институте. Сейчас она учится на четвертом курсе Красноярского государственного торгово-экономического института. Обе внучки ведут себя скромно и порядочно, не избалованы. У соседей пользуются уважением. Они достаточно трудолюбивы, в пример своих родителей. Большую помощь в воспитании внучек оказывает их бабушка – Широкова Нэля.

Я с 1995 года, после смерти жены, больше не работал. Мой общий трудовой стаж работы в календарном исчислении 55 лет и 6 месяцев, а с учетом льгот за период войны с Германией и Японией составляет 61 год.

АНДЮСЕВ Е.А. ЗАПИСКИ СОЛДАТА (Курагинский район)*

Ветеран войны и труда Андюсов Ермолай Андюсович награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За Отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»,

*

Вспоминания отца записал Андюсов Б.Е., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.

«Ветеран труда», юбилейными медалями. После работал трактористом в Балахтонской МТС Козульского района, в Балахтонском совхозе, в числе первых получил звание «Ударника коммунистического труда»; закончил заочно Шушенский с/х техникум, работал агрономом в с. Имисском Курагинского района, потом до пенсии – секретарем Имисского сельсовета. Вырастил и воспитал четверых детей.

• • •

Родился я в 1926 году в большой крестьянской семье. У нас было обычное крестьянское хозяйство. Оно требовало много труда. В начале 30-х годов в хозяйстве имели лошадь, корову, больше десятка овец. Земли у нас было много. Когда появились колхозы, мы по-прежнему в деревне оставались крестьянами-единоличниками. Мать была очень набожной и отказалась вступить в колхоз. За это с нас постоянно брали очень высокие налоги. В 1931 году за недоимки коммунисты-активисты у вели корову. В 1933 или 34-м году у нас у вели лошадь, продали нашу баню, ворота, всех овец. Но мы продолжали вести единоличное хозяйство.

Нас, детей, родители рано начали приучать к труду. В возрасте 3–4 лет мы должны были подметать пол в избе и на крыльце. С 5–6 лет нас начали возить на жнитво и учить жать серпом; часто серпом ранил пальцы. Мы играли в подвижные игры, в мяч, городки, много времени проводили на речушке в 1,5 км от деревни. Зимой катались на салазках, постарше – на самодельных лыжах и коньках. Еще до школы пристрастились мастерить игрушки, потом делать макеты самолета У-2. В 6–7 классе научился подшивать валенки.

Дед мой служил 25 лет на флоте, воевал в Крымской войне, был участником кругосветных плаваний. Отец участвовал в Первой мировой войне, был ранен, награжден Георгиевской медалью. Во время той войны он где-то увидел велосипед. Видимо, это его так заинтересовало, что когда вернулся с войны домой, то сделал себе велосипед деревянный. Еще в начале

30-х годов у нас висели на стене амбара гнутые из черемухи колеса от того велосипеда с деревянными спицами. Отец крестьянствовал, но был и очень хорошим сапожником.

В 1941 году началась война. В армию были мобилизованы все трое старших братьев, дяди и другие близкие родственники. Старший брат в конце ноября или начале декабря 1943 года погиб в Иране, в Тегеране, во время Тегеранской конференции. Второй 20 июня 1942 года пропал без вести под Москвой, в Калининской области в разведке, всей группой в тылу у немцев. Третий из братьев во время войны служил в батальоне аэродромного обслуживания в авиационной бомбардировочной дивизии дальнего действия Водопьянова, бомбившей Германию. Рассказывал после войны, что однажды задержал диверсанта со взрывчаткой для подрыва самолетов.

Мне, как самому младшему из братьев, в войну только и приходилось работать и работать, чтобы выжить, но я продолжал учиться и закончил 8 классов. Мой 26 год рождения начали призывать осенью 43-го года. Меня из-за маленького роста (ниже 150 см) сначала не призывали, но когда исполнилось 18 лет, я достиг роста 149,5 сантиметров, взяли в армию.

Запасной полк. В запасном полку меня зачислили в лыжную команду. С детства постоянно на лыжах катался. Ежедневно тренировались, бегали на лыжах в сапогах. Хорошо запомнил лыжный кросс на 40 км. Нас предупредили: «Кто выдержит – попадет в гвардейскую часть». Прошел неплохо. Получил благодарность от командира роты и комвзвода. К концу стали выдавать сухой паек (800 г). Впервые каждый день стали наедаться досыта. В паек входили 1 пачка концентрат «пшенки» или «овсянки», хлеб, сахар (25 г).

На фронт провожали с оркестром. Командир 33-й запасной дивизии (мы были в 133 запасном полку этой дивизии), пожилой, даже старый уже генерал, выступал с речью. Потом пошли музыканты, за ними мы.

Пока ехали до Москвы, только два раза давали горячую пищу. Часов

шесть поезд стоял на вокзале. Ребята-москвичи успели сбегать домой. Топора в товарном вагоне у нас не было. Дрова кололи тормозным башмаком. В товарняке везде были щели. Топилась постоянно печка-буржуйка. За водой бегали к паровозу. Когда заправлялись водой, то сверху лилось, а мы держали под струей котелки.

... Едем на фронт, а вокруг следы войны, разрушения, сгоревшая техника, печные трубы. Выгрузили нас на станции Морозовка. Здесь вооружили карабинами, автоматами, ручными пулеметами, ПТР. Мне выдали карабин. Вскоре нашу часть перебросили на передовые позиции.

Дивизия, в которую мы прибыли, имела в 45-м году после войны полное наименование «52-я гвардейская Рижско-Берлинская, орденов Ленина, Суворова II-й степени, Кутузова II-й степени стрелковая дивизия». А наш 155-й гвардейский полк назывался Померанским. Наряду со 155-м, в дивизию входили 151-й и 153-й полки. В составе 3-й Ударной армии дивизия первой вошла в Берлин. Командиром 52-й гвардейской дивизии был генерал-майор Козин, 155-м полком командовал подполковник Романов. Командир роты был сначала старший лейтенант Ежов, затем, младший лейтенант Подопригора. Нашим первым взводом назначен командовать младший лейтенант Бурков. В апреле 1945 года он стал командиром нашей роты. Когда рота первой в дивизии вышла на окраины Берлина, Бурков был награжден орденом Красного Знамени.

Наступление. После форсирования Вислы (здесь погибло несколько солдат из нашего взвода) мы наступали южнее Варшавы.

... Вошли в деревню, а там все улицы были усеяны трупами наших солдат. Они наступали раньше нас. Было не менее 50 убитых. Мы зашли в ограду, затем вышли в огород. А тут через поле по нам открыла огонь артиллерия, и немцы пошли на нас. Мы стреляем по ним и бегом выбегаем на улицу. Затем, стреляя, стали перебегать на другую сторону улицы. Но немцы в конце улицы успели поставить на церковь пулемет и стреляли теперь вдоль

улицы. Перебегаем группой втроем: первым бежит помкомвзвода, затем бегу я. За мной следом бежит мой товарищ лет 42-х (у нас на двоих был один котелок), здесь, позади меня, его и убило. Я только перебежал улицу вслед за помкомвзвода, как он кричит: «Брат, меня ранило». Помкомвзвода, грузин по национальности, отдал мне перед смертью свою саперную лопатку (у меня своей не было), сам прошел метров 50 и там умер. У него было ранение в живот. Если бы он остался лежать на месте, то, может быть, остался бы в живых. Меня не задело. Были пробиты пулями только шинель и шапка.

Я оказался один на этой стороне улицы. Отстреливался, пока наши не перебежали. Засели в доме в переулке, на углу. Ночевали здесь же. Немцы были в сарае на углу на той стороне переулка, метров всего в 6–7-ми. Всю ночь наши и немецкие патрули ходили по обеим сторонам улицы. Мы с одним солдатом ходили этой ночью за патронами в наш тыл. Взяли патроны, вернулись к своим и второй раз пошли, но тут чуть к немцам не попали. По ошибке свернули в сторону в темноте. Хорошо, наткнулись на убитого немца на улице, вспомнили, где он днем лежал, и вернулись. Потом до утра сидели и следили, чтобы немцы не подкрались.

… Ежов был назначен заместителем командира батальона. Следующей ночью новый командир роты младший лейтенант Подопригора послал нас со старшиной в штаб батальона. Стемнело уже, когда мы пришли в соседний хутор. Зашли в дом. В одной комнате был штаб, а в другой комнате было полно солдат. Все спали. Негде было лечь. У стены стоял большой старинный шкаф. Я туда залез и уснул. … В 10 часов утра немцы пошли в атаку. И одна их самоходка. Но отбились. Минут 15 прошло. Замкомбата Ежов приказал мне быть его связным. Через некоторое время во дворе поставили 45-мм пушку. Только мы поесть успели, как немцы открыли огонь и стали опять наступать. Замкомбата Ежов видит, что наши солдаты стали отступать, побежал к штабу и мне приказывает: «Остановливай их!» Бегу вдоль улицы, кричу: «Приказ – остановиться, назад!!!». Немцы стреляют, из

минометов бьют, но мне все же удалось остановить бегущих солдат (до сих пор удивляюсь, как), а через некоторое время и бой закончился.

В тот же день деревню мы отбили окончательно. Ночь спали спокойно. Под утро – подъем и опять пошли вперед. Прошли 3–4 км. Затем перешли через железную дорогу. Полотно старое, рельсы ржавые. Нас известили: «Впереди хутор. Немцев выбьем и дальше сегодня не пойдем». Дали в поддержку пушку и еще два или три пулемета. Выбивали немцев из этого хутора силами роты. Пошли в атаку. Немцы открыли сильный огонь. Но наша пушка подбила несколько точек. На хуторе немцы сидели в кирпичных домах и сараях за крепкими стенами. В ближайший день взяли еще два хуторка-деревни. Оттуда мы увидели город Линде. Здесь уже была территория Германии.

... Около хутора был лесок. Окопались вдоль леса. Вырыли ячейки одиночные, но нас заставили окапываться по-настоящему. Ходы сообщения вырыли. На другой день наступали на одну из деревень рядом с Линде. Взяли. Но через пять минут нас выбили оттуда в свои траншеи. Под вечер ту же деревню опять взяли с боем и окопались на той стороне, за деревней. Младшего лейтенанта Подопригору сняли с должности командира роты, за отступление накануне. Во-первых, по его вине тогда четыре пушки потеряли, и за то, что во второй раз роту выбили из соседних домов. Новым командиром роты назначили другого лейтенанта.

Город Линде. Нашей дивизии был дан приказ выбить немцев из города Линде. Разведчики работали 3–4 дня там. Говорили, что в садах идет линия окопов и в домах стоят пулеметные точки. Всю нашу роту поставили в резерв, и нас в тот день перевели в соседнюю деревню. Еще 3–4 дня готовились к штурму очень хорошо укрепленного Линде (здесь начинались укрепления знаменитого немецкого «Померанского вала»). В полку у нас прибавилось техники. На помощь прибыли три самоходки СУ-76. Назначили день наступления. Наша 7-я рота опять была переведена из резерва в

расположение батальона. По общему плану наступления наш 3-й батальон поставили на левом фланге. 1-й батальон полка должен был наступать на Линде правее нас.

С утра была артподготовка. Потом мы пошли в наступление. Немцы стреляли по нам. Мы не успели подойти метров 50 до их окопов, как они стали бросать гранаты. В батальоне появились убитые и раненые. Ворвались в окопы, взяли их. Везде лежали убитые немцы. Дальше с ходу ворвались в город. Здесь в 3–4 ряда стояли двухэтажные дома. Наша рота заняла один из домов. Здесь мы захватили четверых пленных. Их заперли под охраной в одной из комнат. В следующих домах тоже были вначале наши из других рот, но их немцы быстро выбили оттуда. Только мы, 7-я рота, удержали свой дом. Затем немцы три или четыре раза продолжили атаковать нас. Я стрелял из карабина из окна второго этажа. А немцы били из пулеметов из окон домов напротив нас. Лейтенант, комроты, на втором этаже командовал.

Началась пятая немецкая атака. Они пошли, а у нас патронов почти уже нет. Но тут весь 155-й с «Ур-р-а!» пошел в атаку и сразу другие дома рядом занял. Немцы отступили. Но мы оборонялись в своем доме до самого вечера. Вечером старшина принес нам патроны и гранаты. Готовились к дальнейшему наступлению.

К этому времени за все время наступления по Польше от Вислы из нашей роты выбыло убитыми и ранеными более 20 человек, пока брали хутора – еще несколько. В наступлении на Линде перед окопами и перед домами мы потеряли убитыми и ранеными из роты еще человек 15. Еще двоих солдат убило и восьмерых ранило в тот день во время обороны дома.

На другой день продолжался сильнейший бой. Первый батальон полка оказался отрезан от всех, и к нему невозможно было пробиться. Они оказались в доме на противоположной стороне улицы. Из соседних домов и вдоль улицы немцы обстреливали и их и нас. Отправили в первый батальон двух солдат-связных, но их убило. Из нашего 3-го батальона для связи

послали меня. Командир полка говорит мне: так-то и там-то ты должен обязательно пройти к ним и передать то-то и то-то. Я откозыржал и собрался выполнять, но подполковник Романов заставил дважды повторить приказ и дважды поправил меня. Только сделаю шаг – командует: «Кругом!». Отпустил, когда убедился, что я понял все дословно.

С нашего НП бросили на улицу противотанковую гранату и начали артподготовку. Грохот, взрывы и пыль. Мне удалось удачно проскочить через улицу. В это время и наши и немцы вели перестрелку из всех домов. Нашел начальника штаба 1-го батальона. Отдал бумажку с приказом и передал подробно все распоряжения комполка. Стали вместе наступать и заняли несколько домов. Весь этот день я пробыл в составе 1-го батальона. Только к вечеру вернулся в свою роту.

Штурмовая группа. На третий день боев в Линде дошли до перекрестка, точнее, до развилки двух улиц. Здесь углом стоял большой трехэтажный дом. Немцы его сильно укрепили. Потеряли наших ребят порядочно, но дом взять не смогли. Разведчики к вечеру обнаружили под землей старую канализацию, которая проходила под этим домом.

Ночью, перед рассветом, сформировали штурмовую группу из 15 человек нашего батальона, кто пошустрие. Я тоже туда попал. Каждой группой из пяти человек командовал офицер. Всем поставили задачу. Все объяснили. Наша пятерка должна была брать 3-й этаж. Пятеркой нашей командовал мл. лейтенант из другой роты. Группой 2-го этажа командовал младший лейтенант Подопригора.

Первыми шли саперы, потом группа 3-го этажа (то есть мы), следом – группы 2-го и 1-го этажей. Воды в канализации не было. Шли пригнувшись. Воздух был очень тяжелый, пахло сыростью. Саперы взорвали во дворе дома верхнюю часть хода и образовался лаз. Мы быстро выбрались. Надо было лезть в окно первого этажа. Как только вылезли из канализации, меня подсадили в одно окно, еще одного товарища – в другое. Чтобы проникнуть в

дом бесшумно, даже сначала гранату не бросили в комнату. Нам просто повезло. Если бы там были немцы, то нас бы убило сразу. Позже постоянно думал о том, как нам повезло остаться в живых.

Через несколько секунд все 15 наших ребят были в комнате. Открыли дверь в коридор. Уже светало. Только вышли в коридор, немцы почуяли нас на лестничной площадке и пошли навстречу. Я тут же заскочил назад в комнату. Но из-за спины кто-то бросил гранату. Мл. лейтенант наш бегом, мы за ним по винтовой лестнице вверх. Главное, нужно было действовать на всех этажах одновременно. Мы пробежали второй этаж и выскоцили на свой, третий. Наш батальон в это время начал атаку на дом. Немцы открыли по нашим огонь из пулеметов из окон дома, и было не до нас. Они все были по комнатам и, поэтому в коридоре на 3-м этаже было пока спокойно.

Еще ночью, когда собрали штурмовую группу, каждому была поставлена своя цель. Моей задачей было бросать гранаты в комнаты. Мне выдали одну противотанковую и четыре противопехотные гранаты. Следом за мной автоматчик из нашей роты должен был стрелять из автомата. Командир «пятерки» в это время держал под прицелом коридор.

Я бегу вдоль коридора и бросаю гранаты. Бросаю гранаты в две комнаты, затем, не задерживаясь, в третью комнату. Сзади ребята залетают и стреляют по пулеметчикам. В третьей комнате немцы уже все поняли и начали стрелять по нам. У нас не получилось все проделать в 1–2 минуты. Нам повезло в том, что в это время в дом ворвались солдаты нашего батальона. Дальше мы продолжали бросать гранаты и стрелять в следующих комнатах. Всего на долю нашей пятерки вышло комнат 6 или 7. Часть немцев сдалось нашим группам в плен. Никого из 15-ти солдат и офицеров всех трех штурмовых пятерок не убило. Мы успокоились. Командир говорит: «Ну вот, 15 минут, и готово». Но тут выскоцил здоровенный эсэсовец и ножом заколол нескольких наших ребят. Стрелять по нему было невозможно: и по своим можно было попасть, и верткий и сильный очень он оказался.

Эсэсовец бросился по винтовой лестнице вниз, скатился, упал, тут его внизу и пристрелили.

В тот день мы взяли еще 3 или 4 дома. Подбегаешь к дому, бросаешь внутрь гранату – и вслед. Еще через два дня город Линде мы взяли полностью. В целом город брали шесть-семь дней наш 155-й и часть 153-го полка дивизии. Вечером заняли еще три деревни-хутора за городом. Остановились в третьей деревне на ночь отдохнуть. Наш взвод занял на ночь полностью целый дом.

В тыл к немцам. Ближе к ночи командир роты отправил меня в составе группы из трех разведчиков (я четвертый) вытащить раненого разведчика из расположения немцев. До немцев было метров 300–400 а мы прошли не меньше 4-х км в их тыл. Несколько раз вокруг слышали немецкую речь. Раненого разведчика мы вытащили на плащ-палатке. Если по лесу и, главное, переходили с ним вброд по пояс в воде

через речушку. Разведчики злы, матерые. Я чуть было не выронил свой угол. Руки занемели. Кое-как дотянулся зубами за угол плащ-палатки и так донес. Если бы уронил, то, вспоминая сейчас, думаю, разведчики могли бы со зла и пристрелить.

Уже после войны, когда попал служить в 1-ю роту (роту «обстрелянных» из госпиталей), я узнал о том разведчике. Мы вынесли из немецкого тыла разведчика-старшину нашей 52-й гвардейской дивизии. О нем ходили легенды. Однажды на вечерней поверке к нам подошел вернувшийся из госпиталя старшина и с ним командир разведроты знаменитый Король и перед строем роты пожали мне руку. Сразу почувствовал, как ребята меня зауважали: ведь сам Король руку жмет!

А тогда, как вытащили разведчика, старшина велел отдохнуть. У печки

начал сушиться. Брюки мокрые. Выжал. Наутро – подъем. Пошли дальше наступать. Через 3–5 км ночью вышли к очередной деревне. Навстречу наступала другая часть. Окружили здесь немецкую часть. Они сдались.

Ранение. В Померании и дальше к Одеру шли с тяжелыми боями. Продвигались с трудом. В тот день 16 марта, когда ранило, мы наступали под утро, прошли километров 10–15. Впереди нашей 7-й роты шел взвод разведки во главе с Подопригорой (он уже в разведке был). Светало. Вышли на большое поле. По обе стороны лес. С азартом даже захватили немецкую траншею, блиндаж, пулеметную точку. Прошли 400–500 метров по дороге, а напротив – хутор с каменными домами. Вдруг оттуда по нам открыли огонь из 3–5 пулеметов и из минометов. Мы все тут же залегли в кювет.

Командир приказал нам отступить. Отходим метров 100, и тут мне как камнем ударило по ноге. Ранило осколками мины в бедро левой ноги и всю шинель поseklo. Отползаю. А у меня граната и патроны в сумке и в карманах. Тяжело ползти. И никак не могу эту сумку развернуть. Кое-как вытряхнул из нее патроны и гранату. Пытался расстегнуть ремень с патронной сумкой, но так и не смог. Они очень мешали мне ползти. Но карабин нельзя было бросать: дело подсудное. Намотал ремень на руку и волок за собой. Полз по полю с раной метров 300–350. До леса осталось метров 50, когда наш новый помкомвзвода увидел, что я раненый ползу, подбежал ко мне, вытащил в лес. Тут и носильщики потащили дальше. Санитары разрезали брюки, перевязали. В это же время под обстрелом из нашей роты 16 человек ранило. Младшего лейтенанта Подопригору тогда контузило. Из старого состава роты к этому времени оставалось в строю не больше двух десятков человек.

Я лежал на подводе. Старший лейтенант Шестаков, замкомандира батальона по политчасти, пришел проститься. Я расчувствовался из-за этого и даже заплакал (мне тогда и 19-ти не было). Очень хороший он был человек, пожилой уже был по возрасту. Постоянно поддерживал, ободрял нас. Помню,

как однажды перед боем он сказал нам: «Ребята, если вы погибнете в этом бою, то знайте, Родина не забудет!».

Потом на подводах нас повезли в дивизионный медсанбат. Мы лежали в шестером: я, Подопригора и еще четверо. Теплый день был, солнце сверху грело. Разморило нас сильно. В медсанбате нас раздели. Положили на стол. Подошла женщина-врач. Сделала перевязку. Дальше на машине повезли в наш корпусной госпиталь.

Полевой госпиталь. В госпитале было полно раненых. Набито полностью. Нары были в 2 яруса. Здесь были танкисты, пехота. Ходячие и лежачие. У меня вдруг понос открылся. Думаю: «Лучше бы меня убило». Осмелился, сказал легко раненому. Дали таблетку, судно. Только на другой день сделали операцию под наркозом. Операцию делали в палатке. Слышал как режут, как осколки вытаскивают, как их выбросили и они застучали об ванну. Вторую операцию делали позже. Заражение пошло, что ли? Или не все осколки вытащили в первую операцию? Положили на нары. Аппетита не было. Ничего не ел, только пить просил. А давали сладкий чай. От этого еще больше спать хотелось. Раненый рядом просит капусту. Санитарка ему принесла. Мне тоже дала. Стало легче, даже появился аппетит. Потом уснул. Голова болит и температура, чувствую. Сестре сказал об этом. Тут врач принесла стрептоцид. Сказала, что из личного запаса пакетик сохранился... Видимо пожалела меня.. Я же тогда на вид совсем мальчишкой был.. Засыпала стрептоцидом рану и сразу полегчало ... Уснул как-то сразу.

Позже вторую операцию сделали. Заражение пошло, что ли? Через неделю нас погрузили в эшелон и повезли во фронтовой эвакогоспиталь. Остановка была в Познани. Нас кормили ветчиной. Ею были забиты склады-холодильники по 300 метров. Из Познани поездом отправили в Седлец.

Эвакогоспиталь. Польша, гор. Седлец. Госпиталь был на окраине города. Сделали перевязку, наложили гипс. Начал немного выздоравливать и ходить на костылях. Так с месяцем пролежал. С утра до вечера играли в

карты. Рядом с моей кроватью лежал солдат, старик лет 50-ти, хохол. Подружились крепко. Он сильно привязался ко мне, молодому.

Проводились политинформации. Получили как-то раз пакетики с американскими сладостями, конфетами. Я с детства был мастеровой. Очки наладил врачу госпиталя, как пенсне, капитану пожилому. Он сразу к себе приблизил. Даже конферы мне приносил. А потом подарил офицерский ремень с портупеей. Щеголял. Узже после войны в роте я этот ремень подарил комантиру роты старшему лейтенанту Буркову. У него не было даже офицерского ремня, но был почти Герой Советского Союза. Без конца крутили фильм «В шесть часов вечера после войны» (а война еще продолжалась!). Я три раза смотрел, пока лежал в госпитале. Вскоре меня выписали в выздоравливающую команду по охране госпиталя. Был там с неделю. Выдали оружие, карабин. Дали обмундирование, выдали американские ботинки. Но мы их пропили, взамен на польском рынке нашли ботинки плохого качества, дрянные.

Солдаты из нашей команды выздоравливающих ночами патрулировали. Стояли на посту, охраняли госпиталь. Каждый день с нами политзанятия проводили. Рассказывали, как американцы без сопротивления продвигаются, где и какие бои идут. Война вот-вот должна была закончиться. В Берлине, участие в «команде выздоравливающих». Из госпиталя попал в запасной полк дня на два. Говорили, что там было до 25 тыс. человек. Оттуда половина были сразу демобилизованы домой. И где-то числа 27 апреля я вернулся в свою дивизию, с самодельной палочкой-тросточкой. Хромал потом еще с месяц. А было это уже под Берлином, точнее на окраине города. Здесь тоже был в дивизионной команде выздоравливающих охраны штаба (говорили, что комендантский взвод) своей 52-й гвардейской дивизии.

В воспоминаниях Козина написано, что наша дивизия первой вошла в Берлин. Ротного нашего Буркова к Герою представили за это. Почти не спали. Так как кругом были еще немцы. Или отдельные группы, или просто

«бродежня», или даже говорили ребяташки совсем молодые с автоматами. Постоянно обстреливали нас. И мы отстреливались, и развалины проверяли. Шли во второй линии дивизии, а наш полк был где-то впереди в первой линии. В ночь на 2 мая 1945 г. был и на посту. По всему городу то там, то там шла стрельба. Но тут все небо засветилось от выстрелов, стреляли рядом совсем даже из пушек Замполит прибежал, командует: «Тревога! На нас напали!» Потом бежит обратно: «Берлин взяли!» И был тогда страшный момент столкновения в развалинах дома с немецким подростком лет 14-и из их Штурма с фаустпатроном. Не могу и не хочу вспоминать до сих пор. Орден Красной Звезды отдал Ванюшке Лаптеву.. чтобы его наградили.

Так еще неделя прошла. А в ночь с 8 на 9 мая стоял опять на посту. Взвод наш уже вышел к центру Берлина. Прибежал начальник караула. Кричит во весь голос: «Война закончилась!». А кругом уже поднялась бешеная стрельба. Стреляли из автоматов, карабинов, пистолетов, даже из зениток. Как сумасшедшие. Я все патроны расстрелял, потом начальник караула принес еще патронов. Утром 9-го был праздничный завтрак. Всем по 100 гр. спирта дали. Старшина-грузин отдал мне и свой паек, еще 100 гр. В этот день я написал домой матери письмо.. В нем после всех переживаний только и смог написать: «Мама, я живой. 9 мая 1945 года». И все.

Служба в оккупационных войсках в Германии. Прибыл из взвода «выздоравливающих» в свой полк. В первый же день встретил бывшего командира роты, а затем заместителя командира батальона Ежова. Бросился к нему. На поверке, не называя фамилии, говорит: «Вчера один солдат прибыл из госпиталя. Бросился на шею. Пора отвыкать от этого». Началась служба мирного времени, и отношения теперь были строго по уставу. Вскоре из госпиталя прибыл и Подопригора. Меня определили в 1-й батальон, в 1-ю роту «обстрелянных». Командиром роты был назначен старший лейтенант Бурков. Он был награжден к этому времени орденом Красного Знамени за Берлин. Всех нас, солдат 7-й роты, вернувшихся из госпиталей, наградили

медалями «За взятие Берлина», т.к. наша рота из всей дивизии первой вошла в пригород Берлина. А из 3-й ударной армии первой вошла в Берлин наша 52-я гвардейская дивизия генерал-майора Козина, за что стала Рижско-Берлинской. Наш полк именовался теперь «155-й Гвардейский Померанский». Из моей 7-й роты не были ранены только трое – Белов, Большов и старший лейтенант Ежов. Когда я лежал в госпитале, дивизия наступала на Берлин, и страшные бои шли в самом городе, тогда немногие оставшиеся из роты были ранены или погибли. По возвращении из госпиталя в один из первых дней тот случай и был, когда на вечерней поверке пришел старшина-разведчик, руку мне пожал.

С июня по сентябрь 1945 года мы стояли на демаркационной линии с американцами. От американцев отделяла нейтральная полоса: лесок – поляна – лесок. Немцы без конца переходили через наш КПП. Началась служба мирного времени. Мы патрулировали по округе. Рядом со штабом батальона еще стояло несколько подбитых во время войны танков. На штаб были нападения немцев и после войны. Командир полка подполковник Романов погиб уже после войны, в августе 45-го. Как это произошло, не знаю. Часто были тревоги. Даже окопы были приготовлены. Штаб нашей армии располагался в Стендале, на территории, которую занявшую ее американцы по договору оставили нам. Там ничего не было разрушено, не было сильных боев. Везде торговали пивом.

Когда прибыл из госпиталя, «заработал» наряд вне очереди. Приказали помыть полы в казарме. Вымыл плохо. Комвзвода принес ведро песка и рассыпал по полу. Приказал, чтобы ни одной песчинки не было. Так нас не только учили мыть пол, но и дисциплине учили. А 2 сентября 1945 года закончилась война с Японией. В честь этого нам выдали японский трофейный табак.

Среди солдат взвода я был самым грамотным: имел 8 классов образования. В сентябре 1945 г. меня вызвали в штаб полка: «Поедете

служить в штаб армии». Здесь я стал служить в охране отдела укомплектования штаба 3-й Ударной армии. Выдали автомат, ночами охранял отдел. Несколько раз ездил в Берлин с пакетами. В декабре 1945 г. штаб армии перевели в г. Магдебург. Здесь, в Магдебурге, в отделе укомплектования, служил до апреля 1946 г.

Затем служил в секретном отделе, наборщиком в типографии штаба армии на должности командира отделения. В основном мы печатали секретные документы. Все приказы по армии, оперативные документы, часто в одном экземпляре. В оперативных документах постоянно приводились названия частей и соединений 3-й Ударной армии. Во время набора и печатания обязательно присутствовал офицер из контрразведки. После печатания набор сразу разбирался. Все это время я продолжал службу в составе 756-го полка 150-й стрелковой дивизии. Командовал полком Герой Советского Союза Зинченко. Эта была та самая 150-я дивизия и полк, знамя которой было поднято разведчиками Егоровым и Кантарием над Рейхстагом.

В Магдебурге очень тепло встречались со старшим лейтенантом Бурковым, когда он приезжал по делам в штаб 3-й Ударной армии. В 1946 г. с Валентином Колесовым ездили в первую роту бывшего моего 155-го полка к Подопригоре. Он так и продолжал служить в звании младшего лейтенанта. Встретились очень сердечно. Даже выпили вместе. В типографии со мной служили Митя Севастьянов из Орла (он и сейчас живет в Орле, мы переписываемся), Валя Колесов из г. Сольцы, Ваня Орлов из Кургана, Зырянов Вася с Лены, Алясов, Чижма из Кемеровской области.

2 мая 1946 года состоялось открытие армейского стадиона. Нас выстроили в составе почетного караула. Был даже в Знаменной группе при Знамени Победы. В этот день замкомандующего 3-й Ударной армии генерал-лейтенант Волков вручал награды Героя Советского союза Кантария, Егорову, Неустроеву, майору Белову, отличившимся при взятии Рейхстага. Когда служил в штабе армии, видел приезжавших сюда командующих

советскими оккупационными войсками (так тогда называли) в Германии Соколовского и Чуйкова. В 1948 года, в августе месяце я написал рапорт начальнику штаба армии, чтобы из секретного отдела направили служить в часть. Направили в полковую школу. Проучился месяца три-четыре, потом до демобилизации был на старшинской должности в 597-м полку нашей же 150-й дивизии.

Только в 1949 году первый раз после войны в полк прибыл новый призыв – солдаты 1928 года рождения. Солдат 1924 года рождения демобилизовали в 1947-м. Рядовые солдаты рождения 1925–1926-го гг. служили до мая месяца 1950-го, сержанты – до октября 1950 года.

Меня демобилизовали 26 октября 1950 года в звании старшего сержанта.

ВДОВКИН Ф.Е., УЧАСТНИК ПАРАДА ПОБЕДЫ В МОСКВЕ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В 1945 г.

(г. Железногорск)*

Вдовкин Филипп Егорович, 1921 г. р., рядовой отдельного линейного батальона связи 656-го артиллерийского полка. Участник Парада Победы 1945 г. на Красной площади. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Славы III степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией в ВОВ», «За победу над Японией» и др.

• • •

В армию я призван 15 сентября 1940 года. Был направлен на Дальний Восток. Там я прослужил до 19 апреля 1941 года. В 1941 году 19 апреля нас отправили на Украину в город Белая Церковь. Пока были в дороге, пока туда-сюда, приехали в часть, здесь уже на носу война.

Началась война. Я не успел, к сожалению, запомнить ту часть, и записать не успел, даже вот не знаю эту часть. И пошли на фронт. Пошли на

* Воспоминания записал С.П. Кучин. Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.

фронт в направлении к границе. Немцы нас уже встретили, прямо на ходу в бой вступили. Бомбили. Эти бочки бросали дырявые, чтобы паника была. Здесь действительно все это никто еще не знал. Все были молодые парни. Шли веселые, разговаривали, шутили, и здесь вот эта война. И вот начали наши товарищи погибать. То одного, то второго убивают. Через две недели к концу июля месяца меня ранило и контузило.

Я воевал в артиллерию, у нас были 122 мм гаубицы. Значит, меня ранило, здесь город начали окружать, Я уже не помню название города, туда, ближе к границе. У нас раненых, детей, стариков стали эвакуировать. Эвакуировали нас вот, раненых, возили, возили по госпиталям, туда немец все наступает. Наступает – значит, в другой временный госпиталь везут. Я вот так три месяца находился в госпитале.

В это время уже враг подошел к Москве. Выписали меня из госпиталя, и я попал уже в другую часть, в ту часть я уже не попал, а попал в другую часть – связь, это часть №656. Пошел к Москве и вот отсюда я начал воевать с немцем по-настоящему. Мы сперва под Москвой долго оборонялись. Очень тяжелые бои были. Много, конечно, нашего там брата полегло. Немец агрессивно хотел захватить эту Москву.

Мы когда стали немца выгонять с нашей территории, сперва захватили мы город Можайск. Долго, конечно, держал этот город немец.

После освобождения Можайска мы пошли постепенно-постепенно в наступление, как говорится, километр за километром. Так вот и продолжал я войну, все туда – на Запад и на Запад, все немца гнали. Ну, конечно, с большими потерями, но все же гнали. Все же как-то появилась уверенность, что мы не идем назад, а вперед, на Запад. Уже и настроение, уже не считались ни с чем. Шли в бой с таким настроением, со злостью. Я здесь был в связи. Вот так и наступали. Я освобождал Вязьму, Смоленск. Но сами города мы обходили как-то обходом, по районам, но по этому направлению.

Это весь 42-й год. Потом 43-й. И вот я с боями дошел до

Кенигсберга. Там закончилась война, и застала нас победа. Это уже мы узнали утром рано. По тревоге собирали нас и объявили, что кончилась война. Ну вот здесь радоваться стали, и прыгали, и стреляли вверх – радость, что кончилась война. Рота от Кенигсберга стояла там у хутора. И вот утром приезжает старшина. А я как раз был дежурным, возле повара сижу. И вот приехал старшина:

– Собирайся, Филипп Егорович».

А я:

– Куда?

– Туда, в часть.

– Зачем?

– Не знаю, в штаб.

Поехали, он на полуторке приехал.

Приехали. А я по дороге спрашиваю: «Зачем?».

– Ну, интересно, война есть война.

Мало ли что, не знаю, Филипп Егорович.

Ну ладно, приехали утром. Собирают нас. Смотр, идут люди, много нас собралось. Построили нас, генерал и говорит: «Вот, товарищи, вы как самые активные участники битвы. Мы вас отправляем в город Москву для участия в Параде Победы». Ну здесь, конечно, такое волнение. Мы поехали. Дали вагоны мягкие, санитарные, что ли, обслуга там всякая.

Приехали в Москву. Встречали нас, сдалека было слышно – музыка играет. Остановились, народу столько с цветами! Встречали, целуют, обнимают, плачут. Конечно, от такой радости, кому и горе, кому очень радость. Провели нас в Черниковские казармы. Возили нас на учения, готовились к параду. Дали форму для парада – китель, диагональевые брюки и сапоги такие легкие. Все готовили, учились, как проходить.

Ну, получилось хорошо. Нас тренировали за городом, но не совсем. Москва-река, там мостик идет железнодорожный, я это место знаю, но не на

площади. На Красной площади была тренировка по полной подготовке. Тренировка была днем, не ночью.

24-го пошли на Парад. Построились, я шел в колонне 3-го Белорусского фронта. Там было интересно, очень красиво, хорошо подготовлено, очень много музыки. И как на белом коне Жуков нас поздравлял. Лошади тоже тренированные, как останавливаются, так и кланяются. Все колонны стояли на Красной площади. Все фронта построились по колоннам и стояли на Красной площади. Полная площадь была, как говорят, тысячи были участников парада. Получилось, когда мы стали проходить, не очень хорошо, красиво. Вот уже перед мавзолеем – там правительство, все видно. А я как раз на третьем ряду был по возрасту, а там по возрасту собирали. Но там людей набирали более или менее таких крепких, таких строевых, чтоб показать всему миру, что вот наши парни-победители.

Вот стали проходить, и вот уже проходить перед правительством. А очень много музыки было. Как заиграла музыка, получается три звона. Ну, что делать, давайте не слушать музыки и набирайте тakt, чтобы получилось, как настоящий марш. Ну вот, прошли хорошо. А потом был праздник до позднего вечера. Да, я еще не рассказал, как несли знамена немецкие и бросали к подножию мавзолея. А пошли специальный отряд. Проходили уже мимо брошенных знамен. Кончился парад, прошли, ну нас, конечно, в казарму.

А здесь уже проходили разные войска, и танки прошли, потом прошли разные рода войск вплоть до частей с собаками. А потом, когда все это закончилось, ракеты до позднего вечера, разные ракеты, аж всю Москву освещали ракетами, очень красиво. После победы, мы по слухам слышали, что нас Сталин обещал отпустить. И раз! Нас посадили опять в вагон и обратно привезли в свою часть.

Приехали туда, а там уже наготовлена кухня, все на ходу и все уже на

погрузке. Нас погрузили и отправили на Дальний Восток воевать с японцем. Ну, там, верно, война быстро кончилась. Там фактически недолго бои-то были. Самые основные бои были месяца три там. Сперва-то он тоже держался крепко. Там тоже у них такие были специальные укрепления. Они же тоже готовились.

Кончилась там война, но нас все равно домой не пустили. Не отзывали потому, что банды там, хунхузы ходили потом после войны. Ну, разбежались там по сопкам-то. Ну, вот нашего брата и после войны там много погибло. Нападали там и убивали. Меня отпустили в 46 году 19-го мая.

Участникам парада никаких удостоверений не давали, а там награждали. Я награды получил, все полностью на параде отдали. Там «За оборону Москвы» медаль дали, «За победу над Германией», медаль «За боевые заслуги», орден Славы III степени. И специальные сделали колонки общие для виду. До армии я жил в Красноярском крае – в Абанском районе деревня Воробьевка. Здесь я жил, сибиряк. Здесь родился, здесь, как говорится, пригодился. В город наш я приехал в 57-ом году в августе примерно 15 августа.

«ВСЕХ ПОТРЕПАЛА ВОЙНА, НИКОГО НЕ ПОЩАДИЛА»:

ФРОНТОВАЯ ЖИЗНЬ АНТОНИДЫ ПЕТРОВНЫ ВОЛЧЕНКОВОЙ

(Новоселовский район)*

– Да я мало совсем была на самой войне. Молодые мы были, неудержимые. Рвались в самое пекло, а в мыслях одно: лучше в бою погибнуть, чем здесь, от голода. Время ведь тогда для всех было тяжёлое.

Родилась я в 1924 году в посёлке Тесь Минусинского района. В 1935 году, когда свирепствовал самый страшный голод, умер отец. А нас у матери

*

Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.

пять ребятишек. Чтобы как-то ей помочь, я не стала доучиваться в школе, и уже в 11 лет пошла работать. Когда началась война, моя старшая сестра – она работала учительницей где-то в тайге – добровольно ушла на фронт. Я тоже не выдержала. Мне было 19 лет, когда я, втайне от матери, убежала на пересыльный. Там, в Красноярске, формировался девичий батальон. Нас, 500 девушек, отправили эшелоном на Карело-Финский фронт. Поездку помню до сих пор: по 30 человек в вагоне, практически без еды, не считая двух вёдер сухарей в день, мы добирались на место назначения 17 суток. По приезду больше походили на заключённых: исхудавшие, измотанные, практически без одежды (от безвыходности обменивали её на еду). А нас встречает начальство на лошадях, духовой оркестр. Оказывается, там война уже закончилась. Зачем нас только везли туда?! И всё же пришлось задержаться там на несколько месяцев: помогали восстанавливать разрушенное, участвовали в различных подсобных работах. Наконец нас отправили на запад. Побывали в Чехословакии, Венгрии, Австрии, Финляндии. До Германии я немножко не дошла, не судьба, видимо. За свою жизнь на фронте страшно не было. Мы все молодые, бесшабашные. А я к тому же, стыдно признаться, вообще взбалмошная была. Один раз даже офицера обматерила за какой-то пустяк, так меня на «губу» посадили. Три раза на гауптвахте побывала из-за своего неугомонного характера. Садили, правда, ненадолго: девчата меня отпрашивали, но страхи свои помню (*смеётся*).

Много было разных случаев, и страшных, и смешных. Война ещё идёт, а нам, молодым девушкам, и в полевых условиях хотелось хорошо выглядеть. С одеждой были проблемы: то вообще замены не достать, то по размеру не подходит. И вдруг нам выдали голубые гимнастёрки. С тех пор нас солдатики прозвали «голубой дивизией». Обувь тоже носили ту, какую выдавали, приходилось и немецкие сапоги обувать. До сих пор благодарна одному солдату. В тех условиях он просто немыслимым образом смог сделать мне хромовые сапожки. Это было просто чудо. Жалко его, погиб там.

Служили мы на фронте санитарками. Девчата крепкие были, вытаскивали наших раненых с поля боя, перевязывали их. Насмотрелись там всякого, до сих пор эти ужасы перед глазами стоят. Особенно страшно было, когда ещё по живому человеку танк проезжает. А 5 мая, незадолго до Дня Победы, меня ранило. И контузия была страшная, все потом удивлялись, как я выжила, а я и сама этого понять до сих пор не могу. Долго пролежала в госпитале и домой приехала только 25 сентября.

Я просто поражена силой духа, стойкостью наших русских людей: выдержать такое тяжёлое время, не сломаться, не умереть от голода. У нас на фронте серьёзных проблем с продовольствием не было, а вот в тылу... Я всё у матери позже допытывалась, как ей с маленькими удалось выжить, ведь продуктов тогда почти не было. Она мне рассказала, как ходила поздней осенью на морковное поле, тяпкой находила забытые корнеплоды и носила их домой, детям. Несколько раз объездчик хотел забрать у неё добытое, ведь «Всё для фронта, всё для Победы», но, видимо, жалел и отпускал. А ещё, что сейчас кажется просто невероятным, она с Черногорска ходила пешком в Абакан на мясокомбинат. Зимой – с санками, летом – с тележкой. Говорила: идёт, выбивается из сил, падает, плачет, но, вспомнив про детей, встаёт и идёт дальше. Всех потрепала война, никого не пощадила.

После войны я вышла замуж и переехала в Усть-Абакан. Шестнадцать лет совместно прожили. Не то чтобы всё у нас было хорошо, но не хуже, чем у других. Внезапно я узнаю, что муж погиб – попал под машину. После этого моя единственная доченька забрала меня к себе в Бородино. Но и там потом случилось несчастье. Моя кровинушка тоже попала под машину, и уже двенадцать лет как её нет на этом свете. Осталось только три внука. Они уже взрослые, разлетелись из родительского гнезда, у каждого своя жизнь. Одной мне там стало невмоготу жить. Попросила внучку забрать меня к себе, в Новосёлово. Так, с 2002 года, и проживаю здесь. Первое время жильё арендовали, а потом мне выдали квартиру.

ГАНЮШИН Н.А. ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(Большеулуйский район)*

Это случилось зимой в местечке под Великими Луками. Немецкие силы, похоже, вдвое превышали наши. Мы ровно сутки вели бой, и только несколько раз на 20–30 минут наступало затишье. На второй день, как нам показалось, силы немцев стали иссякать, да и мы сами были очень измотаны, голодны (вторые сутки не было полевой кухни). Чтобы не замерзнуть и хоть как-то подкрепить себя, солдаты получили по 100 граммов спирта. Спать нам не разрешалось, так как боялись, что от слабости некоторые солдаты могли замерзнуть на снегу.

Наступление решено было начать рано утром, как только начнет светать. Но мы сильно ошибались, считая, что силы немцев иссякли. На окраине этого городка стояли три башенки, наподобие маяков, немцы вели с них прицельный огонь. В день затишья немцы на этих башенках установили сильные прожектора. И ровно в полночь, по команде, вмиг зажглись все прожектора. Вот тут-то всё смешалось: земля, снег, кровь, крики, вой сирен... Днём к нам подошло подкрепление из двух «катюш» и ещё совсем молодых, не обстрелянных и не участвовавших ни в одном бою ребят... И как только нас осветило прожекторами и завыли сирены, тотчас же ливнем обрушился град вражеских снарядов. Напуганные до смерти, растерявшиеся молодые ребятишки с криками «мама» выпрыгивали из окопов и бежали навстречу вражеским очередям. Нет, они бежали не сдаваться, они обезумели от вращающихся прожекторов, воя сирен и от грохота оружейных залпов.

* Записал внук Ятульчик Алексей. Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.

Это было ужасно!.. Показалось, что наступил конец всему на этой земле. Много молодых ребят погибло в эту ночь.

Нас насчитывалось всего несколько десятков. Мы были раскиданы по окопам по несколько человек, и связи друг с другом у нас не было. Только через час, а может, и через два, очнувшись от оцепенения и собравшись с силами, в бой вступили «катюши». Вот тут и немцам стало жарко. Огромными усилиями и с большими потерями мы выбили немцев из этого городка и отбросили ещё на целый километр – в большое поле, где не было ни холмов, ни окопов, а лишь кое-где были небольшие пролески. Бой вёлся на открытой местности и продолжался уже более 13-ти часов. Солдаты окапывались, как могли: кто на скорую руку из снега делал небольшой бугорок, кто, наоборот, засыпал себя снегом, чтобы меньше быть заметным.

Вот тут-то меня и ранило. Я встал, чтобы перебежать в небольшой лесочек, но тут меня обожгло как огнём. Была внезапная резкая боль, больше я ничего не помню. Очнулся я под вечер; то ли сам пришел в себя, то ли от автоматной очереди. Когда я поднял голову, то увидел, как вдалеке по полю шли немцы: они добивали наших раненых солдат. Я попытался пошевелиться, но пронзительная боль чуть не лишила меня чувств. Я собрался с силами, перевернулся на спину и только тогда понял, что в меня попала разрывная пуля, и к тому же одна нога была совсем непослушна – она задеревенела. Я отлично понимал – это конец; спастись у меня не было шансов, покончить с собой - тоже. Рядом со мной не было моего автомата, видно, кто-то во время боя взял его. За одну минуту в голове пролетела вся моя жизнь: я вспомнил своё детство, вспомнил своих родителей, и как только в памяти всплыли мои дети и жена, я думал, у меня разорвётся сердце; я не мог представить себе, как же им будет тяжело без меня.. От этих горьких мыслей меня отвлекли собаки. Да, именно собаки, которые вынырнули совсем рядом, из того самого лесочка, куда я бежал. Они были запряжены в санки. Собаки подбежали ко мне и остановились

Не поднимаясь – да я бы и не смог встать, я вполз на эти сани, и собаки потащили меня за лесочек. Но, обойдя его, они снова остановились; я услышал стон и поднял голову. Оказалось, что они остановились ещё около одного раненого. Этого солдата я не знал, но он был жив, и, хотя на санях нам вдвоём не хватало места, бросить его я не мог, да и собаки стояли как вкопанные. Одной рукой я схватился за сани, на которых лежал, а другой взял раненого за ворот куртки, он же обеими руками вцепился в сани. И только тогда собаки побежали. Когда они выбежали из-за лесочка, немцы заметили нас и стали стрелять. Или пули не долетали до нас, или они не могли попасть в собак но мы остались целы.

Вскоре мы оказались в другом подразделении, откуда были посланы эти собаки. Санитары занесли нас в землянку, где были одни лишь раненые. Было видно, что все они только что с поля боя, и где-то рядом были слышны выстрелы, то есть шёл бой.

Врач отправил меня на операционный стол. От солдат я узнал, что в землянке меня оперировал немецкий хирург, который только неделю назад был взят в плен. Этот немецкий хирург сутки не отходил от операционного стола, оперируя наших солдат и спасая им жизни. Правда, ещё целый год после операции я находился в госпитале в Ташкенте и только потом смог вернуться домой.

ДЕРГАЧ ВИКТОР АКИМОВИЧ: ВОСПОМИНАНИЯ О МОИХ ОДНОКЛАССНИКАХ (Иланский район)*

Шел 41-й год. Двадцать семнадцатилетних мальчишек нашего класса мечтали после получения аттестатов зрелости о дальнейшем самостоятельном жизненном пути. Мечты и планы у всех были интересные и

*

Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.

увлекательные. Но никому не приходило в голову, что после окончания школы придется надеть серую шинель и с оружием в руках вступить в смертельную схватку с врагами – немецкими фашистами. Через пять дней после выпускного вечера все двадцать парней с комсомольскими билетами явились в райвоенкомат с просьбой призвать их в армию досрочно. Райвоенком спокойно выслушал нашу просьбу, сделал у себя на листке пометку, и также спокойно, коротко ответил: «Просьбу учтем, но ваша очередь подойдет, пока ждите особого распоряжения». Такой ответ мы получили и в районном комитете комсомола.

В первые дни войны в ряды армии ушло более 100 комсомольцев из Иланского. Но вот в конце июля и начале августа по путевкам комсомола в военные училища была отправлена очередная группа бывших выпускников нашей школы. В эту группу попали парни из нашего класса – Гоша Костров, Сережа Окунев, Лева Ангарский, Саша Евстинеев, Федя Сысоев, Ваня Семенов, Миша Шиман, Ваня Шкрадюк, Костя Ковалкин, Ваня Леонтьев, Ваня Основин. Всем им уже было по 18 лет. В конце ноября и в начале декабря по комсомольским путевкам уехали остальные ребята из нашего класса Коля Ковригин, Женя Валевич, Витя Ткачев, Вася Бородуля, Михаил Халипов, Вася Груднов, Ваня Лапото, Адольф Воркалевич и я. Многие из иланских комсомольцев через 5–6 месяцев стали командирами подразделений, летчиками, танкистами, артиллеристами, связистами.

Отважно сражались на фронте наши парни. Саша Евстигнеев, Ваня Основин, Борис Переяславцев, Лида Климович, Ваня Семенов и Витя Дедков били врага в небе. Сережа Окунев, Ваня Шкрадюк, Адольф Воркалевич, Миша Шиман служили в артиллерийских и минометных подразделениях. Ваня Леонтьев, Федя Сысоев, Вася Шиленок воевали на танках. На разных фронтах и в разных родах войск служили и выполняли долг перед Родиной, партией и девушки–комсомолки Иланского. Не всем им пришлось испытать радость победы.

Отдали свою молодую жизнь за Родину Сережа Окунев – под Моздоком, Володя Окунев – под Сталинградом, Ваня Семенов – в небе Москвы, Ваня Леонтьев – под Воронежом, Миша Шукис – в Прибалтике, Федя Сысоев – под Клином, Лида Климович – в небе над Одессой.

ВОСПОМИНАНИЯ СВЯЗИСТА ЕЛИСТРАТОВА И.Н.*

Елистратов Иван Никитович родился в 1923 году в г. Енисейске. Призван Мотыгинским РВК в мае 1942 года. Участвовал в освобождении Чехословакии.

• • •

Я родился в городе Енисейске. В 1925 году мой отец переехал жить в поселок Елизаветинский. Там же я окончил четыре класса – в поселке была только начальная школа. Обучение продолжил уже в поселке Тяя.

Когда началась война, мне не было еще и восемнадцати. В октябре 1942 года я отмечал свое совершеннолетие, а в декабре этого года был призван в армию. Вначале служил в Красноярске, затем меня направили в Иваново, где формировались полки для отправки на фронт. В Иваново окончил курсы связистов, и в августе был отправлен на фронт. Войска, в которых я воевал, остановились неподалеку от Сталинграда, в городе Камышеве. Нам была поставлена задача окружить и разгромить группировку Паулюса в городе Сталинграде. С этой задачей полк справился успешно. После боев под Сталинградом войска двинулись на запад, и зимой, отшагав более семисот километров, подошли к реке Миусе. Не хватало еды, оружия, патронов. Одежда на солдатах превратилась в лохмотья. Было много раненых, обмороженных.

В начале войны промышленность в Советском Союзе пришла в упадок, но потом производство наладилось. И только на Миусе полк получил, столь необходимое тогда оружие. А в конце июня армия получила приказ прорвать

*

Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.

линию фронта. Огромную роль в этом бою сыграло доставленное вовремя оружие, а именно артиллерийские установки «катюша». Благодаря этому линия фронта была прорвана, и наша армия пошла в наступление. Отходивший враг сжигал все на своем пути, уничтожал села и их жителей. Я был серьезно ранен. Подлечившись в военно-полевом госпитале, был отправлен в Баку, где врачи окончательно поставили меня на ноги. После госпиталя я был направлен в батальон выздоравливающих в город Гори, где раненые солдаты могли полностью восстановить свое здоровье. Затем я попал в запасной полк, дислоцировавшийся в Хощуре. Там формировались части для отправки на фронт. Из ста восьмидесяти солдат, прибывших в часть, только восемнадцать человек, и в их числе я, были признаны годными для дальнейшей службы. Направили меня в родную дивизию, где я и дослужил до окончания войны.

Свою демобилизацию и возвращение домой вспоминаю с улыбкой. С техникой в те времена было сложно, поэтому почти весь путь от Красноярска до Северо-Енисейского я шел пешком. И хотя путь был неблизким, тем не менее, особой усталости не чувствовал. Ведь я возвращался домой!

Через два года после возвращения женился. Работал в Тейских механических мастерских мастером–модельщиком, а все свободное время посвящал семье и еще одной своей страсти – плотницкому ремеслу.

ИНТЕРВЬЮ С ВЕТЕРАНОМ ВОЙНЫ ВАЛЕНТИНОМ МАТВЕЕВИЧЕМ ИВАНОВЫМ-ЕЩЕНКО*

1. Общие сведения:

а) возраст: Родился 3 марта 1924 года. На данный момент 85 лет;

б) полученное образование: закончил 9 классов Кансской средней школы.

Писал в газете «Сталинские внучата», «Пионерская правда». В 15 лет

*

Записали студенты КГПУ им. В.П. Астафьева Ковалева Оксана и Кондакова Анна.

вступил в комсомол. Род без отца, был активистом. Закончил Канский аэроклуб в 1941 г. Добровольно из аэроклуба записался в Омскую аэрошколу в возрасте 17,5 лет, прибавив себе при этом год;

в) должность, звание: Гвардии сержант воздушно-десантных войск.

2. Мирная предвоенная профессия. Состав семьи, место рождения, условия жизни. Родился в Иланске, воспитывала мама. Отец был начальником пути. Первый ребенок умер сразу после рождения. Вторым ребенком был Валентин Матвеевич. Семья: мать приехала из Могилева, отец ее был эсером и бросил семью ради политической деятельности. В Канске у матери был старший брат Ефим, который переселился туда в 1901 году. Позднее мать переехала за ним. У Ефима родилась дочь, с которой некому было сидеть, и мать Валентина Матвеевича, которой было 14 лет, перевезли в Канск. Закончила 3 класса школы и курсы кройки и шитья. Работала по хозяйству. С будущим мужем познакомилась через родственников.

3. Какое участие в войне – на фронте и в тылу – принимали другие члены семьи. Двоюродный брат Петр воевал, погиб в Белгороде и там же похоронен. Брат Петра Сергей воевал, получил четыре ранения, был награжден орденами Боевого Красного знамени и Славы, медалью «За отвагу». Воевал всю войну. Умер своей смертью в Ирбее, где и похоронен. Двоюродная сестра – врач, майор медицинской службы, закончила Томский медицинский институт. Лечила челюстные ранения, так как была стоматологом. Стала хирургом, занималась пластикой лица. Зять, муж сестры, был заведующим областным отделом здравоохранения. Двоюродный брат Михаил был железнодорожником в Ленинграде. На железнодорожных путях Рига – Ленинград был начальником движения. Сигнализация на железнодорожных путях – это его детище.

4. Как и когда ушел на войну. В каких родах войск служил. Где начал войну и где закончил. В 1943 году выпускников трех аэроклубов края добровольно записали в Омское военное летное училище, но из-за нехватки

летательных аппаратов Валентин Матвеевич со своими сослуживцами был перенаправлен в 336-ю стрелковую дивизию, направлен на фронт по собственному желанию (неоднократно писал с просьбой перевода на фронт). Начал войну в июле 1943 года в составе 336-й дивизии. Летом 1944 года участвовал в освобождении Белоруссии. Там удалось окружить много немцев. Это был знаменитый «Могилевский котел». С 1944 года – в воздушно-десантной воинской части. Затем вошли в Польшу, но вскоре перебросили под Будапешт в ноябре 1944 года. Демобилизовался в апреле 1950 года.

4. Через какие населенные пункты и водные преграды пришлось пройти за годы войны и в период отступления и наступления. Наша часть ни разу не ввязывалась в оборонительные сражения. Потом были Польша, Венгрия и Будапешт, потом пошли на озеро Балатон (форсировали озеро). Был в автоматной роте. Были бои южнее Вены. Город Глабон. Участвовал во взятии Вены. Прагу прошли южнее, т.к. немцев там не было. Воевал до конца мая 1945 года.

5. За какие подвиги и при каких обстоятельствах совершенный были получены награды. Награжден орденом Отечественной войны I степени, Славы III степени, двумя медалями «За отвагу», медалями «За взятие Вены», «За освобождение Белоруссии», «За освобождение Украины»

6. Какая минута, день, событие были самыми тяжелыми и опасными. На войне все опасно. Потому что убить могут.

7. Был ли ранен, когда, где и сколько раз. Первый раз был ранен на Курской дуге в 1943 году. Но из окопов не ушел, ранило легко. Второй раз ранило в ногу, ранение оказалось более серьёзным. Еще раз был ранен осколком в кисть. Четвертый раз был ранен осколком в голову; это был осколок от минометного снаряда, выпущенного из бронетранспортера.

8. Когда и откуда писал домой. Какие получал известия из дома. Я особенно не расписывался. Писал только тогда, когда было что писать. Если

убыют, то сообщат... Писали, естественно, треуголками.

9. Какая техника противостояла солдату в боях, какая наша техника поддерживала. Из авиации были частые налеты «мессеров». Из наземной техники повидал многое: бронетранспортеры, «тигры», гаубицы. Поддерживали в основном «ту-шкы». Так как шли десантом, поддержка бронетехникой была редкостью. Самой лучше поддержкой безусловно были «катюши»!

10. Как снабжали солдата. То мы голодные сутки, то мяса наешься. Армейское питание хорошее. Ели за счет того государства, на территории которого находились. Могли даже отказаться от не приглянувшейся пищи. Как-то нам сварили кашу из гороха с гречкой, но от нее отказались, и нам её заменили».

11. Как и где приходилось спать и отдыхать солдату. Что запомнилось из встреч с населением во время пребывания в прифронтовых населенных пунктах. Часто ночевали в домах у местного населения: языковой барьер, особенно с украинцами, отсутствовал. Кто-то правда смотрел как «Ленин на буржуазию». Как-то раз ловили крольчих в поле с другом, били двумя выстрелами, крольчиха вытянула на 4 кг. Оставшегося без матери крольчонка взял за пазуху, в шинель, и отдал потом мальчику, в семье которого жили в то время (г. Бизитур). Хозяйка натушила картошки с жиром и нарубила туда мясо крольчихи. Когда провожали, нам дали хлеба с собой и сказали: «Будете в Бизитуре, в гости приходите».

ВОСПОМИНАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ КАЛЕМЕНЕВОЙ*

22 июня 1941 года стали оповещать по радио. Москва. Голос диктора: «От Советского информбюро...» – сообщил, что немецкие войска берут

*

Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.

какие-то города... Очень много было у них техники – танки, машины, самолеты.

Идет призыв! Заработали военкоматы. По первому призыву шли наши отцы, братья, сестры. И шли добровольцы. Я как сейчас помню, мы, несколько девушек, просились у военкомата в армию. Добились! Все же нас взяли. Нам в то время было по 18 лет.

Я родилась в Кировской области, город Котельнич. У нас была станция узловая. Погрузили нас в товарные вагоны с нарами – все построено по военному. Едем день, едем ночь... Прибыли в город Беломорск. Нас повели в душевую, переодели в военную форму. Теперь мы уже солдаты. Построили. В строю перед лицом командира мы принимали военную присягу. Клялись, что с честью, добросовестно будем служить, выполнять все приказы, не щадя сил и даже жизни.

Нас разбили по разным частям, кого куда, по каким направлениям. Нас, несколько девушек, определили в санпоезд ВСП-110. Наш поезд вывозил раненых с любых направлений фронта – с Архангельска, с Ленинградского и других. Вывозили раненых в глубокий тыл для дальнейшего лечения в госпиталях.

Только мы начали вести погрузку – немецкая авиация. Ночью строго соблюдали светомаскировку, грузили в потьмах. Бойцы были легкораненые, средней тяжести и тяжелые. В вагон грузили по 80 человек. В пути кормили, лечили. Днем поезд как на ладошке для немецкой авиации. Налетали в пути самолеты, вели варварские обстрелы с бреющих полетов. Пришлось тут до пота поработать, таскать раненых в кусты. После тревоги снова возвращались на свои места. Не досчитывались людей. Начальнику поезда докладывали о потерях, и двигались вперед.

Тех, кто погиб во время налета, оставили на тех местах, где нас бомбили, обстреливали. В каждом вагоне были одна медсестра, две санитарки или, бывало, одна санитарка и один часовой в наряде. На три вагона были одна

старшая медсестра и один проводник. Состав был Вологодского формирования, 13 вагонов под раненых. С головы состава шел сначала ледник, кухня, мягкий вагон для сна и вагон общий для всего личного состава. А в хвосте – товарный вагон с имуществом по хозчасти.

День в санпоезде начинался с подъема, потом – завтрак, занятия, уборка – все мыли до блеска. На станции тюками таскали белье на обмен для раненых. После разгрузки мыли вагоны внутри и снаружи. Санобработка. Заправка вагонов. Готовились снова в путь.

Затем перебросили нас несколько человек в 73-й отдельный батальон 173-го стрелкового полка, в службу связи. Эта служба называлась ВНОС – воздушное наблюдение, оповещение связи. В нескольких километрах от города Кандалакша была небольшая станция Ручьи. Нам определили там землянку – с нарами, печуркой. Наверху был разбит курсоуказатель – в окружности на 360 градусов. Нас быстро обучили. Личный состав – семь человек – семь винтовок, один пистолет.

Начальником у нас был мужчина, а остальные семеро – девчата. Землянку нашу невозможно было обнаружить снаружи, она была в кустах. Один телефонист находится на вышке, один готовит обед, один на посту, один укладывается на отдых, а трое проводят занятия. Нас учили по силуэтам и картинам распознавать самолеты – где наш, а где немецкий – разведчик, истребитель, бомбардировщик. Надо было определить, сколько моторов у самолета. Землянка от станции находилась в двухстах метрах, на холмике. Внизу все хорошо было видно.

Наша задача была такая: при авианалете мы должны были быстро передать в зенитные части, по какому курсу летят самолеты. Если они далеко – определить по шуму моторов, если близко – по конструкции, какие это самолеты. Когда их было много, глаза разбегались, трудно было подсчитать. Гул, шум. Бомбёжка начиналась на небе и на земле. Самолеты–разведчики если обнаруживали, что на станции стоят составы, рвались по цели ударить,

вывести из строя связь, уничтожить наше вооружение, которое должны были доставить на фронт для подкрепления.

Пошла бомбейка. На станции хаос: горят составы, рвутся снаряды, летят пули во все стороны. После бомбекки нужно было наладить связь, отремонтировать пути, поставить на место все, что уцелело. Однажды наш начальник поста пошел на устранение аварии, и ему шальная пуля попала прямо в сердце. Мы его отвезли в город Кандалакша и там похоронили. Замены ему долго не было, и мы работали одни.

Железнодорожные составы сопровождали зенитки. Зенитчики вели огонь по немецким самолетам. При бомбекке нередко зенитки взлетали в воздух вместе с землей. По приказу командования нас перебросили в армейский полевой госпиталь АПГ-1023. Этот госпиталь находился в пяти километрах за Кандалакшским заливом. Раненых размещали в землянках, которые были хорошо оборудованы. Бойцы поступали с переднего края. Мы лечили их на месте, и они возвращались в строй.

Потом началось наступление, и наши войска двинулись вперед. Мы перешли на походное имущество, землянки забросили. Потом перешли на развернутую палаточную систему. Работа была очень, очень трудная – объемная и непосильная. А делать надо, причем все очень быстро. Переехали на новое место – надо быстро развернуть палатки (операционную, перевязочную и ожидания) – настелить деревянные щиты, установить печки, сделать маскировку, помыть полы. А воды нет, снег только – соберешь его, чуть он подтает – начинаешь мыть полы. А тут же и раненых встречай. Перевязки, операции... А поток раненых не кончается. Личному составу отдыха не было.

Раненые бойцы кушали на ходу, и после обработки сразу в путь – в эвакуацию. Снова приказ в наступление. Нам опять приходится сворачиваться и двигаться дальше. Имущество грузили в машины – и в путь. Приказ был – ни шагу в сторону от колеи, так как немцы, отступая, все

минировали.

Двигались день и ночь. На рассвете прибывали к месту назначения. Только что отгремел бой, трупы еще не успели собрать. Нас вызывают, дают задание, где что надо размещать. Вернулись, уже трофейные части подобрали всех убитых. Мы разместились в финских домиках, откуда выбили фашистов. Вот тут-то согрелись, печку истопили коксовым углем. На улице мороз, снег, а в домишках тепло. Где были нары, там личный состав смог отдохнуть. С трудом навели порядок после разбоя.

Наши части заняли в Мурманской области города Никель, Печенга и другие на побережье Баренцева моря. А осталось-то, что от городов? Почти все было уничтожено. Наш Северный фронт стоял на защите Мурманска. От самого города остались одни руины и выжженная земля. Все было уничтожено с воздуха. Когда открыли второй фронт, американцы через порт в Мурманске переправляли самолеты в разобранном виде и снабжали нас продуктами питания.

9 мая закончилась война и в Заполярье. Нас подняли по тревоге ночью. Выстроили и объявили, что закончилась война. Стояли в строю и смотрели: вокруг было зарево, бьют залпы снарядов, ракеты разноцветные... Конец войне! Мы друг друга целовали, радовались, плакали от радости. Но нам сказали, чтобы мы на этом не успокаивались: враг озверел, надо еще много поработать. Когда будут отпускать домой – неизвестно. 25 июня была демобилизация. Помню, как мы ехали пароходом в тесноте по Баренцеву морю. Сильно качало, все силы выматывало. Как только мы добрались живыми до суши? Красивая природа в Заполярье. Зима морозная, снегу много. Стоишь на посту – мороз, северное сияние. Видишь ночью, как днем. Даже могли читать.

Приходилось делать большие переходы – в валенках, в полном боевом снаряжении. Идем, идем... Командир даст команду: «Перекур!» Просидишь на снегу. А надо снова вставать, и в путь. И вспомнишь тут мамочку... А

сколько раз в глубокой ночи поднимали по тревоге: «В ружье!» – и бежишь в укрытие. После отбоя вернешься в землянку, чистишь винтовку до блеска. Если плохо почистишь – получишь наряд вне очереди. Вот и драишь...

По окончании войны в госпитале нас перед строем наградили медалями «За оборону Советского Заполярья», «За Победу над Германией» и объявили четыре благодарности...

Все, что я увидела за четыре года войны, никогда не забуду.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ П.Д. КОВАЛЕВА*

Ветеран войны и труда, инвалид I группы, бывший прокурор Байкитского района Красноярского края, советник юстиции

• • •

– Я, Павел Дмитриевич Ковалев родился 15 июля 1918 года в деревне Покровка Ирбейского района Красноярского края. По национальности – русский. Родился в семье крестьянской. У нас в хозяйстве было две хороших лошади и одна корова.

В 1924 году умерла моя родная мать. Я из детей был старшим, и со мной осталось еще две моих младших сестры от умершей моей мамы.

В 1924 году отец Дмитрий Максимович вторично женился на неграмотной женщине из другой деревни. Моя мачеха никогда и нигде, ни в колхозе, ни на каком производстве, не работала всю свою жизнь. Но она ежегодно весной покупала у кого-нибудь поросенка, и за лето и осень она выращивала из этого поросенка здоровенную свинью, или кабана. Сама потом убивала, смолила, обрабатывала и разделывала. И разделанные мясо, сало она складывала в свой сундук, который стоял у нас в амбаре. Сундук потом запирала на замок и ключ от замка хранила только у себя.

*

Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.

У нас в деревне каждую весну почти все взрослое население с пилой и топором выходило в лес, и там занимались заготовкой дров для следующей зимы. Заготовленные дрова складывали в лесу, где они за лето высыхали, а зимой потом на санях вывозили домой. Я заготовкой дров начал заниматься, когда мне было 10–11 лет. Брал с собой двух сестер, вот с ними и заготавливал. А зимой только я один вывозил из леса дрова. Мачеха никогда с нами не ходила на заготовку дров.

Косить траву косой я начал с 15 лет. А вот возить зимой сено с полей начал раньше. Отец мой наверное с 1926 или 1927 года начал работать в леспромхозе нашего же района, на пункте Амбарчик – так этот пункт в то время называли. Работал он десятником и получал заработную плату где-то около 100 рублей. Вот на эти 100 рублей он должен был содержать нас – шестерых детей, мачеху да и самого себя.

Он один-два раза в месяц привозил нам из леспромхоза мешок муки и немного соленой селедки да сахару. Жили мы за счет огорода. У нас был большой огород. Весной мы его хорошо навозом удобряли. И садили на нем картошку, которая росла очень хорошо и крупной. Мачеха садила разные овощные растения. Картофеля осенью накапывали до 80–90 мешков и хранили его в подполье. И помню, что он никогда не портился. Очень вкусный был картофель. У нас в деревне в школе учили до четырех классов. Я когда в школу пошел, мне, наверное, уже было 9–10 лет. Окончил четвертый класс, а чтобы учиться в пятом и далее, надо было ехать или ходить 15 километров в село Талое, там в то время учили до 7 классов. И я окончил 7 классов в селе Талое, когда мне было уже 19 лет.

Да, в нашей деревне в 1930 году организовали колхоз, но он пробыл где-то немного более одного года и распался. В 1932 году вновь организовали колхоз, «Ударник», и он был, и жил. Мы в колхоз сдали две лошади, плуг, бороны. Да я и сам работал в колхозе каждое лето, пока учился в школе.

В августе или сентябре 1938 года я был призван на срочную службу в Красную Армию. Служил вначале в 48-м отдельном батальоне связи в г. Биробиджан на Дальнем Востоке. Радист из меня был неплохой, и меня направили на курсы шоферов в г. Хабаровск, в 14-й учебный автополк. В своей роте я был избран секретарем комсомольской организации, и когда мы закончили шестимесячную учебу, наш учебный автополк сделали 14-м автополком и всех, кто учился хорошо, оставили в этом полку шоферами. Я там работал шофером, а потом назначили командиром отделения шоферов.

В июне 1941 года началась война, которую нам навязали германские фашисты. Я стал кандидатом в члены КПСС в 1948-м отдельном батальоне связи, в 14-м автополку меня приняли в члены КПСС.

И вот после неудачных боев наших войск против немецких захватчиков я стал проситься, чтобы меня отправили добровольцем на фронт. Мне долгое время все отказывали, а потом мое желание выполнили. И нас, добровольцев, в Хабаровске собралось почти полный пассажирский вагон. Везли нас на Запад.

В Новосибирске, где-то в военном лагере, наш вагон отцепили и нас оставили там. В военном лагере нас было очень много. Всех нас разбивали по ротам, и мы изучали винтовку, пулемет, миномет. Меня, наверное, как бывшего шофера, отправляют в Киевское танко-техническое училище курсантом, а это училище из Киева было эвакуировано в г. Кунгур Пермской области. В этом училище я пробыл, наверное, около десятка дней, и вышел приказ всех коммунистов собирать в роту политбойцов. И меня из училища, как коммуниста, забрали и направили во вновь формируемую танковую бригаду в Сталинградской области шофером. Нас около 20 шоферов собрали в эту бригаду. Потом 48-я танковая бригада получает положение о формировании танковой бригады. А в танковых бригадах роты шоферов не положено, и нас, шоферов, раздали в другие части. А меня почему-то остались в этой 48-й танковой бригаде и направили в роту связи, но на какую

должность, мне не говорили.

Через несколько дней меня назначают водителем мотоцикла. А я ведь никогда даже близко не бывал возле мотоцикла, не то чтобы на нем ездить или управлять. Но приказ я обязан выполнять. И как бывший шофер, знающий кое-что в технике, стал смотреть и разбираться в мотоцикле. Научился, как его включать для работы, затем научился переключать передачи ногой и потом по гаражу стал на нем помаленьку ездить. Но работать мне на нем не удалось. Меня назначили начальником службы ВНОС (воздушная наблюдательная оповещательная служба) в то время такая служба была, это надо было сидеть в тылу и наблюдать за воздушным противником. И если увидел, что самолеты фашистов летят над тобой, то надо было кричать: «Воздушная тревога, всем в укрытие!»

48-я танковая бригада вступила в бой где-то в феврале 1942 года и вела бой по направлению на Харьков. Меня такая служба и должность не устраивала, как коммуниста, и я стал проситься, чтобы меня взяли в танковую роту хотя бы стрелком-радистом. Устройство и работу пулемета я знал. Но меня все заставляли следить за воздухом.

И вот на одном танке выбыл раненым стрелок-радист, и меня назначили вместо него. Я, как стрелок-радист сидел рядом с механиком-водителем танка в лобовой части танка. В одном из боев был тяжело ранен механик-водитель нашего танка, и командир роты приказал мне сесть вместо механика-водителя и вести танк в бой. Такому обороту дела я был очень рад: я стал настоящим танкистом, механиком-водителем! Кроме того, меня, как коммуниста, назначили агитатором роты танкистов. Я должен был каждое утро прослушивать по радио передачу – сводку Совинформбюро и другие сведения – и информировать потом своих танкистов.

И вот 14 мая 1942 года я, прослушав сводку по радио и все новости, прибыл к танкистам своей роты, чтобы им рассказать, какое положение на фронте. И вдруг около нас разорвалась немецкая мина, и я был тяжело ранен.

Дальше – военный госпиталь в г. Бобров Воронежской области, около двух месяцев.

После госпиталя я попал в 21-й учебный танковый батальон в Сталинграде. В состав этого батальона я вступил 23 августа 1942 года в бою за Сталинград. Затем наш 21-й учебный танковый батальон и 28-й учебный танковый батальон объединили, и мы оказались в составе 99-й танковой бригады, которой командовал подполковник Житенев. В боях этой бригады, я, механик-водитель танка Т-34, был 7 сентября 1942 года тяжело контужен и ранен. И как я потом оказался в госпитале, этого не помню.

Меня через месяц, кажется, привели в порядок и выписали из госпиталя. И попал я в 23-й учебный танковый батальон. Из этого батальона меня отправили на учебу в Камышинское училище младших политруков, которое в то время было эвакуировано в Астрахань.

В городе Астрахань у нас началась учеба. Но вскоре немцы стали бомбить и Астрахань, и наше училище эвакуировали в Саратовскую область, в г. Новоузенск. Вскоре к нам прибыли остатки курсантов Сталинградского ВПУ, и наше училище стало называться Сталинградское ВПУ, которое я окончил в феврале 1943 года и стал лейтенантом.

По распределению я был назначен заместителем командира автороты в 163-й автобатальон, который находился в Москве. В этой должности я, наверное, проработал один месяц. И вышел приказ по армии заместителей командиров рот ликвидировать, и было введено единоначалие командира.

Я был направлен в 1-й танковый полк офицерского состава в г. Казань. Я был зачислен в отделение механиков-водителей. Проучился я там около шести месяцев и стал проситься, чтобы меня добровольцем отправили на фронт. Мне и другим офицерам сделали экзамен, выдали нам удостоверения механика-водителя и я из Казани уехал на 3-й Белорусский фронт. В это время уже был приказ по армии, что на тяжелом танке должен быть механик-водитель только офицер. И меня направили в 64-й тяжелый танковый полк

механиком-водителем. И в 64-м тяжелом танковом полку я воевал с 12 октября 1943 года по конец войны – май 1945 года. Воевал я в полку механиком-водителем в Белоруссии, в Литве, Латвии. А вообще я воевал за годы войны вначале на Украине, затем в России, Белоруссии, Латвии и Литве, по существу – в пяти государствах.

После войны работал на партийно-политической работе (заместителем командира танковой роты, секретарем танкового батальона) и уволен был из армии в феврале 1956 года в связи с ликвидацией в армии партполитработников.

После демобилизации из армии в Ирбее работал механиком в автохозяйстве. Затем был приглашен в Кансскую милицию на должность следователя, где проработал около пяти лет. Работая в милиции, закончил заочно среднюю школу и поступил в 1958 году в Красноярский юридический институт, который окончил в 1963 году. (А когда из милиции уволился, работал инженером по ремонту автомашин). По окончании института работал в Канской городской прокуратуре помощником прокурора города. Всего в прокуратуре проработал 21 год, из них 18 лет проработал на Севере в Игарке и Эвенкии.

13 лет проработал прокурором Байкитского района. Притом работал один в Байкитской прокуратуре, без следователя и помощника прокурора. Все преступления, подлежащие прокуратуре, расследовал сам. Прокуратура находилась в одном здании вместе с милицией. Я всегда был в курсе дел и работы милиции. Трудно мне одному было работать прокурором, и вести следствие по делам, и участвовать в качестве обвинителя в суде, но с работой своей все времяправлялся. Ни одно уголовное дело, которое я расследовал, не возвращалось судом на доследование. По каждому моему делу выносились только обвинительные приговоры. А вот конкретно, какие дела я сам расследовал, уже не помню за давностью. С милицией мы жили дружно, при необходимости я им всегда помогал, и они мне в расследовании дел тоже

помогали.

Хорошие у меня были взаимоотношения с работниками райкома партии, райисполкома, сельским Советом, с нефтяниками, со всем народом и жителями Байкита и района. Я часто бывал по служебным делам в поселках Суринда, Полигус, Бурный, Ошарово и других. Часто бывал на Сугланах Суридинского и других совхозов. Об эвенкийском народе (Байкита, Туры) у меня остались очень хорошие воспоминания, как о честном и трудолюбивом народе Севера, который живет в трудных климатических условиях, но всегда честный и радостный, который никогда не жаловался на трудности в работе или жизни.

У меня очень хорошие отношения были со Степаном Егоровичем Поротовым, а вот кто был первым секретарем райкома партии, уже забыл фамилию, но он и не интересовался работой прокуратуры. Хорошие отношения у меня были с Володей Увачан, Михаилом Монго, Анной Григорьевной Салаткиной, с которой я неоднократно встречался в Красноярске и часто вел с ней разговор по телефону. Неплохие у меня, как прокурора, были отношения с Петром Тимофеевичем Сухоруковым, с которым я не раз встречался в г. Красноярске и часто веду с ним разговор. Он у нас, бывших байкитян, служит как справочное бюро, так как всех байкитян помнит. В субботу или воскресенье, особенно в июле, мы часто компаниями проводили время на природе или берегах рек Подкаменная Тунгуска, Байкитик.

Проживаю сейчас по адресу Краснодарский край, Тимошевский район, ст. Медведевская. Старший мой сын уже умер (1947 года рождения). В Красноярске живет сын Юрий, который уже на пенсии, дочь Татьяна еще работает. Сегодня я являюсь инвалидом войны I группы и еле хожу на улицу (не могу ходить).

По приглашению бываю на встречах с учащимися школ. В День Победы дочь возит на встречу с ветеранами войны и труда.

Очень много пишу статей об однополчанах-танкистах, ветеранах войны. Мной написано, а газета «Эвенкийская жизнь» опубликовала несколько моих статей о ветеранах войны – жителях Байкита.

Никогда ни у меня, ни у моей жены, которая работала более десяти лет председателем Байкитского рыбоопа, никаких спорных вопросов не возникало, все было только хорошо.

За боевые дела на фронте награжден орденами: Отечественной войны I степени, (2 ордена); Отечественной войны II степени; Красной Звезды (2 ордена); медалью «За боевые заслуги»; Польским боевым серебрянным крестом и около 20-ю юбилейными медалями.

ВОСПОМИНАНИЯ ЛИХОВИДОВОЙ ЕВДОКИИ АНДРЕЕВНЫ (г. Железногорск)*

Лиховидова Е.А., 1922 г. р., д. Ново-Николаевка Сухобузимского района Красноярского края, ветеран войны, связист прожекторного батальона 750-го зенитно-артиллерийского полка ПВО Забайкальской армии ПВО. Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Японией» и др.

• • •

22 июня 1941 года вероломно напала на нашу страну Германия. Из семи человек нашей семьи четверо защищали Родину. Мужчины шли на сборные пункты, мы, девушки, оставались пока на своих рабочих местах. Я тогда работала в Крайкоме партии в одном из техотделов секретарем. В мае 1942 года я и многие девушки, работавшие в Крайкоме, были призваны в ряды Советской Армии. Нам прямо на работе вручили повестки рассчитали, и дали паек на дорогу. Все мы были комсомолки. Мы собрались и пошли на вокзал, где формировался наш эшелон.

*

Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.

18 мая мы разместились в вагонах, предназначенных для перевозки телят, и наш эшелон из Красноярска двинулся в путь. Было в нем 800 человек девушек. Куда мы ехали, пока не знали. Потом догадались, что едем на Восток.

Привезли нас в Забайкалье. Служила в прожекторном батальоне, в 1-й роте связистом. Работали мы на столбах, трудно нам было, но мы преодолевали все.

Однажды был такой случай: отказалась связь с 3-м взводом, мы пошли прозванивать кабеля, прошли уже несколько километров, а неисправность все не находили, и так мы дошли до одной сопки, на которой стоял тонкий столб прямо над обрывом. Изоляторы были на самой верхушке столба и там-то как раз и была неисправность. Я нацепила на ноги когти, и полезла на столб, уже было добралась до самой верхушки, как вдруг сорвались мои когти и я полетела вниз. Но упала, можно сказать, удачно. Девушки испугались, а я тем более. Посидела немного на земле, опомнилась, и снова полезла на этот столб, и снова сорвались когти, я слетела вниз. Только в 3-й раз я добралась до изолятора, так как приспособилась, привязалась проводом за столб, закрепилась и ликвидировала неисправность. Появилась связь со взводом. Климат был суровый, на день несколько раз менялась погода: то тепло, то холод, то поднимется такой ветер, что пронизывал тело, казалось, до самых костей.

Занятия у нас всегда проводились на улице, невзирая на погоду. Нас готовили на фронт с Японией. Война с ней была неизбежной.

Транспорта у нас никакого не было, была всего одна машина, на которой стоял прожектор. Поэтому мы обслуживали себя своими силами. За много километров ходили в полк за продуктами, нагружали и несли на себе. С питанием было очень плохо. Нам давали мерзлой картошки и мерзлой капусты. Заливали картошку водой, когда все оттаивало, мы чистили и затем варили. Иногда нам давали американские концентраты и тушенку, в это

время у нас был просто праздник.

От водоемов мы находились далеко, зимой мы таяли снег и этой водой пользовались, а когда мы перебазировались ближе к озеру, зимой рубили лед, носили в землянки, и таяли для воды, а летом носили воду в ведрах на коромыслах. Плохо дело обстояло и с кабелем. Когда мы ремонтировали линии, заменяли плохой кабель новым, то старый кабель мы не выбрасывали, а соединяли проводочки, где были порваны, варили азекирит, потом этой массой смазывали кабель и снова его использовали. Часто были у нас тревоги по ночам, за 5 минут мы должны были одеться, обуться, взять свою винтовку, противогаз, занять свое место у прожектора. Мы связисты, – каждый должен был занять свою кабинку со взводом и передавать команды, которые давал командир роты или батальона.

Были полковые тревоги, когда мы работали с авиаполком. В воздухе были самолеты, и мы их брали в лучи прожектора – и тогда победа была за нами. А когда не получалось, победа была за лётчиками. Мы очень переживали поражение на западном фронте. Когда наши отступали и сдавали города, мы плакали и досадовали, что мы не там. Командиры нас успокаивали, говорили нам, что мы здесь очень нужны, что делаем здесь большое, нужное дело.

На западном фронте был и наш отец и младший брат, который погиб в 1943 году в 19 лет. На Сахалине в войне с японцами был старший брат. Он писал домой маме и младшим сестрам стихи:

Сплю в шинели, на шинели,
Под головой шинель.
От мороза и метели
Прикрывает ель.
Там, на западе далеком,
Отец наш и браток,
А второй брат и сестренка
Стерегут Восток ...

Он был призван в ряды Советской Армии ещё в 1938 году, а демобилизовался только в декабре 1945 года. Я демобилизовалась в октябре 1945 года. Отец пришел с фронта весь израненный. Погибли четверо двоюродных братьев.

Тяжелые, трудные были военные годы, но, несмотря на все трудности, мы не падали духом. В свободные минуты мы умели и повеселиться. Пели песни, танцевали. Все мы, девушки, были награждены медалями «За победу над Японией». Похоронили двух девушек погибших при исполнении воинских обязанностей. Командование было нами довольно. Мы честно выполнили свой долг перед Родиной.

ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКОМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПАНОВЫМ ВАСИЛИЕМ НИКИФОРОВИЧЕМ*

Панов Василий Никифорович родился 16 февраля 1919 года в большой крестьянской семье, был седьмым ребенком. Участник Великой Отечественной войны, сержант, парашютист-десантник, пулеметчик.

Уже в 6 лет стал помогать отцу, боронить на лошадях. Тогда машин не было. Родители занимались сельским хозяйством. «Учился всего полторы зимы». С таким «инженерным» (как он выразился) образованием и прожил всю жизнь. Правда было, что и бригадиром отработал четыре года.

В 1927 – 29 гг. прошло раскулачивание. Выгоняли. Лошадей, домашнюю скотину, все отдавали в колхоз, себе оставляли немного или вообще ничего. Работали в колхозе ни за что, за трудодни.

В 1930 г. образовался колхоз им. Ленина. «Это в нашей деревне Сизая Кежемского района. В колхозе я только коров не доил, а так работал на всяких разных работах». В 16 лет поставили бригадиром, пробыл на

* Записали студенты КГПУ им. В.П. Астафьева Яковец Валя, Останина Аня, Баймов Павел.

должности четыре года. Женился в 38-м году, жене было 16 лет, ему 19. Прожили вместе 58 лет, «выродили» три дочери. Жену 13 лет как похоронил.

Имеются внуки и правнуки. Внуки, как и положено, отслужили в армии, результат «воспитания со стороны меня и жены моей». Ни один не наркоман ни дочери, ни внуки. «Высшее образование не имел возможности дать дочерям». Одного внука убили, ему было 30 лет, в апреле пять лет было, как его не стало. Остались у него 10 летний сын и жена.

В декабре 1939 года были выборы в сельский совет. «Избрали меня и еще людей». Избран был секретарем совета.

В 1941 году началась война. В то время всех призывали. Старшего же брата отпустили домой по болезни. Брат Панов Егор Никифорович погиб на фронте, у него осталось четверо ребятишек, старшему 5 лет, младшему года не было.

В 1941 году В.Н. Панов году был призван на фронт – в парашютно-десантные войска. Попал в город Раменск под Москвой, обучались там же. Когда призывали, образования не было. Был охотником, проявил себя. Присвоили звание сержанта. Учился сам и обучал.

Василий Никифорович вспоминает: «Два месяца прообучались. Нас готовили забросить в тыл врага». «Всех позвали, меня оставили и кое-каких командиров для обучения пополнения. Обучались мы там до 42 года. В конце июня 42 года, когда немец здорово гнал наши войска по направлению в Сталинград, сделали три прыжка.

... Наш был 5-й корпус 18-й воздушно-десантный гвардейский полк (ВДГП). Корпус переименовали в 39-ю дивизию, командиром был генерал Гурьев. И пошли мы от Москвы пешком, навстречу немецким войскам. Шли 500 км, многие солдаты постирали ноги. Шли ночами, а днями в кустарниках. Кушали холодное. У каждого по 20 кг за спиной. Целую неделю шли и даже больше. По ту сторону Дона 14-15 августа встретились мы там [с немцами]. Тогда же по ту сторону Дона 14 августа 1942 года в бою во время

первых атак, я уничтожил два танка. За это получил орден Отечественной войны I степени. А 15 августа я был ранен первый раз! Пуля прошла сюда возле уха, чуть повыше поясницы вышла, через легкие прошла и нигде кость не задело».

Многие погибли. Пришлось раненому переплыть Дон, кто утонул, кто числится без вести пропавшим. «Лодка была одна. Загрузили только у кого ноги или что то оторвано. И двое здоровых, те, кто гребли. Выше на горе немцы были. Лодку расстреляли. Повсюду были слышны крики. Кричали кто «Мама», кто «Спасайте», а кому спасать? Тут бы самому выбраться. Еды не было. Приходилось жевать сырую шкуру. Скрывались... Спускается самолет и строчит. Летит близко над землей, всего 15–20 м, было видно глаза летчика. Было очень жутко».

Попал в госпиталь в Саратове. После этого из госпиталя попал в Сталинград. Встречали тех, кто подходил. 19 ноября 1942 года началось контрнаступление в Сталинграде. Тогда 22 ноября второй раз был ранен. «Пуля попала в плечо и в подмышку вышла». Опять госпиталь в Саратове.

Был приказ: те, кто был в парашютно-десантных войсках, в Раменск должны были снова собраться. Сформирована часть на северо-западном фронте. 7-я дивизия, пехотная. «Остался в этой дивизии. Пошли на северо-западный фронт». Через города Калинин, Ржев, Торжок гнали немцев. Март месяц, река Ловать. Прижали немцев. «Мне дали пулемет "максим". Командовал расчетом этого пулемета. А немцы отступали, рубили деревья и ложили на лед. Я пулемет на плечо, и вперед... Захватил тех кто не ушли. Там их косил как косой траву. На реке Ловать положил около 100 немцев или более того. Там был награжден высшим боевым орденом «Красного знамени».

14 марта был ранен в третий раз. «Засекли меня в кустах... Пролежал там всю ночь, а температура еще минусовая, лежал без памяти, нашли, перетащили в санбат. Три месяца пролежал в госпиталях: Вышний Волчок –

Ярославль – Алма – Ата – Красноярск».

В июле месяце 44-го демобилизован из Красноярска по инвалидности. Поставили председателем колхоза. Никакой зарплаты, трудодни платили. Три года проработал председателем колхоза. Это 1944–1945–1946 годы. По семейным обстоятельствам уехал из этой деревни. Потом стал работать председателем сельского совета.

Образования не имел и с фронта вернулся инвалидом II группы, поэтому всю жизнь работал на низкооплачиваемых работах. «Не очень жирно жизнь прожил. Отдавался весь труду. Где бы ни работал, везде был на доске Почета». Сейчас «хожу по школам, рассказываю об армии насчет дедовщины».

ПЕРЕВАЛОВ Г.И. : НА ТРАКТОРЕ «ЧТЗ» ДО БЕРЛИНА **(г. Железногорск)***

Перевалов Гавриил Игнатьевич, 1913 г. р. Ефрейтор 447-й Стрелковой дивизии, водитель трактора ЧТЗ. На фронте с июня 1941 по 9.05.1945 гг. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией» и др. Работал машинистом солододробильного агрегата на пищекомбинате г. Железногорска.

• • •

На фронт я уехал в первые дни войны в 1941 года из деревни Терентьево Есаульского с\совета Красноярского края. Там родился и жил до войны.

При формировании в Москве и [отправке] на фронт мне дали трактор, так как я в колхозе был трактористом. Победные километры мой трактор стал отсчитывать от Москвы. Был жаркий бой под Наро-Фоминском, переправились через реку Нару, мой ЧТЗ действовал безотказно. А дальше

* Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.

была Курская дуга, Орел, Гомель, Брянск – в общем, прошли всю Белоруссию и Украину, освободили очень много городов и деревень. В грязи, под дождем, бомбёжкой и обстрелом я тащился на своем тракторе, я на нем подвозил снаряды на передний край. В пригороде Варшавы случилась беда: мой ЧТЗ впервые вышел из строя. Мне хотели дать новый, но я отказался, попросил командира дать возможность восстановить. Две недели под обстрелом и бомбёжкой я провозился с ним – восстановил. Догнал своих и поехал дальше. Польшу прошли, освободили города Варшава, Радом, Хелм, Любленск и др. населенные пункты. Так дошли до Познани, а там повернули на Берлин, брали Бранденбург, вышли к Эльбе.

Вот есть солдатское счастье – до логова фашистского зверя доехал на тракторе. Как потом подсчитали, 18 тысяч километров военных дорог осталось позади. Когда отгромели последние выстрелы, командующий артиллерией 1-го Белорусского фронта (фамилию забыл) неожиданно остановился около нас и спросил: »Как воевал, ефрейтор?» Я доложил ему как положено, и про трактор сказал. Он удивился: «Неужто 18 тыс. км прошел твой трактор?» И сказал: «Благодарю за службу, молодец, сибиряк». Только жаль, что после войны не пришлось мне приехать домой на тракторе. Он нужен был ещё в войсках.

И в праздник Победы, я вспоминаю со слезами тех, кто был со мною рядом и кто не дожил до Победного дня.

**ПОДПОЛКОВНИК ПЕРЕПЕЛКИН ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
ПУЛЕМЕТЧИК, ИНВАЛИД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***

* Воспоминания записали студенты КГПУ им. В.П. Астафьева Кондратьев Сергей, Гнедько Михаил и Маркин Константин

Перепелкин Григорий Васильевич родился 13 декабря 1921 года в Рязанской области. Окончил среднюю школу в 1939 году (10 классов). Школа была одна на весь район, всего эту школу закончили тогда 18 человек.

Отец умер рано, жили очень тяжело. Начал работать учителем, квалификацию получил в Рязанском педагогическом институте. В Волынченской школе преподавал математику. От призыва в армию была бронь. 12 июня 1941 года бронь сняли, и Григория Васильевича призвали в армию. Но началась война, их направили в Тулу, через неделю начали рыть окопы вокруг города, строить укрепления.

Потребовалось эвакуировать заводы, и батальон, в котором проходил службу Григорий Васильевич направили демонтировать оборудование, этим они занимались целый месяц. После Григория Васильевича хотели оставить на заводе рабочим, но он был против, так как брата убили немцы и он стремился на фронт. Отправили в Ленинско-Кузнецкое пулеметное училище. Это же училище закончил и его брат.

Был уже 1942 год. Однажды из Красноярска приехал лейтенант и потребовал пулеметчиков. Спросили, кто желает на фронт, Григорий Васильевич выступил вперед вместе с товарищами. Погрузили в эшелон и отвезли в Красноярск. Зачислили в 78-ю Сталинскую добровольческую бригаду (просил нас отметить, что *именно в Сталинскую*). Жили в палатках, учились совершать маневры (жили в Зеленой роще).

В конце октября 128-й пулеметный батальон, в котором служил Григорий Васильевич, погрузили в эшелоны и отправили на фронт. Разгрузили недалеко от Ржева, в лесу, в болотистой местности. Пилили лес, строили дороги к фронту. Пробыли там месяц. Это был Калининский фронт.

В конце ноября 1942 года заняли окопы под г. Белым, поздно вечером. К тому моменту Григорий Васильевич был в звании мл. лейтенанта. 12 декабря пошли в атаку, но немцы имели хорошо укрепленные дзоты и доты. У наших войск было очень мало поддержки, мало самолетов и артиллерии, атака

захлебнулась. У наших не было автоматов, в отличие от немцев. Когда атака закончилась, белое поле стало черным. Немец вел усиленный артиллерийский огонь. Снова отправили в атаку, ранило, на санях санитары отвезли в госпиталь в деревне Оплохово.

В госпитале пролежал до марта 1943 года. После направили в запасной полк Степного фронта, около Воронежа. Попал в Воронежский округ, пошел на курсы младших лейтенантов, через шесть месяцев повысили в звании. После обороны Курск. Против нашего оборонительного участка было сосредоточено 2 миллиона немцев. Видел генерала Жукова, назначенного командовать Курским фронтом (2-й Украинский). Жуков организовал мощный артиллерийский огонь по немцам.

Немец сосредоточил силы и пошел в атаку. Перепелкин Григорий Васильевич отсекал пехоту от танков. Пулемет весил 61 кг. Немец не переставал атаковать, проходило до 300 немецких самолетов в день. Река от крови была красной, страшные бои, мясорубка. Был контужен снарядом. Считает, что Курская битва была выиграна благодаря подкреплениям из Сибири. Высоко ценит вклад сибиряков в Победу.

Потом шел через Курск, Молдавию, Румынию. Конец войны застал в Будапеште. После дивизия перешла в Одесский военный округ.

В 1958 году в составе советских войск служил в Германии в звании майора. В мае 1958 года прибыл в Красноярск. В январе 1959 был демобилизован. В 1965 году закончил Красноярский политехнический институт. Работал в индустриальном металлургическом техникуме 8 лет заведующим учебной частью.

Общий трудовой стаж – 51 год. Воевал 2 года и 7 месяцев в действующей армии (год за три), и всего выходит 23 года армейского стажа.

Награды: ордена Отечественной войны I и II степени; орден «Красной звезды»; медаль «За боевые заслуги» и другие – всего с юбилейными 17 орденов и медалей.

СКОРОХОДОВ НИКОЛАЙ. ВОСПОМИНАНИЯ

(Иланский район)*

Шла война. 23 мая 1942 года мы сдавали госэкзамен по физике, а затем всем классом пошли в лог, за Пульсометр, и там дурачились как могли. Возвращались домой часа в четыре дня. Близ школы к нам подбежала соседская девушка и сказала, что мне и Толику Лебедеву пришли повестки. Сбор на 20 ноль-ноль, так что до отъезда оставалось каких-то четыре часа! За это время мы побывали во дворе Осоавиахима, получили инструктаж, что брать с собой. Меня направили в райком комсомола, чтобы я срочно вступил в ряды ВЛКСМ.

На перроне и отезжающих, и провожающих было много. Я и Толик сели в один вагон и в 22 часа выехали в Красноярск. Жили мы там дня три в обшарпанных казармах, из окон которых виднелась голая гора с полуразвалившейся часовней. Прошли мандатную комиссию, проверившую нашу родословную, начиная с дедов, прошли и медицинскую.

Из Красноярска выезжали целым эшелоном, однако мы с Анатолием держались по-прежнему вместе. В Москве повторились те же проверки биографий и здоровья. Мы попали в одну команду и вскоре выехали в Горьковскую область. До Горького поездом, затем – на машинах. После нескольких часов езды остановились в лесу, где располагался военный городок. Там нам устроили третью проверку, и ее мы прошли благополучно. Не разлучались, жили в одной казарме, спали рядом на зимних нарах. Голые доски, тощий «сидор» и пустые желудки. По юношеской доверчивости многие из нас попали впросак: еще в Красноярске какой-то парень убедил всех, что как только приедем на место, сразу обмундируют и поставят на довольствие. Поверив ему, мы по дороге в Москву меняли свои вещички на

*

Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева

продукты. В результате в запасной полк многие приехали босиком и в легкой одежонке. Ночи были прохладные, казармы не отапливались. К тому же постоянное чувство голода: кормили очень плохо! Иногда мы собирали грибы, пытались сварганить из них похлебку. Видимо, недоваривали, и с нашими желудками творилось черт знает что!

Недели через две со дня прибытия началось изучение материальной части «катюши». Незадолго до присвоения званий и принятия присяги выдали обмундирование (до этого почти месяц мы шлепали босиком). Выпуск нашего набора состоялся в конце июля, мы получили звания младших сержантов и должности наводчиков орудия.

В начале августа выпускников привезли в Москву, стали распределять по боевым подразделениям. Мы попали в 92-й минометный полк: Анатолий в первый дивизион, я – во второй. В глубине Измайловского парка стояло четыре машины, на которых мы и тренировались. Поскольку оружие это находилось под большим секретом, «катюши» всегда стояли зачехленные. Чехлы из брезента, громоздкие и тяжелые, здорово выматывали нас. Снимать их, а затем надевать – одна из самых изнурительных работ! Наряды по кухне, караульная служба, строевая – дел хватало! Но в Москве все давалось легче: ведь и кормили лучше, да и навыки кое-какие у нас уже были.

С этих пор мы с Толей встречались редко, а при встречах гадали, куда и когда пошлют воевать, вспоминали родной Иланск, школу, девчат и друзей.

В начале сентября был получен приказ о выезде на фронт. Менее чем за сутки погрузили нас в эшелоны. Боевые установки уже стояли на платформах. Новенькие! Под чехлами. На базе американских автомашин «студебеккер», что с двумя ведущими мостами! Таинственные и грозные! Верилось, что для фашистов наступают черные дни и победа не за горами!

Движение эшелонов проходило вдали от линии фронта, и потому не было ни одного налета фашистской авиации. 6 сентября мы прибыли на конечный пункт – близ г. Ленинска, под Сталинград. С наступлением

темноты полк своим ходом начал продвигаться ближе к фронту. Ночью переправлялись через Волгу и утром 7 сентября 1942 года были на месте.

Город заволокло дымом. Уже более двух недель фашисты непрерывно бомбили его. В воздухе постоянно кружили десятки самолетов со свастикой. Ударам подвергались и переправы, и ближайшие тылы, и скопления войск, и батареи. Конечно, для нас, необстрелянных, такое зрелище было потрясающим, но страха мы еще просто не ведали.

Наш второй дивизион разместился на окраине города, в рабочем районе: чистенькие домики с ухоженными садами и усадьбами. Командир батареи приказал рассредоточиться. Машины загоняли в сады и огороды, поближе к строениям. С болью в сердце вырубали мы фруктовые деревья, ломали домики для проезда и маскировки. Утром по команде «Тревога!» колонна двинулась по дороге к огневой позиции. Быстро подготовили установки к бою, нацелили, расчеты отошли в укрытие – у машин остались только командиры орудий.

– Огонь! – и со всех установок с грохотом и шипением сорвались реактивные снаряды, вздымая клубы пыли и дыма. Длилось это не более 10–12 секунд. Восемь «катюш» одновременно выпустили 128 снарядов! После залпа, пораженные виденным, мы на какое-то время застыли, а потом бросились к машинам, чтобы привести их в походное положение. И вовремя. Едва отъехали от огневой метров на двести, как фашисты открыли по ней беглый огонь из орудий и минометов… Первый залп! Первое боевое крещение!

Враг стремился выйти к Волге, не считаясь с потерями, но и наш отпор возрастал. В Сталинград непрерывным потоком шли войска. Несмотря на бомбежки и обстрелы, переправы работали круглые сутки.

Действия наших дивизионов сковывались плотной жилой застройкой, трудно было маневрировать. Поэтому командование решило перевести полк на левый берег. В ночь с 15 на 16 сентября два дивизиона переправились на

левый берег, за Волгу, а первый, в котором служил Толик, остался в Сталинграде. Переправился этот дивизион к нам лишь в начале октября. Почти все его установки имели многочисленные повреждения, а среди личного состава было много убитых и раненых. Погиб в Сталинграде и Лебедев Анатолий. Подробности его гибели мне узнать не удалось: сразу не было возможности встретиться с очевидцами, а со временем они исчезли: кто был убит, кто ранен. Прошло более сорока лет, а я все жалею, досадую на себя: одолевает чувство вины, что так ничего и не узнал о последних днях своего школьного друга.

МОЯ КУРСКАЯ ДУГА.

ЗАПИСИКИ ТАНКИСТА СОКОЛЕНКО СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА*

Фронтовик Сергей Иванович Соколенко передал нам свою рукопись, которую назвал «Солдатские мемуары», со словами: «Я думаю, многим она будет интересна, особенно молодежи. Ведь нас, ветеранов, так мало осталось...». Мы публикуем представленные материалы (с разрешения автора-ветерана) в качестве источника для исследователей – специалистов в области военной и устной истории.

Сергей Иванович Соколенко — ветеран труда совхоза «Красненский». В селе он уважаемый человек и почетный гражданин, с очень трудной и интересной судьбой. Он имеет много наград и поощрений, в их числе ордена Красной Звезды и Отечественной войны I степени. На протяжении десяти лет был председателем Совета ветеранов в совхозе. В разные годы был депутатом, принимал активное участие в работе народного контроля и товарищеского суда.

Работать Сергей Иванович начал еще в юности. В пятнадцать лет уже заведовал пасекой. Если не считать четырех фронтовых лет, то с пчелами не

* Записали студенты КГПУ им. В.П. Астафьева Степанова Варя и Копылов Иван.

расставался ни на один день. После войны до выхода на заслуженный отдых работал в Красненском совхозе Балахтинского района Красноярского края.

• • •

СОЛДАТСКИЕ МЕМУАРЫ

Я родился в деревне Дорошкеево Даурского района в 1924 году. Прошел войну практически с первого ее дня. Был призван в действующую армию 11 июля 1941 года. Участвовал в боях при обороне Ленинграда, там получил свое первое ранение. Затем была Курская дуга, освобождали Минск, участвовал в штурме Кенигсберга в Восточной Пруссии, в освобождении прибалтийских городов (Штольп, Данциг). Там был вторично ранен, а после госпиталя попал в 8-ю Армию под командованием Георгия Константиновича Жукова (имею благодарность от него). Дошел до Берлина.

До сих пор помню тот день, когда мне принесли повестку. Я работал до войны пчеловодом, и мне ее доставили прямо на покос. Меня в числе других новобранцев повезли на катере «Товарищ», отправили на сборный пункт в город Красноярск.

Много всего довелось мне пройти и увидеть. Хочется поделиться впечатлениями о грандиозном танковом сражении на Курской дуге.

К этому времени я закончил обучение в Омском 4-м танковом учебном полку. После восьми месяцев напряженной учебы (подъем в 6 часов утра, отбой в 11 вечера) получил удостоверение огнеметчика. Из выпускников сформировали экипажи по пять человек. Скажу для нынешнего поколения, что в их числе были командир танка, командир орудия, механик-водитель, радиист-пулеметчик и заряжающий. Причем последний из них был главной фигурой в этой пятерке. Еще бы! Заряди он вместо бронебойного снаряда осколочный — и поминай, как тебя звали!

Свою боевую машину — легендарный танк Т-34 — мы получили на заводе №174 в городе Омске. Было приятно осознавать, что мы, сибиряки, будем воевать на танках, собранных руками сибиряков. Тут же присваивались номера, которые наносились на броню. Нашему танку, как сейчас помню, достался номер 226. Боевые машины грузили на железнодорожные платформы, крепили толстой проволокой. Экипажи размещались в «телячьих» вагонах, которые были без печек, да и нужды в них особой не было — еще не осень.

Мы ехали на фронт и думали: «Какая же она разная, наша Родина! Сколько достопримечательностей!». В восточной части страны следов войны не было, но когда мы достигли западных областей, то увидели разрушенные города, заводы и вереницы гражданского населения, которые шли с запада на восток.

По дороге решили поближе познакомиться. Старшим по званию был младший лейтенант, уроженец Курской области. Представился товарищам и я, как сержант с Енисея. Механик-водитель говорит: «А я татарин, Аркадий Пустобаев». Радистом-пулеметчиком у нас был уже пожилой мужчина Стрелев, а заряжающим — совсем молоденький Коля Скорых.

В июле 1943 года мы были на исходном рубеже в районе Курского выступа. Тихой теплой ночью получили приказ выгружаться. Разрубили проволоку, разгрузили танки. Тут же прибыли машины-заправщики, привезли боеприпасы — по пятьдесят пять снарядов и по одному с укороченной гильзой.

В суете не заметил, как на соседнюю платформу прибыл эшелон с такими же танкистами. Мы рвались в бой, но нас обескуражили реплики тех, кто только что вышел из боя: «За одногобитого не надо двух небитых».

Не меньше мы удивились, когда нас погрузили в вагоны, и эшелон тронулся назад, в Омск, получать новые танки. Выяснилось, что те танки, с которыми мы приехали, имели 76-миллиметровые орудия. Они не пробивали

броню только что взятых немцами на вооружение королевских «тигров». Мы узнали, что в Омске нам нужно будет получить точно такие же Т-34, но уже с 85-миллиметровой пушкой. Буквально за двое суток орудия были заменены. Поразило нас не только то, как оперативно выполняются заказы для фронта, но и мощь тыла. Например, только один танковый завод в Нижнем Тагиле выпускал по 40 танков в сутки, и все с 85-миллиметровыми пушками! На танкодроме в Омске мы смогли воочию убедиться, насколько серьезна наша боевая техника. Каждому экипажу дали выстрелить по три раза. Оказалось, что наше орудие стреляет на 36 километров!

И вот мы снова на Курской дуге. Первый бой. Жутко видеть идущие на тебя «тигры» и «пантеры» с крестами и свастикой. Мы ударили по ближнему вражескому танку из орудия, он сразу загорелся. Пулеметы закончили дело, расстреляв экипаж, который покидал горящую машину. А для нас главная задача — в горячке боя не подставить врагу свой борт. Тогда — пропал!

Броня нашего танка накалилась, а тут еще стреляные гильзы падают, часть пороха в кабине догорает. Дышать нечем, два вентилятора едва успевают дым разгонять. Мы бьем, и по нам стреляют. Тут многое зависит от механика-водителя. Но наш Аркадий Пустобаев оказался настоящим асом. На вид худощавый, казалось бы, в чем душа держится, но он показал себя в бою. Ни на минуту не спасовал!

На поле все больше горящих танков — вражеских и наших. Горят трупы, в оставленных танках рвутся снаряды. Ад кромешный! От этих взрывов башни весом восемь тонн летят, как фанерные, за несколько метров.

Командир кричит: «Фердинанд» слева!». Выстрел! И горит вражеское чудовище. И тут по нашему танку долбануло. Да так крепко, что в глазах потемнело, и мы все оглохли. Я оглянулся на командира и вижу, что он сидит, шевелит губами, а я ничего понять не могу. Смотрю в триплекс — ствола у нашего танка нет, снарядом снесло, башню заклинило, не

поворачивается. Кое-как добрались мы до своих. Посмотрели на свою изуродованную машину, погоревали. Но потом увидели, что не одни мы такими из боя вышли. «Вот мы и «безлошадные», — с горечью сказал командир, желая нас подбодрить.— Давайте хоть сухой паек уничтожим, что ли! Сутки не жрамши!». Да какой там паек! Есть не хотелось от увиденного и пережитого. Оглянулись на наш изуродованный танк, а там еще прибавилось искалеченных машин, вышедших из боя.

Так и собрались мы все в группу «безлошадных». Вот тут-то мне и довелось встретить знаменитого командира Ротмистрова. Подошел к нам и спрашивает: «Раненые есть?». Мы ответили, что нет,— только контуженные. «Ну, раз такое дело, раз руки-ноги целы, поедете в Челябинск получать новые машины. И поскорее возвращайтесь обратно, товарищи. Мы вас очень ждем, видите, что здесь творится».

Надо сказать, в Челябинске нас уже ждали. Большинство танков стояли на платформе, готовые к отправке на фронт. Доводку снаряжения проводили совместно с заводскими работниками, поэтому уже 20 июля мы снова были на Курской дуге. И сразу почувствовали, что враг уже не тот, что был раньше. Наступление немцев провалилось. У врага ощущался недостаток боеприпасов и горючего. И танков у него стало меньше, да и мы пороха понюхали изрядно. И уже стреляли наверняка. А через несколько дней сражение на Курской дуге победоносно завершилось. «Немцы потеряли в нем почти полмиллиона солдат и офицеров и около 1500 танков. Наши потери составили 800000 солдат и офицеров и 5000 танков» (Из книги Г.К. Жукова «Воспоминания»).

Наша армия за каждый день сражения на Курской дуге теряла до 10 тысяч бойцов. Мы сражались с очень грозным врагом. Победить «тигр» не так-то просто. Не каждый снаряд брал его лобовую 22-сантиметровую броню. «Тигр» был к тому же оснащен четырьмя крупнокалиберными пулеметами, которые били точнее наших. И к началу Курской битвы нам по-

настоящему еще никто не помогал. Мы бились один на один. Другой бы народ не выстоял, а наш победил! Мы были молодыми, необстрелянными и противостояли войску, которое прошло хорошую школу.

Большую роль в победе под Курском сыграли партизаны, которые взрывали вражеские эшелоны и нарушали нормальное снабжение немецкого фронта. Не все участники сражения смогли получить заслуженные награды. Я видел по телевизору, что в Подольске еще лежат 640 тысяч наградных листов.

ВЕТЕРАН ВОЙНЫ КОМАНДИР ШТРАФНОЙ РОТЫ
ТРЕТЬЯКОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ
(Нижне-Ингашский район)*

Участник Великой Отечественной войны Иван Николаевич Третьяков вместе с женой Анной Трофимовной почти всю послевоенную жизнь проработали в пос. Тиличеть-2 Нижнеингашского района (бывшее лесной подразделение ИТК-7 учреждения У-235). Воспитали троих детей.

• • •

В 1939 году я воевал на японском фронте. Закончил войну в должности заместителя политрука 185-го артиллерийского полка Резерва главного командования.

После этого демобилизовался, поступил во Второе Омское пехотное училище (май 1941 года). В январе 1942 года был отправлен эшелоном на Брянский фронт командиром пулеметной роты 143-й дивизии 13-й армии. После слияния фронтов перешел на 1-й Белорусский фронт командиром отдельной штрафной роты. Набор «штрафников» происходил в Москве. В основном их присыпали из «Таганки». Вагон принимали по списку под

* Воспоминания записал Ю.Д. Бражкин. Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.

роспись и направляли в расположение части, где их распределяли по взводам, отделениям: пехотинцами, стрелками, пулеметчиками.

На боевую подготовку отводилось 10 дней, после чего штрафников вооружали и отправляли на передовую. Согласно приказу № 227 осужденные до 5 лет лишения свободы должны были отбыть в штрафной роте 1 месяц, до 7 лет - 2 месяца, до 10 лет - 3 месяца, после чего судимость

снималась. Это продолжалось в течение 1,5 месяца, затем были внесены изменения в приказ: при выполнении боевой задачи трибунал снимал судимость со штрафника полностью. После этого их распределяли по регулярным частям.

Демобилизовался я в марте 1944 года после ранения в Польше. Был награжден орденом Александра Невского и орденом Отечественной войны I степени, многими медалями.

ВОСПОМИНАНИЯ ХАМЦОВОЙ МАРИИ ЛАЗАРЕВНЫ*

Ветеран войны Хамцова Мария Лазаревна, 1915 г.р., с. Дзержинское (ныне) Красноярского края. На фронте с 1941 по 1945 гг., радист.

• • •

22 июня 1941г. Началась война, но жители Дзержинского ещё не знали этой страшной вести. Был выходной день, воскресенье. Вся молодёжь района прибыла в Дзержинское на спортивные соревнования. Прыгали, бегали, пели песни, всем было весело! Но когда вернулись домой, то узнали, что началась война с Германией. И сразу настроение испортилось. Наутро мужчины шли в военкомат добровольцами.

В то время я работала в Дзержинском м\совхозе, была секретарем комсомольской организации. А 25 августа призвали девушек, некоторые

*

Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.

оставляли детей, и шли помогать Родине на фронт. В это число попала и я. 25 августа 1941 года нас с учительницей Томашевской Аней мобилизовали в армию и отправили в город Новосибирск[к] учиться на радистов. После окончания курсов, а учились мы всего 2,5 месяца, нас распределили по фронтам.

Я попала на Калининский фронт. По пути получила первое крещение, нас бомбили. Враг был силён, он рвался к Москве. Немецкие самолёты летали так низко, гоняясь за каждым солдатом, очень низко, что можно было разглядеть улыбающееся лицо немца. Но советский народ верил в победу, и победа свершилась.

Работать радистом было очень трудно. 6 часов в напряжении, надо было правильно принять и передать радиограмму, а связь мы держали с передовыми частями фронта. И стоя на посту, видно было видеть, как горел город Калинин, грохотала орудийная канонада.

Работали по 6 часов, надо связаться с корреспондентом, принимать и передавать радиограммы, а напутаешь, будет большая неприятность. Работать очень было трудно, так как у нас не было практики, хорошей подготовки. А немец все стремился к Москве. Бывало стоишь на посту и слышишь канонаду в Калинине, видишь большое зарево, — это горел Калинин.

А немец был жесток, особенно в начале войны. Он буквально гонялся за каждым нашим солдатом. Каждый день все бомбил, ст. Кувшиново недалеко от нашего расположения, и нас тоже не обходил.

А как мы были рады, когда появилась «катюша». Выезжали мы в командировку под Ржев, когда заработала «катюша». Земля дрожала. Все командиры, солдаты, все были такие счастливые, плакали...

Несмотря на то, что мне пришлось пережить за 3,5 года всякие лишения, не сожалею о том, что служила в армии. Мы всегда были уверены, что победа будет за нами.

***Война, народ, Победа:
героизм и повседневность
сибирского тыла***

**ВОСПОМИНАНИЯ БАСКАЛЬ ВЕРЫ АНДРЕЕВНЫ
О РОДИТЕЛЯХ В ГОДЫ ВОЙНЫ***

Мои родители: отец Дерышев Андрей Маркелович, 1897 года рождения, мать Дерышева Мария Ивановна, 1904 года рождения. Нас выжило шестеро детей, хотя рождалось больше. Сейчас в живых трое. Все детство наша семья жила в Красноярске в районе ДОКа. Отец был справедливым и строгим, за непослушание детей мог поставить на горох. Однажды за то, что брат

* Записала студентка КГПУ им. В.П. Астафьева Степанова Варя

вмешался в разговор взрослых, отец сломал об него деревянную ложку. Мамчитала книги запоем, и, все мы, дети пошли в нее.

У мамы есть справка Базайского сельсовета о том, что их семья относится к категории бедняков. Когда умер Ленин, родители гуляли в парке, там выстрелила пушка, мама легла на землю и думала, что война началась.

До войны мама работала прислугой в еврейском доме. В молодости болела тифом, поэтому пришлось обрезать волосы, но они быстро отросли.

Отец часто вербовался. На первый прииск молодая семья поехала без детей. Поехали в Подкаменную Тунгуску. Когда там жили, пapa оставлял маме ружье защищаться от зверя. Там было много комаров и гнуса. Отец курил, ему поэтому гнус был не страшен. Мама не курила, но отец сказал, что и ей здесь можно курить.

Когда вернулись в город, мама сразу бросила курить и больше никогда в жизни не курила.

Передвойной родители завербовались на север, в Североенисейскую тайгу. На плотах плыли две недели. Каждый раз, приставая к берегу, с плота мертвыми выносили несколько ребятишек. И, видя это, отец сказал маме держать все оставшееся время ребенка на коленях и не пускать на плот, потому что там сырое. Когда приплыли и вышли на берег, у мамы вся юбка была в дырах от сырости и ребенка на коленях. Приехали на золотые прииски. Жили в тайге, стояли трескучие морозы. Однажды после очередной пурги нашли «подснежник» (человек замерзший в пурге), женщину которая 50 метров не дошла до дома. Она была скрученная, ее отогрели в бане, чтобы расправить и похоронить. Передвойной вернулись в Красноярск.

... В 1941 году весной случилось наводнение. Жили в это время на

Саянской [улице]. Родители были на работе. Мама работала в охране ДОКа, залезла на вышку, чтобы спастись от воды. Дома были только дети. Старшие сестры, придя с танцев, стянули перину на пол, чтобы было не жарко спать. Когда вода поднялась, перина плавала по воде, одна из сестер, махнув рукой, поняла, что поднялась вода. Сестра Ида [полное имя Идея] побежала в кладовку за лампой, а там уже вода, она подняла крышку подвала, и она чуть не рухнула в подвал, хорошо, что руки расставила. Часть скота загнали на гору, часть подняли на крышу. Затем приплыли родители на лодках. Две недели жили на крыше.

Началась война. Отец ушел в армию 14 марта 1942 года.

Старшая сестра Идея, 1925 года рождения, тоже ушла на фронт и вернулась в конце 1945 года. Мама осталась с пятью ребятишками на руках, самому младшему был год.

Маме пришлось идти работать на мелькомбинат. Когда на нее первый раз положили мешок, который весил 50 кг, у нее не выдержал мочевой пузырь. Иногда их задерживали на двое-трое суток. Там они разгружали баржи с зерном вручную, и иногда маме удавалось принести чуть-чуть зерна домой, чтобы хоть как-то прокормить семью.

Однажды их бригаду арестовали. Ничего компрометирующего не нашли, но держали неделю. А работать надо было, их бригада была передовой, хотя и полностью женской, поэтому в их освобождении была заинтересована администрация комбината. Почти у всех женщин были маленькие дети, и их [детей] привели к начальнику милиции. В результате бригаду отпустили, но отправили сразу на работы.

Во время работы на комбинате маме пришлось остричь волосы, потому что работа была пыльная. Офицер, увидев это дело, сказал, что не стоило бы обрезать такие шикарные волосы.

Так мать работала два года, затем вернулся раненый отец с фронта. Отец вспоминал, что когда он был на фронте, вражеский самолет разбомбил эвакуировавшийся банк, всё вокруг было в деньгах, а солдаты их не брали, потому что иначе расстрел. После войны отец работал на красноярской железной дороге. Фронтовикам давали ссуду 10 тысяч, и папа на них построил дом. Однажды после бани отец полез на крышу, что-то там подделать, и простудил легкие. Врачи лечили его от гриппа. Через две недели отец умер, это произошло 7 декабря 1948 года.

А ссуду надо было отдавать. Пришли финансовые органы, и сказали, что если не отадите ссуду – выселим из дома. На это мать ответила, что идти им больше некуда, и если их будут выселять, она закроется с семьей в доме и сожжет и дом, и себя, и детей. Поддержал сосед, он предложил написать письмо Ворошилову, ведь Андрей Маркелович был участником не только Великой Отечественной войны, но и партизаном в годы гражданской войны в армии Кравченко. На это пришел ответ, что много семей в похожем положении и всем долг простить не можем. Но время для выплаты ссуды продлили до десяти лет, платили по 5–7 рублей. Когда пришел ответ, мама порвала партизанскую книжку отца.

После смерти мужа мама устроилась работать в банно-прачечный комбинат, там всю оставшуюся жизнь и проработала. Получала 350 рублей, а после реформы 35. Пенсию прибавили на 5 рублей, не предупредив, мама хотела отдать эти деньги [обратно], но ей объяснили, что все правильно.

Братья мои лазали по огородам. И как-то, обознавшись, залезли в огород

к своим друзьям за подсолнухами, но все обошлось. Тогда брат предложил друзьям «сегодня к нам в огород слазить».

Однажды чтобы сберечь тепло, мама закрыла все двери в комнату с печкой и саму печь. В результате угорели. Пришел брат с вечерней школы в 11 вечера, стуком разбудил всех, и тем самым спас.

Я родилась 5 сентября 1945 года, когда папа вернулся и ему было уже 48 лет, а маме 41. Когда мне исполнилось 15 лет, все разъехались, я осталась с мамой одна, на мне осталось все хозяйство, и было уже не до учебы. Но в вечерней школе я закончила 11 классов.

ИНТЕРВЬЮ С БУЛЫГИНОЙ ВАЛЕНТИНОЙ ВЛАДИМИРОВНОЙ*

– *Назовите, пожалуйста, дату Вашего рождения.*

В.В. Я родилась 28 сентября 1925 года.

– *Сколько Вам сейчас лет?*

В.В. 84 года.

– *Сколько лет Вам было, когда началась война?*

В.В.: - Когда началась война, мне было полных 15 лет. К этому времени я только окончила восьмой класс. Жили мы в Красноярске. Я училась в школе №36, что в Николаевке, где мы жили до войны.

– *Как Вы узнали о начале войны?*

В.В. Все мы услышали о начале войны по радио, но не сразу, а только на следующий день. Видимо, никто сразу не понял, что произошло.

– *Что Вы и другие люди чувствовали, услышав это страшное известие?*

В.В. Шок и смятение... Даже не могли одуматься, все плакали, никто не знал, как жить дальше, что с нами будет, что делать, как защищаться...

– *Кто-нибудь из родных уходил на фронт?*

* Записала студентка КГПУ им. В.П. Астафьева Козлова Юлия.

В.В. Да, мой старший брат Александр. Он только-только окончил десятилетку и в возрасте 18 лет ушёл на фронт. Воевал на Северном фронте, освобождал Ленинград. Погиб в январе 1944 года в боях за освобождение Эстонии. Уже после окончания войны я сама попыталась узнать боевой путь моего брата. Ездила на Братскую могилу, где он был похоронен. Ходила по военкоматам, изучала документы, связанные с его полком... Посвятила Саше альбом, куда вклеила его фотографии, начиная с самого детства и заканчивая фотографиями, присланными с фронта; вписала свои воспоминания о нём, стихи, которые посвятила памяти брата. Знаете, Саша был очень активным и любознательным молодым человеком. Очень интересовался точными науками, у него дома даже была своя маленькая научная лаборатория. После окончания школы планировал пойти учиться дальше.

Отец был болен, поэтому не воевал на фронте. Мама так же, как и я, работала в тылу.

– *Вы сразу пошли работать?*

В.В. Нет, не совсем. Сначала школьниками под предводительством учителей нас отправили в колхозы. Мы работали на хлебных токах, клейтонили зерно. Часть школьников работала днём, а часть ночью. Ближе к осени в посёлок стали съезжаться эвакуированные семьи с запада. В ноябре 1941 года, когда мы вернулись в свою Николаевскую школу №36, она уже была занята под госпиталь. К этому времени мне уже исполнилось 16 лет, я получила паспорт и в феврале пошла работать на завод. Меня определили в инструментальный цех (сейчас Большой концертный зал). Но вскоре я попросила определить меня на завод, который бы находился поближе к дому, так как каждый день мне приходилось проходить 12 километров. А ещё была зима, я постоянно возвращалась домой или шла на работу в тёмную пору, и улицы к тому же были небезопасны, существовали опасные банды и группировки. Вот со мной даже был такой случай: в нашем районе орудовала банда под названием «Чёрная кошка». Как-то вечером они решили

подкараулить меня около моего дома. Но об этом случайно услышали мои подруги и успели меня предупредить. Они хотели с моей помощью ограбить наш дом.

Меня перевели на завод, находящийся намного ближе прошлого. Он начал работать, когда его эвакуировали из Петрозаводска. Первое время строители даже не уходили с завода, ночевали там. Рабочие трудились под открытым небом, на снегу. Мы с Николаевки даже видели пламя, которым выплавляли снаряды. Работали по две недели в день и в ночь. Всего было пять цехов. Я работала в механическом цехе, в отделе технического контроля (ОТК).

– Какие отношения были между рабочими и начальством?

В.В. Начальника всего завода мы практически не видели, только когда были проверки. Также был свой начальник ОТК, он был рабочим, как товарищ. Он обычно работал в две смены, он должен был проверять качество работы, следить за выполнением нормы.

А выполнять норму было очень тяжело. Все мужчины ушли на фронт, за станки встали работать женщины, подростки, старики. Уйти с завода было нельзя, если не выйдешь на работу, то тебя будет судить военный трибунал. Люди были переутомлены, иной раз даже засыпали в обеденный перерыв на тёплой стружке от обработки снарядов. От переутомления также случались аварии: люди роняли себе на ноги детали от снарядов (каждая весила 40 килограммов), ломали ноги. Однажды был даже случай, когда женщину задушило платком, из-за того что кисточки от платка попали в станок.

В конце 1944 года вышел закон, который разрешал увольняться с завода. Я пошла учиться в финансовый техникум, проучилась там два года и затем уже работала в финансовой сфере.

– Как обстояли дела с питанием и одеждой?

В.В. В те времена был ужасный голод... Столько нищих я ещё никогда не видела; люди голодали, попрошайничали, умирали... Наблюдать это было

страшно. Все улицы у нас в Николаевке были засажены картошкой. Каждую ночь, особенно осенью, соседи с улицы по парам сторожили участки, чтобы никто не выкопал картофель.

За хлебом была огромная очередь, которую занимали с вечера и стояли до утра. Утром обязательно была перекличка, тот, кто опаздывал или не приходил на неё, выбывал из очереди.

Одежда и вовсе была редкостью. В основном люди донашивали старую одежду. Чаще всего ходили в широких штанах, фартуках из мешковины, фуфайках, валенках.

– *Что люди чувствовали в День Победы?*

В.В. Этот день был для всех и днём радости, и днём великого траура... Огромное количество жизней унесла война. Почти в каждом доме получали похоронное известие...

– *Как повлияла война на Вашу дальнейшую жизнь?*

В.В. Война оставила неизгладимый отпечаток в моей душе и в душах других людей. Она отняла у меня брата, но и заставила всех задуматься о том, как важно сохранить между народами мир, иначе мы просто истребим друг друга. Она заставила народ сплотиться вместе и побеждать врага сообща, не жалея ни сил, ни жизней... Я всегда буду помнить тех, кто отдал жизни за то, чтобы мы были свободны, чтобы мы жили счастливо. Я бы очень хотела, чтобы люди не забывали об этих солдатах, чтобы, несмотря на количество пройденных лет, чтили павших в Великую Отечественную войну.

ИНТЕРВЬЮ С БУРГАРДТ ГЕОРГИЕМ АНДРЕЕВИЧЕМ*

Интервью у нас не совсем получилось. Бургард Г.А., 1931 г.р., человек очень интересный, рассказал много, но, как бы сказать, не дал нам все

*

Записали студенты КГПУ им. В.П. Астафьева Яковец Валя, Останина Анна, Баимов Павел.

записать. Многое попросил умолчать. Беседа у нас получилась интересная и содержательная, но для публикации извлечено мало.

• • •

– Родился в Республике немцев Поволжья. Был репрессирован вместе с семьей когда было 10 лет (якобы за взрыв баррикад). «В военное время работали в колхозах. Не кончали, пока не убран весь урожай. Был лозунг «Все для фронта, все для победы». Себе ничего, все шло на фронт! Всю войну проработали». Работали с утра до вечера. Отдых – когда маленький дождичек. Люди работали, не роптали.

Вся жизнь прошла в Красноярском крае. Красноярск, Свердловский район, строительство города. Управляющий жилищным трестом. Принимал и заселял людей. Видел, как строится город. «Мало кто знает, что улица Красноярский рабочий раньше называлась Трактовая».

«Помню, как сжигали архив. Утащил 24 книги» (1953 год) Многие книги тогда были запрещены для чтения.

Учился в армейском училище. Участвовал в экспедиции на Крайний Север, открывал Хету. Завозили грузы. Потом учился во многих местах. Новосибирский институт инженерного транспорта. Закончил. В процессе работы учился в Ленинграде, Риге.

Работал на заводе медицинских препаратов. Был начальником ТЭЦ. После строительства района пригласили возглавить жилищный трест (20 лет проработал начальником треста). Поздно на пенсию вышел. Затем в Жилищной инспекции по краю 3 года. Несколько раз избирался депутатом.

Везде отличился, где работал.

Награжден 24 почетными грамотами, даже благодарственным письмом от губернатора А.И. Лебедя. Всего у него 10 благодарственных писем. Награжден грамотой коллегии Министерства жилищного коммунального хозяйства, Знаком социалистических соревнований 1973 – 75 гг., Почетным знаком Ударника девятой пятилетки, Знаком отличия министерства

медицинской промышленности. Имеет Благодарственное письмо от Единой России. Награжден Юбилейным знаком «30-летнее участие в развитии района», а также – Почетным памятным знаком за служение на благо народа.

Руководил депутатскими группами. Принимал активное участие в строительстве первого коммунального моста; участвовал в строительстве Красноярской ГЭС. За все время было лишь одно увольнение, остальные – переводы. Имеет жену, двоих сыновей. Оба сына – врачи.

Бургардт Георгий Андреевич: «Горжусь своей жизнью!»

ВЕТЕРАН ТРУДОВОГО ФРОНТА ВАХМЕЛИН МИХАИЛ КИРИЛЛОВИЧ*

Вахмелин Михаил Кириллович родился 25 марта 1927 года в г. Канске Красноярского края. С 1941 по 1943 гг. учился в Канском библиотечном техникуме. В семье самый младший. Также в семье было ещё два брата и сестра. Мать умерла рано, жили с отцом и мачехой. В 1941 г. отец и братья ушли на фронт, воевали везде, от Москвы до Берлина, вернулись живыми. Сестра работала медсестрой в госпитале. До войны отец работал строителем, а мачеха вела хозяйство.

С 1943 по 1945 гг. М.К. Вахмелин работал на Канском гидролизном заводе. В те годы на нем производили топливо для военных самолетов. Был направлен туда военкоматом. Должность – футировщик. Выкладывал изоляционную плитку на автоклавах – котлах для производства топлива. При выбросе лигнина, отхода производства, плитка часто разрушалась, и её приходилось менять. Норма работы составляла 8 часов, но часто приходилось работать сверхурочно, в две смены. Выходные дни были предусмотрены, но очень часто их не было.

*

Воспоминания записали студенты КГПУ им. В.П. Астафьева Аникеев Павел и Язынин Дмитрий.

Был в войну и бригадиром у заключенных, которые являлись основными работниками производства. Работа в основном нравилась, радовались, когда перевыполняли план, но дисциплина была железной, особенно среди заключенных. Во время работы на заводе жил в основном дома, но часто ночевал у друга, жившего неподалеку от завода.

Продовольственная ситуация в Канске в период войны была сложной: продуктов не хватало, цены были высокие, но многие вели собственное хозяйство, так что недовольных не было, все всё понимали. Во время войны редко играли в футбол. Занимались сбором металлом в качестве дополнительного заработка. В клубы и театры ходили только до и после войны. Во время войны активно читали газеты, в которых яростно пропагандировался патриотизм и ненависть к врагу, а также слушали радио, которое, безусловно, было основным источником сводок с фронта.

Известие о победе воспринял, как и все, с огромной радостью, но вскоре после этого ушел с завода.

С 1946 по 1948 гг. учился на историческом факультете КГПИ. С 1948 по 1951 гг. преподавал историю в Красноярской школе №2. С 1950 по 1955 гг. работал в комсомоле и в крайкоме партии. С 1956 по 1980 гг. проходил военную службу в пограничных войсках, в частности в Игарке, и в КГБ. Службу начал в звании лейтенанта, а закончил в звании полковника. С 1980 г. работал на Норильском ГМК, с 1984 по 1986 гг. – заместитель директора комбината.

Сейчас проживает в Красноярске. Отношение к Советской власти, и в частности к Сталину, положительное, но к такому деянию Сталина, как репрессии, резко отрицательное, осуждающее. К нынешней власти отношение неоднозначное, но к Медведеву, и, особенно, к Путину – хорошее, а к олигархам, вроде Абрамовича и Дерипаски, негативное.

Жена Галина Константиновна – журналистка, председатель ветеранской организации журналистов, дочь Людмила Михайловна – также журналистка.

НАШЕ ПРОШЛОЕ? НАШЕ БУДУЩЕЕ! (ИНТЕРВЬЮ С КВЯТКОВСКОЙ КЛАВДИЕЙ ИВАНОВНОЙ)*

— Откуда родом Ваши родители? Бабушки, дедушки?

— Отец и мама в Брянске родились. Когда началась гражданская война, наверное, это 1905–1906 годы, с Японией война в 1905-м началась… Ну, тоже самое, такой же кризис был, безработица, жить негде, и потом началась подготовка отправки людей на заводы. Походит уже… как при раскулачивании, что ли, подготовка идет. И вот начинают организовывать людей. Это же страх, вспомнить только все то, что люди пережили. И вот их забирают семьями прямо и отправляют в какой-нибудь, ну, допустим, мои родители в Брянске жили, а приехал агитатор и начал их агитировать в Саратовскую область. Там земля, дескать, свободная, там можно пахать и сеять… И почему-то к этому времени, это же в 1914-м началась гражданская-то война, помещики сами побросали, разъехались, или их высыпали. Ну, короче говоря, их организовали и сослали. Там какой-то был помещик — Иванов, точнее два помещика… И их привезли туда семьями. Большой дом, в одном углу одна семья живет, в другом другая, в третьем третья. Там не делили. И вот один дом, только по уголкам. И вот такая артель была. Мама у меня, например, пекла хлеб, и вот она должна была на этой работе быть. Отец у меня был механизатором, должен был ремонтировать машины, какие остались от помещиков, — сеялки, веялки, своих еще ни у кого ничего не было. Ну вот, и потом, когда все это… как началась эпидемия этого тифа, загнали их, когда они еще ехали по дороге и начали болеть, сняли здание, какая-то столовая была, всех вот туда собрали. Вот оттуда вывозили в одном гробу людей и хоронили. И детей, и взрослых, и всех хоронили. Кто остался жив, развезли по деревням — туда, сюда, кто куда. И мама моя там переболела, потом переболел отец, но уже

* Записали Таскаева Елена, студентка КГПУ им. В.П. Астафьева и Ценюга И.Н., канд. ист. наук, доцент. Текст стенограммы интервью с Квятковской Клавдией Ивановной (родилась 1 мая 1922 г.) приводится без стилистических поправок.

стал выздоравливать. Потом приехал отца брат и говорит: «Куда везти семью-то?». А он говорит: «Вези уже их в сельскую местность, пускай они там хоть как-то будут жить, а если повезешь их обратно в Брянск – там жить нечем, ни дома, ничего...». Ну, и привезли их опять в эту, то есть в Саратовскую область. Распределили – кто в столовой, кто варил там суп, кто хлеб, кто что делал, своего дома не было... Вот свой угол тут был, тут был, тут. Потом все это развалилось, и организовали артель – как бы будущий колхоз. Там у кого что досталось, ну если там от помещиков коровка какая осталась или лошаденка. Ну, кому-то что-то выдали, и в этой артели стали жить.

– *А бабушку, дедушку помните?*

– А бабушку, дедушку я не помню, потому что они тоже в Брянске, они так и умерли там. А мама и отец... они хоть сюда переехали.

– *Как встретились Ваши родители?*

– А тогда как встречались, как тебе сказать... По соседству жили, он постарше был намного. Подошло время жениться, девка хорошая, уже работает. Ей семнадцать лет было, уже выдать бы замуж, ее уже не надо кормить, муж будет...

– *А чем занимались родители до переезда? Какая жизнь у них была?*

– Отец у меня работал на заводе, а мама еще нигде и не работала, 17 лет было... Она так, дома была...

– *А сколько человек в семье было?*

– В моей семье было 7 человек.

– *Расскажите про жилье, бытовые условия, в которых Вы жили.*

– А вот так, как этих привезли... Мы уже и родились в этих уголках. Потом разделили, этот дом-то большой разделили перегородками, у нас у каждого была своя комната. И печка русская была обязательно. Ну, кроватей у нас, конечно, никаких не было, тогда были полати. Вот мы, дети, на полатях спали, на печке русской спали. А одна-единственная кровать была в зале, на которой спали родители. А мы уже потом, когда стали подрастать... разрас-

таться семья, уже где спать? Спали уже потом на полу. Обязательно была солома у нас, сверху постельное, тогда как их называли, вотолами – вытканные из конопли, такая же одежда была. Никаких простыней не было, ничего этого не было, самое главное была вотола. Вот ее стелили вместо простыни, другой вотолой одевались, вот так и жили.

– *А достаток семьи по сравнению с соседями?*

– А достаток семьи – кто что заработает. Отец у меня был от скуки на все руки. Он умел все делать. Вот скажут ему там сделать ведро, железо привезут... Тогда церкви как раз стали закрывать, а в церквях иконы вот почему-то рисовались на железе, вот самое настоящее железо. И вот эти иконы привозили... Помню это очень хорошо, потому что он дома это все делал. Сени у нас такие были, в сенях у него были свои приборы, на которых можно чего делать то. И вот привезли. Я так боялась – это же икона. Все равно мы в детстве вот как-то большинство относились совершенно по-другому, было нельзя родителей обижать, старших обижать, вот этого придерживались. Так вот, привезли эти вот иконы, так хочешь не хочешь, надо делать, куда ты денешься... Ну, вот он делал. То ведро, кому нужно было сделать, кому кружку сделать надо, кому колесо поправить, кому борону, сеялку кому... Работал на движке, движок, который приводил в движение машины, на которых молотили. Вот на этом в основном работал.

– *А достаток семьи по сравнению с соседями? Одинаковый примерно был?*

– Да все так жили. У нас еще отец вот мог так зарабатывать, немножко больше, что он все-таки какую-то профессию имел. Не знаю почему, ну, может, где тайно, кому ведерко тайно сделает, ему кто-нибудь рубль даст.

– *С кем дружили Ваши родители?*

– Как тебе сказать... Почему я уважаю тот уклад жизни, потому что мы жили веселее. Несмотря на то что такая трудность была, в праздники собирались... Если праздник – то отмечали, хоть какая-то игра там будет, мы все, и

ребятишки и взрослые... Лапта, там еще какая-то игра вот такая вот. Ну, в такие великие праздники... А вот молодежь-то наша, все ведь ручное было: ткать, шить, вышивать, стегать одеяла, ткать коврики, дорожки разные... Это все вечером делалось, при лампах, электричества-то никакого не было. И что удивительно, вот в этот период времени, когда они собирались, оставался только рот свободный – руки-то работали. Песни были замечательные... И пели вот песни. Вот уж песни старинные, они и до сих пор меня трогают. А мы, ребятишки, тут как тут конечно. И запоминали часть этих песен, и все. Ну, а потом уже появилось развлечение – лото, стали иногда собираться взрослые поиграть, ну, и мы, ребятишки, не отставали.

– *И с родственниками хорошо общались?*

– Не было скандалов-то. Там если, допустим, какой праздник... Молодежь... Парни откупали дом какой-то там, девки готовили закуску. Парни дом откупали и гармонистов. А девчата все остальное. Это уже если прохладно, а летом – на любом пеньке около дома, на любом, где только есть свободное место. А брат у меня, он с 1907 года рождения был, уже перед армией... А от помещиков осталось пианино, только его называли «фисгармония». И вот на этой «фисгармонии» подбирал любые песни, любой танец. Был самоучкой, так-то его никто не учил, а вот он выучился. А жили мы на хуторе, там всего два дома было. И вот на этом хуторке и со всех деревень приходили, там два километра деревня была, пять километров... И вот в праздники они приходили сюда. А потом его взяли в армию – это был 1929 год. И он попал в Иркутскую область служить.

– *А как в Вашей семье воспитывали самых маленьких?*

– У нас же не как сейчас, садик там, школа... Пошла я, наверное, в школу, когда мне лет 9 было. Взрослой была. Учителей у нас не было, а кто умел читать, буквы знал – вот те учителями у нас были.

– *А колыбельные помните?*

– Некогда нам было ни колыбельных петь... Потому что тут уже распре-

делили... Землю-то дали, надо ее пахать. Тут уже по отдельности каждой семье... перед колхозом...

— *А сказки не помните?*

— Старшее поколение, вот сестра у меня — Анастасия, и сестра Елена, брат Митя... Они старше нас были, особенно Елена, она читала много и так рассказывала сказки интересно. Я их всю жизнь помню, так эти сказки мне пригодились в моей работе... Я когда в детском доме работала, а ведь война — ни книжки, ничего... Своих детей занимала только этими сказками. Вот это у нас было. И вот они весело проводили время, ты можешь себе это представить? Ни шуму, ни гаму, ни наркомании никакой не было, ничего... И не боялись ходить, ни три километра, ни два, а тут в ограду боишься выйти...

— *А детские праздники бывали в доме?*

— Да, да... Из соседнего села приходили, попляшут, потанцуют, уходят... Иногда какие девчата понравятся, ходили в это село — высматривали... И жених с того села приходил, высматривал — кого как...

— *А какие подарки дарили?*

— А у нас из чего их было дарить?

— *Не было, да?*

— Не-е-е...

— *Тогда о чем мечтали? О каких подарках?*

— Мы и понятия не имели, что еще какие-то подарки у нас могут быть. И дни рождения мы никогда не знали, потому что условия такие были.

— *И лакомств было мало?*

— Лакомства... Единственное, в праздник, когда дадут кусочек сахара.

— *А в какие игры играли дома или во дворе?*

— Ну, тут это... Городки были у нас, мы играли... Скакалки эти были, чижик-пыхик... В прятки играли, в мяч играли. Ну, такие вот... В ручеек играли.

– *И песни пели?*

– Песни – да. «Гори, гори ясно, чтобы не погасло, Птички летят – коло-
кольчики звенят...»

– *Какие праздники в вашей семье отмечали?*

– Праздники... только в то время, когда еще религия была... А потом
когда запретили эту религию... В Пасху потом ходили пахать, а пахать на
чем? На коровах, так вот мы водили их, ребяташки, в то время мне лет 12 бы-
ло. Я должна вести эту корову, а дальше братья, сестры должны плуг дер-
жать, или что там... Вот это страшная вещь была...

– *А елку на Новый год наряжали?*

– Елок не было. У нас если в школе делали, так сосну привозили откуда-
то, а елок у нас не было.

– *Какой была праздничная и будничная еда, одежда?*

– Единственным развлечением было, если мать из ситчика к празднику
кому-нибудь из нас сошьет платье. У нас никогда ни кольцо, ни серег, ничего
такого не было... Не красились, не румянились.

– *А еда какая была?*

– А еда обыкновенная, сельская, конечно. Картошка, капуста, помидор,
огурец, яблоки... Там был помещичий сад четыре гектара, вот яблоки тоже
были, и сушеные, и печеные...

– *А по праздникам что готовили?*

– А по праздникам, если есть белая мука, ну, может, мама блины заведет
или пирог испечет, и все. А так в основном черный хлеб.

– *А как к приему гостей готовились?*

– Ну, вот уже там... престольный праздник называется... В каждой де-
ревне свой престольный праздник. У нас был на хуторе престольный праз-
дник Михайлов день. И вот на этот Михайлов день, если родители пригласят
из другой деревни, если кто у кого есть родня, были же все кто из какого го-
рода... Мы вот с Брянска были, другие из Рязани, третья из Самары, четвер-

тые еще откуда-нибудь, кто откуда... И вот это... если они приедут – то пожалуйста. И почему-то если приезжали, у кого есть мед – привозили мед. Вот это я помню. Вот это было большое лакомство.

– *А в школу ходили?*

– А школа у нас была в двух километрах, здания под школу у нас не было, был помещичий дом, обширный такой. Мы учились там, и первый, и второй, и третий – все там, кто как. Ну, вот вообще, кто умел читать, писать – тот нас учил. И вот уже года через два, да, я уже побольше стала, пришел первый учитель – Яков Федорович, я его до сих пор помню.

– *А до школы Вас читать не учили?*

– Нет, мы только если кто... Хотя какой там до школы, там было некогда учить! Нас разбудили, пошли полоть просу, пошли полоть рожь...

– *Ваши самые яркие впечатления от школы?*

– У меня от школы ничего не осталось. Никаких. Это за два километра была школа до 4 класса. После 4 класса была школа за пять километров. Надо было ходить пешком, а ведь там поземки какие... Нас всего с хутора ходило две девочки, одна – Саша, Шура мы ее звали, и я.

– *С ней и дружили?*

– Долго. Мы даже переписывались, и бабушками стали – переписывались... Она идет вперед, а я за ней... Она была повыше меня, пополнее... Ято маленькая такая была, худенькая. И душно было, и болела, и тогда еще малярия у нас ходила...

– *А какие-то деньги на карманные расходы давали?*

– Бог ты мой, конфетку-то не на что было купить... не то что карманные деньги.

– *А в пионеры вступали?*

– Нет, у нас тогда не было их. Ну, а уже в каком году, это уже был, наверное, 1930 год, начали появляться эти галстуки и награждаться за хорошую учебу... Красный лоскуток галстука... Ни в каких пионеров нас не принимали

ли.

— *А чем для вас было понятие «советский человек»? Когда стало известно это понятие?*

— Когда я уже повзрослела. Когда уже сама готовилась стать учителем, я уже стала понимать, что такое «советский человек», тем более я сама уже была свидетелем той жизни, как мои родители жили, и тут уже мы немножко получше стали жить. Вот тут какая-то разница появилась.

— *А что собирались делать после школы? О чем мечтали?*

— Ну, вот представь себе ту обстановку. И о чем можно было мечтать? Единственное, о чем мечтали в первую очередь, — одежда. Мы же босиком всегда. И мы на станцию поедем когда — едут поезда, и люди выходили с поезда... И у них брезентовые тапочки были белые и носочки... Ой, как красиво... это же была такая мечта! А где? За всю жизнь такие и не купила...

— *Что дальше делали после школы?*

— А после школы куда... Жить было совершенно нечем, отец умер в 1936 году, кто меня дальше будет учить? Брат послужил в Иркутской области, написал потом письмо, он долго что-то не писал нам, а потом написал, но мы уже отца похоронили, ответили, что отец уже умер. У мамы мы остались трое: я осталась, сестра осталась и брат. Другие уже поженились, Анастасия замужем, Елена замужем была, Дмитрия в Комсомольск-на-Амуре забрали, строительство там началось, вот его и забрали. А мы у мамы остались трое. Средств к существованию никаких, только, единственное, корова была, и все. И он написал, чтобы я приехала туда. Старшая сестра с мужем поехали в Иркутск, ну, и меня забрали. Я приехала, а брат говорит: «А я тебя не могу учить, у самого двое детей, иди работай...» Я в 16 лет пошла работать настройку чернорабочим — глину месили, штукатурку месили, дранку пилили... А потом в 7 класс в школу я должна была пойти, она у нас была за 20 километров. Ну он меня туда записал, брат, я поехала туда... А жить-то чем? Он мне давал денег, 10 рублей на неделю, у нас был интернат при школе...

сельские дети... вот я на эти деньги, 10 рублей, жила... Но из-за того, что училась я хорошо, кому домашнюю работу сделай, кому чего... вот как-то меня поддерживали... Окончила я хорошо 7 класс. Меня без экзаменов приняли в техникум на учителя. Я без экзаменов прошла... Методики преподавания... И меня направили в школу работать.

— *А что вы помните о преподавателях, студентах в техникуме?*

— Я же на заочный потом перешла, так и не училась. Я только помню когда мы, заочники, сами оформились на заочное в педучилище. Нам дали методики, как надо преподавать, а как преподавать не надо... И вот мы, заочники, приехали на сессию, а в это время был вечер выпускников педучилища, которые учились очно. Был вечер выпускной, было воскресенье. И мы, заочники, только пришли в здание, и нам директор этого училища объявляет, что началась война... Ну, мы как-то не растерялись, страшно нам не показалось. Уже были напитаны: что нам война? «С нами Сталин-герой, Тимошенко-герой, с нами друг боевой – Ворошилов...»

— *А чем занимались в свободное от учебы время?*

— А я потом работала, у меня только лето оставалось, а летом надо было на заочное ехать. У меня не было ни детства, ни юности, ничего не было.

— *Расскажите, что из себя представлял тот населенный пункт, в котором вы в детстве жили?*

— Хутор.

— *А о его истории что-нибудь знали?*

— А его история... вот этот помещик жил, держал этот хутор, земля у него была, сад у него был... Было сельское хозяйство, там он держал всякую живность, которая необходима для жизни поселения, и все.

— *А как он заселялся?*

— Помещик жил, а вокруг крестьяне, которые помогали ему... И знаешь что? Никто не обижался на него, на этого помещика... И всегда потом, когда пришла советская власть, очень жалели этих помещиков... Вот, говорят, мы

придем к нему, пополем, он нам даст 10 копеек, я пойду семечек куплю...

— *А как относились к новым крестьянам, которые прибывали в хутор?*

— А тогда мы оседлые были, тогда уже больше не прибывали. Сколько в те годы, тяжелые, завезли, столько мы и остались там... Потому что больше некуда было помещать-то..

— *Одна народность жила на хуторе?*

— Да, русские... Но приезжали почему-то иногда... Цыгане нас сопровождали обязательно, и китайцы еще возили тогда товар, привозили, по деревням ходили... Кольца продавали, ну, а кто их купит, когда мы сами все были без денег...

— *А какие-нибудь, например, китайские обычай не закрепились?*

— Нет, нет, нет... Только, помню, у китайцев коса была... Мужик с косой... Вот, это я запомнила...

— *А какие-то конфликты были между людьми?*

— А ты знаешь что? Вот мы не ругались... И не дрались... А вот что всегда поражало, так это, допустим, у соседки корова в запуск уходит, уже другие соседи... Считалось это каким-то достоинством – принести горшочек молока, вот выручали же. И вот так вот люди и жили, они не были без молока. Сегодня я принесу горшочек, завтра ты принесешь, послезавтра третий. Сепараторов не было, от помещиков остался сепаратор, вот отец, что наладил его, так на этот сепаратор весь хутор и ходил.

— *А с другими хуторами не было конфликтов?*

— Нет. А там мало было. Там у нас не было близко больше хуторов. Там села были.

— *Невест как выбирали?*

— А кто откуда выберет. У сестры моей... ее сосватали, она в Андреевку уехала. Вторая сестра в Рюминку уехала. Был такой эпизод, шутили-то все года... У нас там парень был, он симпатичный такой, его взяли девчонкой нарядили, а с другого села приехали ребята и влюбились в парня-то этого! А

потом они его на смех подняли. Так тот парень и уехал, куда-то в город, от смеха от этого. Вот это я помню. Спали мы... ну, вот телега стоит, мы спим на этой телеге. Один раз дождь начался, а нас молодежь взяла и увезли по-дальше... У нас там ветла посажена была. Там поземки большие, так вот на полях, чтобы не сдувало совсем этот снег перед полями, и вот такие вот мешалки сажали. Ну, и нас укатили туда. А дождь как начался, мы как заорали, ну, потом родители услышали – прикатили. У нас кто выйдет, кто на траве расстелет эту вотолоку, кто на траве спал, кто на сеновалах, кто где.

– *А вот после войны, когда демографическая ситуация ухудшилась, было такое, что ваши знакомые выходили за первого попавшегося?*

– Ну как. Я уже сама после войны выходила, не за кого было выходить.

– *А уже существующие семьи пытались разбить?*

– Было и такое, потому что тут борьба за жениха была. Как жених, устоит – не устоит... Было и такое.

– *А какое было отношение к женщинам, которые рожали вне брака?*

– Ну как-то, как тебе сказать... В то время, когда еще начало было, как-то относились, конечно, с осуждением. А потом когда уже эта война, да все на свете, тут уже лишь бы только живому оставаться.

– *А на чем передвигались?*

– Лошадь в основном. Даже велосипед – это было великое счастье. Как сейчас самолет, так тогда велосипед.

– *Чисто было в хуторе?*

– Да. Там у помещика было посажено... сирень, жасмин, липа. Вот это сохранилось. Сад сохранился. Ну лес... там 40 га было лесу, лес этот отчасти сохранился, частью его выпилили. Потом кто-то запретил это делать, ну, он начал опять как-то возрождаться сам по себе, а так там нет больших лесов совсем.

– *А магазинов не было?*

– Магазин один был на село.

— *И что он из себя представлял?*

— Было в основном печенье, конфеты там... А за 5 км там уже побольше был магазин, там можно ситчик купить и рыбу можно было соленую.

— *А спиртным кто-нибудь злоупотреблял?*

— А из спиртного там только самогонка. Там мы не покупали. Гнали из свеклы, настойки разные делали... *Вот это было.*

— *Злоупотребляли, нет?*

— Были. Кто любил выпить... Но это редкость была. Редкость... На хуторе у нас был у моей подружки отец, он мог напиться, как говорится, до беспамятства. А так вот не было.

— *А какая была обстановка с преступностью до и после войны?*

— Как тебе сказать... Мы за пять километров ходили, и за два километра ходили. А вот такого издевательства над детьми я ни разу не слышала, как теперь... Там девочку украли, там мальчика украли... Этого не было.

— *A после войны?*

— А после войны я уже там не жила, я в Иркутской области была.

— А в Иркутской области тоже не приходилось наблюдать такого. Единственная у нас трагедия была — уже я работала, вела 1 класс. А заморозки начались, а там карьер. Добывали со дна залива гальку — мелкие камешки — засыпать линии железной дороги. Они образовали котлована, внутри вода, ну, и они решили прокатиться... У меня трое ребят утонуло.

— *A когда переехали в Иркутскую область, местное население как встретило Вас?*

— А тогда строительство было. У меня брат работал на этом новом строительстве под Иркутском. Как называлось... Патроны, село Патроны было. И там строили, как тебе сказать, что строили, я не знаю... Там радиоустановку какую-то строили, мы все красили. Потом какие-то были такие чаны большие, то ли нефть туда заливали, то ли горючее какое. Мы не знали. Вот на этой стройке брат у меня работал, и я вот там работала. А потом я ушла

учиться. Потом его перевели под Иркутск работать, это от Иркутска 20 км было, а тут рядом с Иркутском. Вот он сюда переехал работать. Кладовщиком работал на нефтекомбинате. А я уже работать поехала в этот карьер. И вот я как в 1940 году начала работать, так в 1984 году кончила.

— *А были ли среди ваших коллег, знакомых активисты или лентяи, наоборот?*

— Ой, вот ты знаешь, как-то в то время все были оптимисты, что мы должны были победить. И не считались ни с чем. Вот я с ребятишками уходила в тайгу... У нас в столовой надо было рабочих кормить... Шпалозавод, делали шпалы. А ведь это война, шпалов много надо было. И чтобы вот это не прекращалось, а кормить нечем, туда присыпали немцев с Поволжья, и вот они у нас там жили. Так давали задание заготавливать... Я с ребятишками уходила в тайгу, нам давали лошадь и давали мешки. И вот я одна с ребятишками уходила в эту тайгу, мы набирали мешки черемши и привозили, сдавали в столовую, вот этой черемшой кормили. И никто не пикал, никто не говорил: ой зачем, ой чего... Мы все вот, как тебе сказать, любую похоронку кто как отмечаться — слезами, словами... Собирали вещи потом с ребятишками, кто что даст, собирали деньги на колонну танковую... Все это было.

— *А стенгазету не писали, не помните?*

— А стенгазета там, в школе, какая... Маленькая. А на производстве делали, бывало, с докладами... К таким праздникам — к женскому дню...

— *А по поводу низких заработков высказывались?*

— Ой, что ты! Там и не мечтали, мы думали, так и должно быть. Я сама получала 180 рублей, ставка была такая.

— *А была зависть к тем, кто больше получал?*

— Ну конечно, кто-то больше получал, а я одна работала. И то ездила в Иркутск за зарплатой, мне туда не привозили. А что на эту зарплату можно было купить, когда ведро картошки стоило 180 рублей?

— *А какое отношение было к неработающим людям?*

– У нас не было неработающих, у нас все работали. Даже и понятия такого не было – не работать.

– *Когда отдалились от родителей?*

– Уехала в 16 лет. Я маму не видела с 38 по 49 год.

– *А с будущим мужем как познакомились?*

– Я была направлена в школу, и его туда прислали работать. Вот мы там и познакомились. В столовую ходили, питались...

– *А свадьба была?*

– Какая свадьба??! Купили пол-литра, зарегистрироваться поехали, пол-литра стоило 180 рублей. Вот и вся свадьба.

– *А жили где?*

– Ну, а жили... там сколько прожили, а потом его перевели в другое место работать, я за ним. Потом я в декрет ушла.

– *Квартира своя какая-то была или что?*

– Нет, там на квартире были просто у хозяев. Потом дали казенную квартирку.

– *А старались как-то жилье обустроить?*

– А в то время невозможно было. Мы же... Учителя приехали – иди вот там, квартира такая-то..

– *А за семейный бюджет кто отвечал?*

– Конечно, он. Потом я, когда не работала, в декрет пошла. Вместе как-то... Думали, как, че... Там бюджет-то такой...

– *А деньги занимали?*

– Деньги... Я лучше вещь не куплю, но взаймы не буду брать. Возьму, а потом чем платить-то.

– *А хозяйство было свое?*

– Когда уже замуж вышла... И корова была... Ну, хозяйство, по-домашнему все было.

– *И участок был?*

- Да. И огород был уже.
- *А что выращивали?*
- Картошку, капусту, помидоры, огурцы... Но это труднее выращивалось, а картошка, капуста хорошо.
- *А сколько по-вашему должно быть детей в семье?*
- Как тебе сказать... Когда ростишь, тяжело даже одного растить. А когда вырастут, так мало.
- *А за воспитание детей кто отвечал?*
- Родители, конечно. Оба.
- *А как воспитание было построено?*
- А как, как обычно, они еще маленькие-то были, муж рано ведь умер. А в основном у меня мама была со мной, потом мама приехала в 49 году, она уже с детьми была, а я всякую работу делала, пыталась заработать.
- *А без помощи мамы смогли бы обойтись?*
- Без помощи мамы было бы мне очень трудно, потому что я главой семьи осталась.
- *Чему пытались научить своих детей?*
- Всему положительному.
- *Какие качества старались воспитывать?*
- Самые настоящие человеческие качества. Чтобы с ним людям жилось хорошо.
- *В чем из вещей и из продуктов нехватка ощущалась самая явная?*
- Во всем, потому что зарплаты-то были какие-маленькие, а ведь это же надо обуться, одеться, после войны тем более.
- *И голодать приходилось?*
- Конечно. Ты обязательно урезаешь себя во всем. Ты уже не смотришь, какую вещь подороже купить, а какую-то подешевле.
- *А в то время какие продукты деликатесами считались?*
- О деликатесах мы не думали, потому что тут уже хозяйство было свое,

так зарежешь свинью, хоть эти колбасы свои сделаешь, тогда же все было свое.

– *А в Вашей семье алкоголь употребляли?*

– В праздники только, а так-то нет.

– *А книги читали?*

– Книги и он любил читать, и я любила читать.

– *А какие книги читали?*

– А все. Классику – Толстого... Особенno я, когда работала, обязательно читала что-нибудь приключенческое, чтоб только ребят чем-то занять. Вальтер Скотт, Толстой, Эмиля Золя читала...

– *Покупали или в библиотеке брали?*

– Когда покупали, когда в библиотеке брали.

– *Газеты выписывали?*

– Газета была обязательной. Любила «Известия», любила газету «Россия».

– *А радио было?*

– Радио уже было.

– *Какие радиопередачи слушали?*

– А какие передавали, такие и слушали. Но приятнее всего, когда возвращались вот эти старинные песни.

– *А в кино ходили?*

– А кино если привезут нам... у нас на хутор, если привезут немое кино, тогда сходишь, а если нет, так нет.

– *А друзей много было?*

– А друзей... В деревне все друзья.

– *В гости часто ходили?*

– Собирались, так же как и теперь, у каждого своя компания, так и тут.

– *Для Ваших детей какие-нибудь праздники устраивали?*

– Когда мы уже стали побогаче, стали дни рождения хоть знать... Его

отмечать.

— *А какие-то лекции вам читали по политическим вопросам?*

— Ну, а кто нам будет читать? Тогда все мы изучали историю партий. В то время... Дальше 4-й главы мы не уходили, как дошли только до «Капитала» Маркса, так все и заканчивалось на этом.

— *А отношение к религии какое было?*

— А тогда, знаешь, в душе все равно осталось что-то... как тебе сказать... Все равно человек во что-то должен верить, без веры человека не воспитать. И вот это самая большая ошибка Советского Союза, когда вот отучили людей от религии. Ведь там ничего плохого нет. Там «не убей», «не укради» — все эти качества нужны человеку. И она с этим борется, и наказывает тех людей, которые это делают. Зачем было отучать? Он бы сам решил... Надо ему идти в церковь — он пойдет, не надо — не пойдет. А такое сделать зачем? Весь мир верит, весь мир, а мы одни — вылупились, как черти из яйца.

— *А демонстрации какие-нибудь проходили?*

— А демонстрации если на праздник только соберутся, там вот на площади...

— *Плакаты носили какие-нибудь?*

— А какие... Да здравствует Сталин! Тогда ведь нельзя было, чтоб без этого... Или Калинина, или Ворошилова, или Сталина. Попробуй, чтобы не было там Сталина или Молотова, или еще кого-нибудь... Кому там верить-то? На кого походить?

— *А какие-то коллективные мероприятия нравились Вам?*

— А коллективные, как тебе сказать, конечно. В деревне каждый учитель — артист. И доклад надо сделать, и в постановках участвовать. Мы там делали... сами артисты. «Пустяковые дела» помню... выступали... Муж и жена, он занят на производстве, говорит: «Так твои пустяковые дела, что ты делаешь дома-то?» Она говорит: «Ну, давай поменяемся, я поеду на лесоповал, а ты побудь дома, вот тебе постирать, вот ребенка покачать, вот теленка

напоить, вот это все». Ну, а потом, когда она пришла: «Что ты сделал? Ведь это пустяковые дела». Он говорит: «Теперь я понял, что непустяковые».

— *А вот какие-то качества других национальностей высмеивали в ваше время? Анекдоты были про другие национальности?*

— Ну, это как и сейчас. Чукчи там... Это было.

— *Помните, когда проходили выборы в местные советы?*

— Ну, как не помнить? Тогда перепись... Это я в 1938 году участвовала в переписи населения, потом в 1948 участвовала, потом... это 1970 какой-то год был, участвовала... Это перепись населения.

— *А кому-то из Ваших родственников, знакомых приходилось судиться?*

— Вот уже Бог миловал. Никто.

— *А кто-то из Ваших знакомых был репрессирован до войны?*

— Нет, у нас не было кулаков. Все были бедные.

— *Среди ваших знакомых осведомители были?*

— Это кто?

— *А в партию вступали?*

— Я в партию так и не вступила. Я не могла приехать. Это же в Иркутске был, а я в деревне и что-то я не могла туда попасть. А потом как-то все закрутилось... Но я нисколько не жалею, что не попала, вот особенно теперь.

— *Как относились к всевластию партии?*

— Ну как, как тебе сказать... Вот М. Шагинян, она вот описала его книгу о Ленине. Его детство, где он родился, где крестился... И вот он тоже из такой семьи... И она вот, откуда фамилия Ульянов описывала. Так-то у них фамилия была Ульянин, а дед первый раз женился, ему было 63 года, а ей было 45 лет и они еще троих детей родили. Он женился только тогда, когда смог купить лавку сапожную, чтоб как-то зарабатывать, чтоб как-то кормить семью-то... И вот он был Ульянин, а кто-то ошибся, написал Ульянов, вот и пошла фамилия Ульянов... Вот его как-то преподнесли, Ленина, во всех отношениях хорошим, вот во всех... И детство его, и это, и это... Вот какое-то оно... Прониклось та-

ким уважением, потом начали опять, что он такой, сякой... И вот такое вот в душе... Кому верить? Ведь мы же обожествляли его. Почему так получилось и зачем это нужно было? Если народ воспитывался на этих идеалах, а почему так получилось? И вот можно ли теперь на какого-либо человека с уверенностью смотреть и сказать: «Вот ты пример»? Не скажешь...

— *То есть советский уклад воспринимался как нормальный ход вещей?*

— Да! В то время да. И воспринималось это... Я еще считала, что я недостойна в партию попасть... Ну как Ленин — хорош во всех отношениях, а я-то еще далека от этого, как я пойду в эту партию?

— *Вождям письма не писали никогда?*

— Нет. Никогда не писала.

— *А из Ваших знакомых?*

— Нет. Тогда и не было понятия такого — вождям писать. Тебя сразу в тюрьму посадят.

— *А кто из партийных и государственных лидеров Вам нравился?*

— Вот единственный в душе остался только Ленин. Потому что о нем показывали... «Человек с ружьем»... Вот я о нем прочитала вот это вот. Потом вот как они росли и как вот он, когда Дмитрий овдовел и один сын остался, вот они с сестрой как его воспитывали. Вот у них ни у кого не было детей, только у Дмитрия сын, а последняя дочь — она еще до сих пор жива, Ольга.

— *А к смерти Сталина как отнеслись?*

— К смерти Сталина... В то время это глава был, все преклонялись. Конечно, это море слез было, я уже работала в детском доме, мы линейку такую построили, ой, что ты... Все плакали тогда.

— *Ваше отношение к самой фигуре Сталина какое было?*

— Вот у меня брат, который в Иркутске служил, и он с пакетом ездил в Москву, увозил какой-то пакет Сталину. Был непосредственно в его кабинете и передавал вот этот пакет. И когда он приехал туда к нам на хутор и сказал, что он был небольшого росточка такого... А вот это величие — созданное

людьми, оно как-то передавалось, что он великий. А после того, как все это произошло... Вот эти расстрелы, вот эта религия, записка Ленина, в которой он говорил, что нельзя его ставить генеральным секретарем. Он очень груб. Ну, кто его послушал? Никто не послушал... Вот почему так произошло? Вот как понять? И как тут оценить? И вот сейчас вот из-за того, что столько убийств произошло при нем... Второй Иван Грозный...

— *А после смерти Сталина отношение поменялось к нему?*

— После смерти Сталина... Когда вот Маленков отменил вот эти налоги... Мы же, колхозники, платили: 40 кг мяса нужно сдать, 10 кг масла нужно сдать, 90 штук яиц сдать обязательно. И когда он это все отменил, конечно, все вот восприняли как наконец-то...

— *В вашем населенном пункте были памятники Сталину?*

— Это в каждом было... Таких обширных памятников не было, а вот бюст стоял у каждой организации.

— *А сносили потом?*

— Вот когда он умер, я в 1961 году ездила в Тбилиси, в Боржоми отдыхали, вот я ездила туда, тут у нас уже все было снесено, а когда я там поднялась в Парк Свободы, вот там памятник Сталину так и был, во весь рост. Была я на могиле матери Сталина, она похоронена там же, где и все обычные люди похоронены. И надписей никаких там нет, а вот только силуэт, фигура Сталина в распахнутом пальто, вот только силуэт и все.

— *Лозунги какие-то помните тех времен?*

— А тогда... Ну, там особенно война... «Да здравствует победа!»; «Наше дело правое, мы победим». Или такие были: «Ты записался добровольцем куда-то?» или там «Ты сделал вот это вот?». Вот эти лозунги были.

— *А какой представлялась война будущая?*

— Страшной. Мимолетной и страшной.

— *А врага как представляли?*

— Ну, мы же в то время напичканы идеейно как? Мы такая сильная держа-

ва, с нами Сталин родной, Тимошенко герой, с нами друг боевой Ворошилов. Или «Если завтра война...». Песни-то были какие... И нам казалось не страшно, тем более, когда война на (?) была, это же был 37 год или 38-й, или начало 39-го... Ну, и там описывалось, что через Степь смерти называлось, и вот через эту Степь смерти, Жуков между прочим, вот он вел нашу армию еще там... И когда стоял вопрос, как пройти через эту степь смерти... Там колодцы, которые были, они все были отравлены. Сразу дал задание, чтоб никто-никто не пил из этих колодцев, потому что вся армия бы погибла. И вот он все-таки прошел через эту Степь смерти и вот всю армию разгромил. И это нас так всех воодушевило, что он такую армию разгромил... А тут война началась. Ну тут и этот договор в 1939 году с Гитлером заключили, что вот мы теперь в мире... А война с финнами как нас напугала, сколько она людей положила... Сколько у нас знакомых с этого хуторка ушли и так и не вернулись. И тут эта война началась. Конечно, там победа, тут победа. И тут мы считали, что Германию-то эту разобьем, мы были оптимистами, воодушевлены этим.

— *А кто-нибудь цели войны разъяснял вам?*

— Ну, как тебе сказать, говорили, да я потом и сама читала, что Сталина предупреждали, что война готовится. Почему он так поступил? Наша-то армия была разоружена. Мы живую силу-то подвели, а вооружение-то не успели подвести к ним. А Германия-то механизированная была, а мы на чем?..

— *На лошадях...*

— Да. Вот так.

— *Пропаганда будущей войны велась?*

— Ну, в то время, как тебе сказать, тут уже когда стали говорить о втором фронте, тут уже сейчас, кто по инвалидности стали приходить с фронтов, говорили, что Жуков, если его сейчас не остановят, то он до Америки дойдет. Мы уже в это время знаешь какие были сильные? Но как до Америки дойти?

— *А союзников Советского Союза представляли как-то?*

– Ну, представлять-то, конечно, представляли, ведь тогда как говорили... Мы-то везем хлеб Германии, а они нам вот че везли... И тут Америка и Англия сколько тянули, не вступали... Они же ждали, перевес на чьей стороне будет, на стороне Германии или... И они действительно испугались, что мы потом и их разобьем. Почему они открыли второй фронт? Потому что перевес был на нашей стороне, тогда только они вступили, а так ведь не вступали.

– А передвойной Вы себя кем ощущали – гражданином Союза или просто жителем края?

– Конечно, жителем края. Мы люди русские, мы люди сильные, что нам Германия-то? Ерунда. Тем более мы были настолько далеки от зарубежной жизни, мы только слухами пользовались, у нас не было не телевизоров, ничего не было посмотреть, как они там живут и как мы. Мы-то куда хуже жили, чем Германия, чем Англия. Только тот, кто там побывал, рассказывал, а почему мы так живем? Такая богатая страна... Или от того, что у нас плановое производство было, или от того, что руководителей этих боялись. Единственный еще Косыгин мог что-то соображать, а остальные-то все ё-ёй были.

– А какой была атмосфера предвоенного советского общества и послевоенного?

– Ну, все равно были энтузиасты. Все. И до, и после. Посмотри, из какой разрухи мы вылезли, быстро вылезли-то, вот быстро. Это 45 год, а я в 50-м или в 51-м ездила на Украину, в Харьков, какой он был разбитый, а я на станции пересадку делала, так там уже и станция была восстановлена, и разрухи такой вот не было, видимо, прошло-то каких-то 5–6 лет...

– А какие события из довоенного и послевоенного времени повлияли больше всего на Ваш характер, на Вашу личность?

– Я только одно скажу. Вот так, как я прожила, я бы еще хотела прожить. Мы как-то, как тебе сказать, с любовью ко всему этому относились. Мы были и артисты. Мы были пропагандисты, мы всем побывали. И особен-

но мне запомнилась работа в детском доме, потому что там люди-то были отовсюду у нас, и с Латвии были, и из Китая были дети, из Кореи были дети... Вот я когда была переведена воспитателем в детский дом, там дети были в основном Карело-Финской республики, как оттуда через Ленинград высыпали сюда, так они и жили.

— *Большое спасибо.*

ВОСПОМИНАНИЯ КОЗЛОВОЙ ЛЮДМИЛЫ МИХАЙЛОВНЫ*

Я родилась в Амурской области, село Поярково, жила с отцом. В Красноярск меня привезла мама, когда отца – пограничника – взяли на фронт. Жизнь в городе была тяжелая. Помню, как мы в выходные ходили на поля, собирали колоски, осенью картошку, если кто-то где-то не убрал. Мать ездила в районы, меняла вещи на продукты. Как сейчас помню, нальем в кружку кипяток, потом добавим муки. Закипит – и получалась заваруха. Очень вкусно.

На завод им. Ворошилова (Красмаш) мама привела меня 1 апреля 1943 года. Мне было 12,5 лет. Приняли в цех № 3 комплектовщицей. В этом цеху выпускали стволы для пушек. В это же время я посещала вечернюю школу, ходила в 5 класс. Школа была там же, напротив завода. Внизу был рынок и проходила железнодорожная линия. На работу ездили поездом, называли «Матаня». Представлял из себя паровоз и несколько вагонов. Ходила на работу во вторую проходную через горы стружек. Работали в цехе большинство подростков, но все работали самостоятельно. Дисциплина была жесткая, ни на минуту не опоздать, ни уйти раньше. Работала полный рабочий день, никаких поблажек как учащейся не было.

*

Записали студенты КГПУ им. В.П. Астафьева Бутакова Анна и Кушмелева Света..

...У меня, пока я там работала, был случай в 1944 году. Мне стало плохо еще дома, но я все равно пошла на завод, кое-как добралась до цеха. Возле станков стояли гардеробщики и скамейки. Я и свалилась у скамейки. Вызвали «скорую», увезли и сразу мне сделали операцию. Аппендицит

гнойный уже лопнул в животе, поэтому сразу не зашили. Я ходила, наверно, месяц забинтованной. После операции хирург сказал: «Ты счастливая, долго будешь жить. Большинство такого не выдерживает».

После выписки прихожу в цех (помню, мама мне еще кофточку из марли сшила). Зашла, а все на меня глаза выпучили. Что-то шепчутся между собой, ничего не пойму. Спрашиваю: «Что вы меня так рассматриваете?». А они отвечают: «Так ты ведь умерла, нам сказали, сразу после операции». Вот таки дела! Была война, у всех своих проблем хватало, и никто не мог проводить меня, поэтому и не знали, что со мной».

Весной 1945 года случилось то, чего все ждали – Победа. Весть о победе разнеслась молниеносно. Люди плакали от счастья, обнимались и поздравляли друг друга. Крики «ура» раздавались со всех сторон. Это был самый настоящий «праздник со слезами на глазах», но это были слезы счастья. На заводе отработала до 1 сентября 1946 года. Когда отец ехал с фронта, то опять забрал на восток.

В Красноярск снова вернулась в 1954 году и устроилась на завод «Химволокно», на котором проработала 50 лет – прядильщицей, бригадиром, мастером участка. В период работы была комсоргом цеха, председателем цехкома, народным заседателем Ленинского нарсуда, членом Ленинского райкома партии, а в конце 1990 года выбрана председателем Совета ветеранов завода.

Награждена за 9-ю пятилетку орденом «Знак Почета», медалями: «За

добротный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда», «За доблестный труд в ВОВ 1941–1945 гг.», юбилейными медалями к 50-й и 60-й годовщине Победы, знаком «Отличник химической промышленности СССР», многими Почетными грамотами.

РАССКАЗ КУБЫШЕВОЙ ТАИСЬИ ГРИГОРЬЕВНЫ*

Ветеран труда Кубышева Таисия Григорьевна, 1924 г. рожд., проживала в г. Красноярске, умерла в феврале 2010 года.

• • •

22 июня 1941 года я, как обычно, была на работе. Я тогда трудилась в культурно-воспитательной части [Тугачинского] лагерного пункта в Новой Жидорбе Ирбейского района Красноярского края. Почтовый ящик 235 Краслаг. Может быть, в воздухе и витало предчувствие, но объявление по рупору о начале войны стало неожиданным.

Сообщили, что на Советский Союз напали фашистские агрессоры. Мирная жизнь рухнула, все сразу перестроились на военный лад. Меня в числе прочих отправили на трехмесячные курсы. Ведь многие мужчины из лагерного персонала ушли на фронт, на их места становились женщины. Вот и я после учебы стала мастером лесозаготовок. У меня в подчинении было 1200 человек, 120 лошадей и 12 тракторов.

Получала 450 рублей в месяц. На базаре масло стоило 100 рублей за килограмм, но мне хватало денег на паек. Еще сестре и бабушке помогала. Через каждые десять дней был выходной.

Заключенные заготавливали древесину всех сортов: пиловочник, строительную, шпалы, телеграфные столбы. Вставали в 6 часов, в 7 был развод. Затем пешком шли на участки. Главный инструмент пила—«краскот». Работали по методу Гузиенко: звено из пяти человек. На лошадях отвозили

* Записали Мармышев Андрей и Посконин Денис.

бревна на склад. Оттуда на плотбище, и по рекам древесина сплавлялась до Канска. У города бревна вылавливали, отправляли на пилораму и далее эшелонами в разные стороны страны. Летом древесину возили в тележках Альберта, зимой в санях. Тянули их трактора—«газочурки». Ох, много заготавливали леса. Наш пункт давал 12 тыс. кубометров ежедневно. В основном сосну.

В лагере были представители множества наций. Были даже негры — они особенно не выносили холода, поэтому зимой выполняли работы в зоне.

Большинство заключенных были политическими. Сидели за преступления по разным пунктам 58-й статьи. Практически сплошная интеллигенция: профессора, доценты, учителя, врачи, капитаны, летчики. Умные, культурные люди. Рабочих было очень мало. Заключенные, как и все, горевали, плакали. Войны не хотели. Однако многие политические ее предрекали, чувствовали, что война будет. А вот «настоящим ворам» было все равно. Они жили хорошо, были откормлены, на свободу не стремились.

Со временем «бытовую статью» стали отправлять на фронт, в штрафные части. Среди них было много добровольцев: молодые, красивые парни, со сроками два–три года. Но были и такие, кто всячески уклонялись от армии. Они калечили себя. Иной раз из-за заражения крови им ампутировали конечности, некоторые сами рубили себе пальцы. Я видела, как один уклонист положил правую руку на пенек, отрубил топором сразу четыре пальца. Таких судили как дезертиров.

Бригада была из 30-40 человек. Политических обычно сопровождали 2 охранника, осужденных по бытовым преступлениям, воров, бандитов — 3-4 солдата. Политические мало убегали.

Рабочая норма зависела от градации леса. Выполнявшие получали усиленное питание. Норму у меня на участке выполняли почти все, редко кто не осиливал. Мужчины сильно хотели выжить и старались выполнить план. В войну с питанием было сложно — все шло на фронт. Поэтому развивалось

подсобное хозяйство, картошку садили сами. Коровы были и лошади, теплицы. Черемша была спасением. Ее собирали специальные бригады, солили.

Бывали случаи, когда бригадиры просили меня: «Гражданин мастер, ты пособирай черемшу, а мы уж полторы нормы по лесу выполним». И выполняли. А я, в сопровождении охранников, собирала «медвежье сало» – бывало по 4-5 мешков черемши выходило. Зелень потом делилась между заключенными. Начальство знало, но закрывало глаза. Все были довольны: план выполнен, а люди получили необходимые для организма витамины.

В период войны в 43 или 44-м году был секретный приказ – беречь людей. Очень много гибло на фронте, и лагерному начальству приказывалось искать возможности по снижению смертности. За низкую смертность в Краслаге были отмечены 40 мастеров. Среди них и я. За это получали премию: 10 кг продуктов в квартал. А уж после войны наградили медалью «За доблестный труд».

За издевательства над заключенными наказывали начальство и охрану. Однажды бригада заключенных в качестве наказания просидела длительное время на поляне с гнусом. Мошка сильно искусила людей. Виновного в происшествии начальника осудили. Очень тщательно следили за здоровьем контингента. В каждом бараке было радио. В то же время был БУР – барак усиленного режима, куда попадали за тяжкие преступления, отказ от работы. Случались убийства, карточные игры. Очень не любили в среде заключенных тех, кто воровал среди своих.

Помню, из тюрьмы в лагерь попал инженер с цветмета. Что-то у него там случилось на производстве. Слабый сильно был, украл хлебную пайку, за что и был избит соседями. Воров сильно били – умер инженер.

В 1944 году я пять месяцев была в Горьковской области – повышала квалификацию. С отличием окончила учебу, только за политику получила «удовлетворительно». Вернулась обратно мастером лесобиржевого

хозяйства.

В день Победы все собирались на лагерной площади. Были местные жители, много детей-сирот. Вышли все. Кто плакал, кто смеялся, кто танцевал. Была музыка, и все праздновали.

ВЕРА ИВАНОВНА ЛИПАТОВА (СОКОЛЕНКО): ВОЙНА НА ДЕТСКИХ ПЛЕЧАХ*

Автор записок, дополненных интервью и живыми беседами, Вера Ивановна Липатова (Соколенко). Она родилась и выросла в деревне Дорошкеево Даурского района Красноярского края. Большая часть селений бывшего Даурского района исчезли со строительством Красноярской ГЭС и территориально находятся на дне Красноярского водохранилища.

Она испытала тяготы войны, репрессии и унижения, драмы в профессиональной и личной сферах, но сохранила чистоту и благородство души. На ее детские плечи выпали тяготы войны, труд в тылу во имя Победы. До последнего, несмотря на преклонный возраст В.И. Липатова активно участвовала в общественной жизни города, пела в народном хоре при отделе социальной защиты Советского района г. Красноярска. Она автор более чем 400 частушек, стихов, песен.

«Земля плачет! Я любительница тайги, жалею природу. Любить надо природу. Не уничтожать...», – обращается к молодежи Вера Ивановна.

Вера Ивановна Липатова (Соколенко) родилась в 1928 году. Ушла из жизни в июле 2009 года...

• • •

– В 1941-м началась война. В 1941 году мне было всего 13 лет. Всего три недели я походила в 3-й класс — и все. Надо было работать. Осенью

* Записали и подготовили к печати студенты КГПУ им. В.П. Астафьева Копылов Иван, Степанова Варя, Андюсов Б.Е., канд. ист. наук, доцент. Использованы записи интервью, живых бесед, подлинные тексты воспоминаний В.И. Липатовой и произведена их частичная обработка в основном без стилистических поправок.

1941-го я вязала снопы: убирали хлеб; а потом на лошадях возила горючее в тракторный отряд — Карюха коренным, Пескарь впристяжку, а Хромко сзади. С начала посевной я и пахала, и боронила, и сеяла. Трудодней у меня было больше всех. Я получала премии и за посевную, и за уборку. На поле мы и ночевали, пока не закончится уборка или посевная. Помню, как мы пахали на лошадях. У меня были Серуха и Звездочка. Серуху никто не брал, она была урослива А я и к ней нашла подход. Надену на нее надглазники, и она не видела, откуда ей попало, и везла. Здоровая лошадь. Я на ней перевыполняла норму. Норма 75 соток. Если вспашу 90 соток, то 600 граммов хлеба давали. Боронили и на быках, и на коровах. Прямо на полосе мне и моим подружкам давали премии: и на платье маркизу, и улей пчел, и овечью шлёнку. Из шерсти я вязала и шали, и юбки.

9 мая 1945 года я и мои подружки Гутя Баранова и Валя Грунтова поехали на обед в культурный стан. Лошадей поставили на корм. Смотрим — митинг. Наш председатель Иван Ильич Ловченко говорит, что война кончилась. Я не могу передать той радости, которую мы испытали. Мы и кувыркались, и пели, и плакали, а когда пришли в свою деревню, там кто смеется, а кого водой отливают. Дмитрий Соловьев погиб в первые дни войны, а дома у него пять маленьких детей. У Гути Барановой погибли отец и брат, у Вали Шевековой — отец и брат. И почти в каждой семье погибшие. Вспоминаю, пишу и плачу.

... Старость подошла, её ничем никогда не заменишь, не продашь и доживай одним воспоминанием. Хочу ещё маленько добавить, что я помню и думаю, какие были люди — темные, но честные. В 1933 году, мама говорила, были очень голодные годы, все траву ели. Но я вспомнила, когда появилась техника в нашей деревеньке, пригнали трактор («колёсник», его пригнал, Мотежов Фома Васильевич), нам, мелузге, детям, интересно было, а старики молились Богу и прятались в подвалы, в подполье и все говорили, что это нечистая сила пришла — не человек, а ходит. Но потом ещё дали и

комбайн с приводом (Толя Хмельницкий был комбанейром). Мы серпами обжинали кусты, чтобы колесами не приминались колосья. А тут ещё хочу написать, как мы увидали на острове Таловинька самолет двухместный, легонький. Ветер не дал ему лететь или что случилось. Первый раз увидели его, побежали всей деревней, только к нему подошли ползком, а он завелся и развернулся, и мы остались в хвосте. Нас как ветром сдуло, и попадали, и пошли домой. Шли все старый и малый.

… Прожила я в деревеньке своей и сейчас вспоминаю: на соседской, другой улочке через проулок, по которому летом гоняли скот деревенский на пастбище, а зимой гоняли поить на Енисей через протоку, так как эта протока на зиму замерзала, осенью были небольшие ямы с водой, и оставалась рыбка в ней, пескарики мягонькие. Кинешь сеточку-ельцовочку, а они так навтыкаются – вот тебе и рыбка, на сковородке жарить. Вкуснятина. Я не помню, там вся деревушка была, как родня. Друг другу помогали и нисколько не брали. Мама всё говорила, что я родилась на том месте, где молотили хлеб, его называли гумно. Молотили молотилом и осталось три сноса, а мама меня родить собралась. «Ваня, бросай молотить, я плохо себя чувствую!». – Погоди! – «Сейчас смолочу эти три сноса, и поедем домой». – «Запрягай Корюху, поедем!» Но и потом пришлось [ему] с себя рубаху снять, и отец завернул меня в неё. Я такая маленькая была, никто и не думал, что я буду живая. А я ещё до 80 лет доживаю. 1 октября 1928 года это было…

На берегу Енисея был остров, который назывался Забока. Второй остров, рядом с ним, назывался Потаповский, рядом с которым был остров Толовинский. А на берегу полуострова Березова стояла наша деревня Дорошкеево, что в Доурском районе. Деревушка вытянулась в одну линию, за огородами стояли скотные дворы. Базы были одноэтажные, без условий для разбивки фермы. У нас было двадцать четыре дойные коровы, пороссята, овцы. Я хорошо помню, мама моя была животноводом, а я работала дояркой 7 лет. Мне было 17 лет. Сеяли хлеб, только одной пшеницы было 300 гектар,

сеяли картофель и коноплю. Среди конопли вырастала обудига: она поспевала раньше, чем конопля, и мы её ходили вырывали, как сейчас помню, и мочили снопики в озеро. После чего долго её долго сушили и пряли нитки толстые и сучивали веревки, и делали крепкие – для пахоты и бороньбы, а само коноплю рвали тоже. Зайдешь в заросли конопли и станешь как пьяный, голова болит. Но всё равно в платок соберешь семя и вечером жаришь на сковороде... Вкусно так было... Били с конопли масло ...

... У нас места были – поля ровные, дальше, пашни 5 км. А обмывало нас кругом водою, жили как на полуострове. Горы, они доходят и до Красноярска, 155 км до нашего жилья. Красивые горы. В левую сторону как, я помню, была заимка. Деревни обычно селились у воды, да чтобы дров побольше отопляца, беспокоились люди сами о себе.

Помню, были такие лога. Первый лог назывался Бухолец крутой, второй лог Верзина. Этот лог был пологий, его нельзя было и зимой и летом пройти пешком такие промоет водой ямы, а с правой стороны была гора красавая, звали Седёлка. Там росла клубника дикая. Но змей было всяких и место было грибное рыжики и грузди росли но тайги не было что-бы пихта, и елка, и кедра, этого не было. В эту Варзину моя мама одна ходила по рыжики набрала 4 ведра в куль и спустила с горы подпихнула под зарод, закрыла сырой травкой где положила. Я работала поварихой бригады накормила и забрала эти грибы чтобы никто не видел что мама ходила и набрала грибы а она работала дояркой мы с ней заранее договорились.

Следующая гора Осинова грива там был осинник рос мы там добывали осинник на поскотину ставили в землю колья и закладывали жерди чтобы скот не попадал на поля где посевы хлеба. Заготавливали так вручную рубили топором очищали от сучков и на плечи поднимались за комель и до спуска тащили. Это было летом после посевной. С горы спустившись, а потом тащишь до воды тут достаточно и глубокой и широкой клали одна на одну нижние маленько связали много наложили плотик получался шикарной у нас

была лодка. Когда стали переплавлять жерди то плот ели с места сошел жерди были сырье ещё и подмокли выплыли на середину. То увидели с под нашего плота так много поплыло змей всяких голова кверху и плывут в разные стороны я не думала что могут так змеи быстро плавать вот тут и был у нас переплав через этот залив. И кто называл огурь. здесь достаточно широкий на лето делали плот ставили на него телегу с конём и толкали шестом ставили сети ловили рыбу всякая рыба была сетей если 4 поставили то бери тележку на себе не унесешь. Альцовку до обеда будешь выпускать щучью тоже сорожью то и окунь попадет.

Здесь пониже к выхода Енисея стояла колхозная пасека и был залавак у горы там годами был он завален лесом и плавали его 2 катера КПС и юпитер. Они его сплавляли в город был док «один» что сейчас на краснодарской. По сухому колуогуру вверх дальше в горы была деревня Александровка 12 км. от этого залива пилили сосну и на машинах зимой вывозили а летом когда вода поднималась то сколачивали плиты. Делали кошель и отправляли в город... Далее мне пришлось вицы вить. На эти плитки с лесом срубаешь молодой березняик ставишь столбик в землю там вбитая скоба вталкиваешь вершину и кошель маленько сгибаешь и начинаешь кругом ходить он не ломался повдоль. И тогда багром 20 лесин собираешь в кучу одна ходкой и кладешь жерди на края и две лесины обнимаешь этими вицами завязываешь снизу и сверху забиваешь клин и он так держится крепко. Девчонки молоденькие так по бревнам быстро бегали. А подальше была гора называлась она Лешачей. С этой горы я и ещё наши деревенские женщины в 3 пилы зимой добывали лес сосняк и спускали его на залавок. Был у нас представитель из города Тонкилевич Ефим Абрамович а госпиталю инвалидов Отечественной войны дрова нужны.

1942 год. Зима. Дали нам из колхоза одну лошадку подвозить лес к спуску. Подъедешь к этому заливу или огурцу. Там мостик сани ели проходят по этому мостику зимой морозы. Я и Валя Грунтова везде и всюду были

вместе ежедневно перевыполняли норму. Пилили с корня 10 лесин. Надо свалить сучки обрубить сучья скречь и потом на коне подвести к спуску. Столь мы навалили внизу на золовок. Нам давал муки 500 грамм маленько рыбы, одну баночку консервов и всё. На неделю 2 кг 500 г муки ещё какой то лапши если работаешь и даешь норму.

Пришла весна Благовещенья праздник мы собирались ехать на работу нас так нас родители не пускали не надо в праздник работать мы непослушные и поехали через спуск где летели наши лесины вниз. Наша тропа по которой мы поднимались, шла через спуск и наша лошадка кличка Акулька улетела прямо с санями. Лес лежал к верху вершинами и ей сняло кожу с боков и распороло гортань. Мы с топорами и пилами вслед за неё на заднице спустились рубить гужу перетягу у хомута освобождать лошадь. Смотрим наш начальник едет к нам проверить как мы работаем и увидел что мы с горы летим камнем приехал и посмотрел и тут же поехал домой. Приехал конюх Назаров Николай Ефимович вдвоем завалил её на сани и на конный двор в избушку прилепили ей кожу. В общем лошадь неполноценной стала.

Жили очень бедно. Не помню чтобы были у кого простыни или матрасы спали на полу. Койка была одна и та на одной ноге. В стену вбиты доски и солома. Шубы из овечий шкуры шили. Помню я ещё была маленькая ходили бурята и выделывали шкуры как то носили в баню и дымили их а потом шили на полу сидели ночи [ноги] калачом мама их кормила и так они и по всей деревне ходили кому надо шили. Мама у нас была замечательная женщина. Никого без чая не отпускала всегда накормит. Весна посевная компания с района председатель и уполномоченный обязательно у нас квартировали. Мама пекла в такой хлеб вкусный на колхозе лучший сама варила дрожжи с хмелем вкусной запастишь на бригады в поля и трактористов. Домой приходили бригадир и качественик постоянно с нами были пока посевная не отойдет.

Стоял домик среди полей один да 4-х ведерная чаша в которой варили

затирку из муки хорошо что осенью размелют пшеницы куль специально для этого а то ещё и баранчика заколют а что там 2 кг на 4 ведра только для запаха. Осенью картошка да фляга простокваша и поят незнам когда можно заболеть. Осень снопы вяжешь за сенокосом а на ногах чулки вязаные холщевые. Они так облепят этой собачей травой липучей с снимешь с ног они стоят как сапоги. На ногах чирочки сшитые кожаные да такие скользкие завязывались шнурком но бегать зато легко по жниве. Не раз навязывала по тысяче снопов. За хорошую работу мне прямо на полосе давали премию моркизу голубой и не раз ездили на слет ударников в район и после посевной и после уборки урожая. Во время посевной мне приходилось и боронить и на лошадях а больше на быках и на коровах. Бык и корова на разнoprяжку... Если [плуг] «красной пахарь», то лемех побольше и пласта захват больше перевернешь а рашипилем наточишь и поехала.

Мне пришлось с 10 летнего возраста работать брал меня мой отец он метал сено на зароды а мы подвозили на конях. Конь был такой смиренной гнедой губы у него были порванные. Но я его не зауздовывала телогрейка на спину и мошка кусала и поуты. Кличка его была Апселям, смиренной опустишь и подходи он никуда не пойдет. Я на нём вывозила 40 копен, бойкое действие было. Учиться не пришлось. Братец мой с 1922 года рождения а я 1928.

Как началась война мне было 13 лет, брату 17. Брата прямо с покоса забрали в армию и на фронт. С Доурска с катера помахал рукой, так свистел что в деревне было слыхать. Всех брали лютая война погибло очень много людей с нашей деревни каких то 20 домиков 18 человек погибло могу написать их данные. И остались мы девчонки по 13 лет. Гутя Баранова с 1927 г. рождения я Соколенко Вера с 1928 г. октября. Вот и все. Валя Грунтыова с 1928 г. с 1925 г. Валя Можарина рабочая сила остались старой да малой.

На моё детство пришло большое горе. Учится не пришлось да и негде за 15 км. ходить пешком в Доурск, а в нашей деревне только до 4 классов. Мама была больна, а бабушка моего отца сидела на печке с завязанной головой.

Наверное у неё было давление а кто знал в то время, да ещё и большая пунцововая грыжа.

Отца забрали совсем необоснованно и Грунты двоих. У нас хоть я была одна, а у Грунты Архипа 5 человек 2 сына Миша и Гоша как служили в армии так и на фронте и погибли. И ещё у т. Просковы осталось 3-е Соня, Валя и Люба, а власти сделали в районе показательный суд и по 10 лет дали. Был обыск у нас и Грунтовой у нас все придириались. Было письмо от племянника Миши Сержанова он как служил действительную так и ушёл на фронт с первых дней войны. Он был ранен и лежал в госпитале и нам писал что не могу дождаться выписки из госпиталя и бить лютого врага. У нас ничего не нашли забрали ружье ствол погнутый пистонова боя.

Суд был в декабре месяце в чем и подтверждают документы. Ещё хочу написать по документам ещё дали расстрел, а потом заменили 10 летам, а потом дали нам из прокуратуры что осужден необоснованно. Взяли моего отца на офиножной завод на правый берег г. Красноярска. А весной не было проезда ни передачу не принимали. Мама сколотила 3 бревна и 150 км. по Енисею плыла с веслом и она приплыла к деревне тогда была Базаиха там жила моего отца средняя сестра Александра Яковлевна Золошкова и они шли пешком до этого завода. Но ни передачу ни свидания ничего не дали только видели что отец сидел на бревнах и в рубахе бил вшей. И пришла горами домой ни с чем.

Лишилась я учебы и детства помню как моя мама волосы на голове рвала мой отец был совсем неграмотен, он даже расписаться не умел и мама она тоже была неграмотная но она не была такой тёмной и свою фамилию писала вместо Соколенко она писала Соко и всё. В домике света не было. Скота и хотели держать то волки по дерут то ещё какая болячка навяжется, свиньи дохли. Копали у горы цветок марии корень и ложили в колодку свиньями чтобы не пропадали.

Все считали, что мы как враги народа, обрезали у нас огород. Не

выгоняй корову в табун общий. Бабушка на печке всё плакала и умерла в марте 1941 г. её парализовало ей было 73 года. Сергей братец шел на фронте за Берлин, шел не на жизнь, а на смерть. Хотел отца освободить.

Были и такие, что получили бронь скрывались, как у нас был председатель колхоза Левченко Иван Ильич. Жил с девками Томары Воробьевой. Пользовались случаем чтобы не работать в колхозе, защиты была. А нам не было никакой защиты.

Я весной на посевной осень на уборке, хлеб отгружашь. И какой я работой не работала, и дояркой 7 лет, и возила горючее в тракторный отряд на 3 лошадях телега с 3 брусьев. Влаживались бочки 2 солярка 2 ц.70 кг. а бензин 1 ц 70 кг солидол 20 кг. 1 конь в коренья а 1 на разнопряжку. В заде жаркое время спать некогда было. Утром лошади с пастбища и ловишь и пошел до нефтебазы 15 км а если до эмтэеса то всех 20 км. Ежедневно какие были выходные я не знала. Весна наступала а у наших коммунистов было обязательно выездной день. У меня было больше всех трудодней. Я так приловчилась на телегу бочки по-покотала так хорошо получалось. Ни одни бы мужик не справился. Коней я своих кормила хорошо. Трудодень я ежедневно получала. Как подписка займа 300 рублей 400 литров молока 75 яиц 43 кг. мяса, 2 с половиной шкуры сдай. Раньше работали за палочки, а теперь за галочки приедешь на почту получаешь пенсию, говорят расписывайтесь где стоит вам галочка.

Хочу ещё я написать мы с мамой посылали сушеную картошку [на фронт]. Чистить её мне пришлось ночами. Порежешь её ломтиками а потом её мама обдаст водой кипятком и на листики в русскую печку она такая красивая высохшая и в холщевые мешки. И зашивала нитками мама сама пряли их с льна крепкие и ещё ложили руковицы с одним пальцем шерстенные и ещё кисет с шнурком затянутым верху и писали записку бейте врага и возвращайтесь домой. Проклятая Германия затеяла войну, / меня девочку молоденькую оставила одну. / Скоро кончится война и пойдут

солдаты ротами, / а я своего дорогого встречу за воротами.

Я 4 года зимы проработала в тайге. Только Енисей свяжет льдами и нас на лесоповал. Нам только всегда председатель Ловченко Иван Ильич вы пороха не нюхайте и участок Сухонаково за Смоленкой 2 лошади 4 девчонки и как говорится полный вперед. Два паренька два немца с Поволжья Андрей Кууфман и Монэль Бренин. Я, Вера Соколенко, и Гутя Боранова и Валя Можарина, Валя Грунтыова.

Валя Можарина погибла в тайге на глазах в лесоповале в деляне рядом с нами. Валя и Гутя поднимали щап и начали пилить центральной рез много недопилили, а от комелюк был гнилой и она пошла и впереди стояла сухая лесина и она прямо угадала на неё и обломилась вершина той на которую эта повалилась и сдала в зад где пилили эту лесину и вонзилась прямо в голову Вале и пробило голову и не пошевелилась. Вот так отойти бы на полметра и всё бы было хорошо, а до этого её сестренку Соню тоже. Получили они деляну. В горе деляна так решили что лесина пойдет в гору так как сучки на нем все смотрели на гору но не подумали что её воздухом даже потянет вниз поднимали щап и давай пилить центральный рез и побежала вниз, а лисина на неё повернула и пошла вниз и Соню подмяла под себя и сделала её кости как в мешке пока до лошины вниз спускались да прицеп отделили и довезли до больницы и она скончалась. И кто отвечал за это никто, кто нам читал технику безопасности.

Кормили плохо я сама и валенки подшивала... Заедешь было с осени и до самой весны. Суп варили капуста мороженая и картошкой сладкой. Барак в тайге лошади лес возили на подсанках и санях на колодках пенек низкий чтобы сани везя не задевали. Получали инструмент пила стахановка, лучек, топор кондтик, вилка клин, но сажень сам сделаешь вырубишь. Если с комля лисина гнилая то отпиливаешь саженью смериваешь и всё сжигаешь сучки, а то мастер не примет работу. В штабель возят, а потом по ледянке большие сани и грузили такие большие возы по 20 кубометров. День работаешь в

тайге на лесоповале, а ночью запрягаешь коня в сане и поливаешь ледянку с речки из бочки с 2-мя на боках кранами, а то ещё и снег выпаде, чистить приходится. Один раз нам пришлось попросить у мастера домой сходить получили нам отказ, а есть нечего все продукты вышли да и рукавички все порвались, мы сочинили частушку:

У начальника была и домой просилась
Отпусти меня начальник юбка износилась
Никуда ты не пойдешь никуда ты не пойдешь
Коли юбка износилась
То из мешка себе сошьешь

В бараке находилось 40 бригад, строенные мерзлого леса стены мокрые холодно. Посреди барака была печка метровая чугунная. Больше что-нибудь сварить нет места разогреешь колобок картофельный и поужинаешь. Лампа

горела посреди барака 10-и линейная с бензина и соли насыпали в лампу. Валенки над печкой висели сохли, стянутые носки а голяшки вниз было и такое оставили свои стары, а новых ушел домой. И все равно была гармошка у молодежи как не устанешь, набродишься по снегу в деляне, а все равно выйдешь да такого дропака дашь. Хлеба давали 400 грамм, вечером получишь утром возьмешь с собой в деляну если положишь его в карман то обедать не

угрызешь там много льда. А ложишь его на груди у себя. Сядешь на пенек и сухомяткой ешь. Но все же нам пришлось удрачить. Согласовали я, Гутя, Валя. В четвером вечером пойдем домой возьмем продуктов, чтонибудь и придем постираемся с себя рукавички возьмем. Утром один по одному в 3 часа ночи потихоньку в дверь и пошли. Шли и ледянкой и такой дорогой снег выпал ничего не видать. Слышали шум нас догоняют на лошадях верхом, а мы свернули на право с дороги под корень но светать стало и след видать.

Бичами нас так пороли по одежде, было не так больно. Я упала на снег. На животе у меня был вещевой мешок маленький чемоданчик он меня и спас. Мы этим ребятам сказали мы завтра придем обратно, вы скажите что вы нас не догнали, а мы пошли надо было по дороге пройти до дому 5 деревень Сухановка. Новая жизнь, забайкальцы там жили, Смоленка, Потапова и наша деревня Дорошкеево. Только пришли домой, а председатель уже знает что мы сбежали также и назавтра обратно. Посадил нас председатель на скамейку перед собой и сказал если вы сегодня не уйдете попадете под суд. Смотрим и приехали на лошадях Андрей Кауфман и Монель Бренин и они наложили сена лошадям кормить. Мы с ними уехали в Смоленку ночевали и потом уехали на участок.

Пришла весна мы сплавляли лес в воду что речку возили штабеля надо мулевать... Пришли мы в Дербино деревню у Тункеевой ночевали, а на завтра пошли прямо по реке. Там мылевали баграми лес растиаскивали. Как станешь на попа и попробуешь, а сила какая у девчонки. Намокнешь, костер разожжешь наслушаешь у меня так и были все следы у носков сожжены. Закончили мулевать лес пошли домой. Пришли обратно к баканщику, Курочкину, что жил против нашей деревни, а звать я забыла его все знали. Как нам домой попасть, а Енисей разломала он нам говорит как я вас поплавлю посадил в лодку. А его этак затормозило, что до самого дна льдина на льдине ребром стояли но чего пойдемте по льдинам успеем перебежать на косу Половинькова острова а там и дома. Ходом пошли я говорю быстро быстро как можно. Добежали за острова а там протока смотрим бегут жители нашей деревни и кричат что Енисей пошел и только мы перебежали и вот 12 числа апреля очистила весь форватор и к 1 маю и пошли пароходы по Енисею до Минусинска и до нашего Доурска района...

Смотрю я сейчас на молодежь какое счастливое детство. Я всё говорила зачем ты мама меня родила под такие несчастные годы. Но всё равно. Война отобрала всё детство когда я поохала на посевной хочу написать... Мы с

обеда поехали в культурный стан, а сбрую положили подсохнуть, а мне давал Коля Вольчков бичик. Я его положила под пласт, а с обеда приехали я запрягла Серуху и Звездочку пласт земли отворотила, а там змея, да такая большая. Я как закричу. Они все собрались и решили её убить и сжечь. Посмотреть действительно есть ли ноги собрали ботвы картофеля и подожгли. Нет у неё ног никаких, она за счет этой чешуи и движется.

Пахали и сеяли в конце полосы оставишь земли пахотной и посеешь в неё семя льна если редко посеешь то нехорошее будет крупное волокно, а мелкое тогда и на полотенца и на скатерти пойдет. Вырвешь его в снопики, а потом растянешь по покосу до снега переломаешь его морозом соберешь на волокушу и домой к бане. А баня по черному большой полок каменка большая, предбанник там стояли всегда мялки. Мама составляла снопы стоя на полок ещё и жерди добавляла. Топит баню в окошечко дым идет, а потом закроет и лен так высохнет что мнешь лен берешь гость и кладешь в мялку. Мялка 2 доски а 3-й язык назывался так отминаешь. До обеда 20 горстей десяток, а потом держишь за горсть рукой макушку левой, а правой бьешь по ней как веселкой один край острый, а потом на железную чесалку и вот хорошего льна совсем маленько и на веревки надо и на половики.

Всё надо было. Свету не было, была 7-ми линейная лампа. Мама разжигала на лучинах огонь в русской печке и так быстро прядешь нитки, а потом ткем рубахи. Да такие хорошие мама шила отцу рубахи, она её называла толстовка с переминкой на спине и косоворотка и штаны шила и я в тайге носила. Почему тогда шили шкеры широкие внизу зачем, зацепишь было за сучек и упал. Правда, резинок не было веревочкой завязывали на валенки чтобы снег не попадал. Руки с утра замерзнут, а потом разогреешься и целый день работаешь.

На наших полях очень много было холмиков земляных раскалывали и находили посуду, такая красивая синие цветы кругом. Я находила в земле 1 рубль Петра Первого. Он был красный или грязной. Я тогда не понимала

принесла в контору и показала положила на стол, а кто взял не знаю.

Земля плачет!

Я любительница тайги, жалею природу. С первой ягодки и кончая грибами начиная с черемши. Пошла на пенсию в 1988 году 40 лет проработала 16 колхозного стажа 2 сына вырастила. На зоне сноса и затопления море красивая жизнь иди куда глаза глядят. Ищи что найдешь. Вот и пришлось мне пешочком 50 км идти. Это он нашей деревушки. Зима 19 декабря 1952 года я шла 5 дней с собой взяла саночки, молока мороженного да маленько хлеба да рубаху перемываху и утром темно. Рано перешла через протоку а на Енисее стояли вешки дорогу по морозу не видать. Прошла дер. Потапово, потом деревня Дербино в ней пришлось ночевать. Встала утром, а вышла на звезды где спуск на Енисей, а там совсем не видать дороги только натерянной соломы или сена стояли кучки вообще не видать никакой дороги и такая мела пурга и я вернулась обратно на ту квартиру, где ночевала и пришлось дневать, а завтра пошла. Ночевала у наших деревенских родственников Воробьевых и на завтра обратно пошла и ночевала в Овсянке, попросилась не отказали. Но не помню сейчас в каком доме в кухне смотрю у них горит свет электричества. А я ведь его никогда не видела, а где спала или не спала общем на кухне и даже услышала как у них играло радио и я подумала ну ужели я буду жить так слушать радио и пользоваться электричеством. У нас в деревне этого понятия не было, если кто имел керосиновую лампу то считался богатым человеком, техники не было, замков в домах не было, стояла палочка дома кто нет. Никакого воровства не было. Все знали друг-друга. С Овсянки шла 24 декабря 1952 пришла к сестре. В Док № 1 стоял барак рядом с лесотаской. По лесотаске с Енисея с протоки доставляла в деревообрабатывающий комбинат. А там разрабатывали древесину и по месту назначения. Но мне тут не повезло. Прописки нет, пристраивалась стирать бельё солдатам 5 руб. пары. На коридоре с нами жили Родионовы семья они работали в военной части помогали выжить.

Огляделась пошла в школу 5-ю. Но прописки нет пошла на кирпичный завод без оформления. Мне 15 минут и машина нагружена...

Я очень заболела и дало мне такой приступ. Я с дока до больницы шла 3 часа и всё же я дошла и меня с приступом в краевую больницу подготовили на операцию, а Сталин помер. [Это было в] 1953 году и помню все так плакали в больнице слушали наушники. 2 числа марта 1952 года мне сделали операцию. Киста на правом яичнике, зашили мне туда кусок бинта. Не заживает мой шов. Смотрю у меня кишки видать. Завяжу и хожу. И всё равно я пошла на работу в школу 5-ю. Убирала я 2 больших коридора. От них я получила трудовую книжку выписала мне Горшкова Шура. Я техничкой пошла в гарнизонную баню с Дащей Собуровой, она как посмотрела на мой живот пришла в учительскую и директору говорит вы кого приняли на работу вы за неё отвечать будете, у неё кишки видать. Тогда мне дали отпуск. Поправляясь я поехала домой к маме в деревню. Привезла сына и ещё поросенка. Все равно там зона затопления. Сказали ищите место кто куда. Пришлось всё уничтожить да ещё отец сына хотел украсть сына Сказал что поеду в деревню и поймаю. Спрошу у ребятишек и увезу. Побоялась. Вот так и водила с собой на работу.

Когда я работал на кирпичном заводе присмотрел за мной один мужчина предложил мне подшить валенки. А я ему ответ я сама смотрю кому бы подшить. Он и понял, что с деревни женщина и не боится никакой работы. Пришел однажды ко мне в док и сосватал и того поросенка, что я вырастила на полтора центнера и привезла маму из деревни сына забрал, и коровку привезли гусей, курочек. Прописались в его домик улица Якушская 14. Вроде бы жизнь наладилась 7 лет прожила. Не надо ему было сына и маму. Любил пить, не работает, когда пьяный, то бежим кто куда, и от ножа убегала и в окно вылетала и в подполье сидела. Мама сказала доченька это не жизнь с коровой в стайке ночевать. Хотел убить сына, всякие причины искал. Ну а я куда пойду, у меня мама, сын и раз что-то он пьяный меня приревновал к

брату сродному он жил под горой 3-е детей, жена, а я подняла две пары валенок, а он знал кому и понес отдал хозяйке, а она ему отдала деньги и он напился до потери. И пришёл пьяный и сломал дверь как на 2 половины и давай меня душить передавил всё горло и я 3-е суток не входила в сознание, он напугался. С отцом сына не устраивала жизнь моя он пил не одной копейки не давал. В своем доме мужчина нужен, но судьба так складывается, что не понимаешь как жить. Лежала в больнице и он тогда подписал мне свой домик где я и мама жили. Мама умерла в 1965, 2 сентября.

Нашёлся ко мне ещё 1 мужчина моложе меня на 7 лет. Прожила с ним 18 лет, вырастила я от него сына хорошего, служил в пограничных войсках на востоке, а сейчас его сын служит в армии в Абакане в мае приедет два года. Мои родители [по] отцу чистые сибиряки д. Дорошкеево. Раньше люди селились где есть какой-то водяной ручей и там ему давали или имя или фамилию того первого жителя. Хочу написать что мама моя получилось приехать по случайности жили в вологодской области в Гереновце. Хутор Черной семья 9 человек детей мама её умерла и ей было 7 лет, она самая маленькая. Старший брат Иван Петрович женился и взял нас как она рассказывала к себе и ростил но жена ему попала такая хорошая нас всех как гусят под себя и согревала. Но потом братья тоже семьи все себе позавели и меня взяли в прислуги. Как она говорила начальнику тюрьмы в Ленинграде водилась но а говорила что мне там было неплохо, присмотрел за ней один паренёк, девка хорошая 18 лет. Но и вышла мама замуж он был сын один у родителей жили хорошо и вдруг та германская война и его взяли но войну так часто писал письма с маменькой жили дружно. И что-то ей захотелось пойти и погадать к ворожке. Придет папа домой живой или нет. Пришли и а мне мама так рассказывала стыдно я сижу в стороне. Когда маменька вышла и ворожка сказала давай я тебе молодца погадаю. Я согласилась и она мне говорит: «Вот молодица ты тут жить не будешь. Ты так поедешь далеко, что только будут колёса стучать». Да я никуда не собиралась. «Нет ты поедешь

и выйдешь там замуж и у тебя будет шестеро детей, четверо умрут, двое будут жить неплохо и не хорошо. Но сюда ты больше не вернешься». Мама так обиделась и сказала я говорит свекровке пойдем я этому ничему не верю. А тут перед этим наши хутора очень частые мама говорила места каменистые хлеба росли только рожь. Больше никакие по видимому из хлебов не росли. А братья сильные здоровые, у кого то из братьев гуляли, а подошел к ним под окно и сказал вы тут гуляете, а у вас все окна выбили назвал кто, а братья здоровые, большие силу брат Коля. Не подумал что у него четверо детей и взял оглоблю от саней и ударил. Удар получился сразу насмерть. Но вот и суд. Меньше брали ещё был холостой и взял на себя. Я ещё неженат и у меня детей нет и его в кандалы и в Сибирь, на вечную каторгу как раньше звали, а мы живем да и ещё хвалимся что мы хорошо живем. В Сибири зима, морозы, летом мошка, поуты, а сейчас и ещё клещи откуда-то их завезли вот скоро в лес не зайдешь. Но ладно, и маме моей и предстояла дорога с Ленинграда где она жила. Дошёл братец до нашей деревни Дорошкеево, а кому он нужен. К одной вдове двоих детей попросился на квартиру но и потом стал мужем и своих детей двое, двойня Миша 18 года и Катя. Миша фронт прошел, что до капитана дошел, а Катя ещё живая живет в пос. Солнечном. 92 года. Вот недавно я неё была, его фамилия Сержанов Константин Георгиевич, а мама была Сержанова Анна.

И вот моя мама захотела попрощаться брата списалась как он тут в Сибири живёт. Но шубенку да чемоданчик и поехала только колеса стучали как ей предсказала гадалка, но когда мама приехала и жена брата сказала к тебе не сестра приехала дружинница и получились неприятности и маме деваться некуда и пришлось выходить замуж за такого бедного человека, за моего отца и точно четверо детей умерло, а нас двое осталось. Брат и я, Вера. Я конечно сомневалось в таком предсказании, но совпало у мамин муж писал сюда, хотя и ты замужем приезжай, вышлю денег. Но [19]18-й год проезда не было, был переворот. И так осталась, мама была красивая, культурная.

Уважительная, а родители моего отца жили очень бедно но скота держали вот и всё богатство.

Мама моего отца с молодых лет была больна, слепая, а кто знал тогда какое давление да ещё и грыжа пупковая, целая булка. Надсадилась, много лет работала, сидела на печке. Началась война дров некому топить печку нечем мама взяла саночки и поехала на остров по дрова. Но как то по неосторожности порубила себе ногу ниже колена. Всё было нечего но помыла в бане водой и пошло заражение. Я пошла попросила лошадь, запрягла и увезла маму в больница в Доурск район, 2 недели полежала и выписалась, а дома кто мне 13 лет и баба никуда, ни сена скотине, ни дров. Я её привезла домой, она помаленьку с табуреткой по избе ходит всё рассказывала что куда. Топит русскую печь. Железнную протопила в избе тепло. Слышу бабушка завет меня к себе на печку. Верушка сядь ко мне я тебе сон свой расскажу что я сегодня выдела. Вижу что над нашей избой летает птичка такая красивая я говорю давай её к себе манить, она такая красивая. Сама черная, а головка белая. Села мне она на руку, а ты меня её так просишь баба дай мне её, а говорю тебе я дам, а ты её отпустишь, и так я тебе её не дала. И эта птичка осталась у бабушки, слышу баба мне говорит, что она так плохо спала и что-то в груди ей плохо стало она попросила у меня попить кипятку, а чайников не было, в чугунке стояла кипяченая вода, и я в кружке подала и она пила, а потом смотрю кружка на пол полетела. Ей парализовала левый бок и я с нее сняла валенки и положила и она не могла ничего сказать и на третий день умерла. Вот так птичка и прилетела. Сон как может предсказать.

Шить и вязать меня научила нужда. Всё у меня спрашивают, Вера, тебя кто учил, а я отвечаю, нужда. Два сына вырастила одна, когда пришла в город работала мало оплачивали. Даже в тайге я подчинивала валенки и подбиваю кому что необходимо.

А в коллектив на Никитина, д.1., я попала по приглашению на свое 70-

летие. Меня пригласила моя соцработник. Я сошла с троллейбуса, смотрю, голубая дверь, на крыльце стоят заведующая Нина Павловна и наша ведущая Зайцева Надежда Порамоновна, наша баянистка с таким уважением и букетом цветов. Ой, думаю, что я этакое сделала, что так меня тепло встречают. Смотрю, сидит гитарист Плотников Пётр Михайлович, столик накрытый, самовар стоит на столе. Но Пётр Михайлович попросил разрешение спеть мне песню под гитару. Песня для тебя, для тебя и поставил гитару в сторону когда исполнил. Я 50 лет не играла на гитаре, не брала в руки с детства. Но попросила разрешения вашу гитару посмотреть, стала играть. Так увидел Петр М. и сказал Нина Павловна, посмотрите, она играет на гитаре, давайте мы соберем играть струнный оркестр и вот так и осталась 10 лет хожу нас везде приглашают и дипломы получаем и подарки и дворец культуры не раз и ДК КРАЗА и с Константином Михайловичем Скопцовым. Песни русские, фолкнёр мы исполняли с Константином Михайловичем. Наш коллектив под руководством Надежды Игоревны такой хороший, дружный, в основном из пожилых людей есть мужчины с женами приходят да так поют красиво. Играем на разных инструментов, баян, гитара, гармошка, балалайка, наперстки, спички, бутылочка, доска стиральная, разные трещотки, ложки, рюмки... Сами себе шьем сарафаны и кокошники на голову, коллектив уважаемой нашей ведущей милому человеку Зайцевой Надежде Парамоновне, какая она добрая, как курочка своих цыплят себе под крыльишко, никого не обидит, всех выслушает, поможет, подскажет, а как играет... Ещё есть у нас в коллективе женщина гармонистка Лидия Григорьевна Марченко. Она и на спичках, и на балалайке, всё мы с ней успеваем играть. Я Константину Михайловичу Скопцову написала 400 штук частушек и песен. Пишу я их все в своих соображениях. Вот такие есть например у меня стихи и песни:

Подсолнух на тротуаре

Вырос подсолнух на тротуаре

Видно зёрышки в щели застяли

Росток молодой рости торопился
Сидеть в темноте устал, утомился
С желтой головкой смотрит на всех
Он слышит людей их громкий их смех
Как же он вырос?
Их удивляет прохожий, обходит, оберегает
Едут в автобусе каждое, каждое утро.
Красавца увидеть вовсе не трудно
Стебель поднялся высоко, толстущий корень леечный
Силен и могуч.
Семечки яркие уже почернели и тесно надулись.
Наверно созрели.
Однажды заметив, подсолнуха нет
Кому помешал он, скажите в ответ
Сколько же зерен мог он оставить
На следующий год урожаем прославить.

... Повстречался май с июнем.
Попрощался с поцелуем.
Зацвели кусты сирени.
Пчелки жужжалки запели не дают сирень сорвать.
Грозно сердятся напасть.
В платья розовых ранетки
Их наряды руки—ветки к сливам тянуться.
На цвет же белый посмотри,
Даже листьев не видать, а цветов не сосчитать.
В белом платье как невеста,
Ей шагнуть бы с того места.
Только корни не пускают,
Крепко держат, обнимают,
Дескать ты сейчас уйдешь,
Мы засохнем, пропадешь.

Корни надо всем беречь, не топтать, сушить и жечь.
Они силы придают, крепкий дух нам создают.
Вишня рядышком молчала
Крепко сливу обнимала.
Между сливой и ранеткой вишня выглядит кокеткой.
За забором как солдат тополь бросил в вишню взгляд.
Прошептал листвой слегка:
«Как ты вишенка мила».
Сад зацвел ты мой родной, чистый воздух и покой.
Дух и запах первоцвета,
Как хорошо быть с тёплым летом.
Умылась дождиком трава, зазеленела от тепла.

... Тучи ветер отгоняет
В небе молния гостит.
Стрелой огненной грозит.
Ветер дует в облаках
Где же летняя жара, тучки хмурятся
С утра день начинается с дождя
Дружны спешные дождинки
При ударе в половинки.
Брызги в стороны летят,
А упав будто ворчат.
Напоили землю нашу
А посушит солнышко не сразу.
Ветер тучи отгони
Солнце светлое пусти
И настанет тёплый день
Зацветет краса сирень.

Любить надо природу. Не уничтожать. Цветет сад, радуется. Берегите сады. Не ломайте.

Женщины работали и здоровые были, воздух чистым был. Старики красные и здоровые были, а сейчас этот бетон, он вытягивает всё здоровье.

Раньше если оставался кусочек хлеба, возьмешь его и на смоле сушишь. И когда он на сухарь высох так и человек болеет. Болят ноги и руки, вот и хромаешь, или с палочкой. Желание есть пожить в своем домике, в деревеньке, но на эту деревеньку посмотришь, кто ещё шевелиться, работает, прикупил себе технику по дешевке, тот ещё живет. Такие поля цветут как хлопок в Ташкенте, на молочай да осот перешли, на подножный корм — всё это травы лечебные, Малахов говорит. Клевер красный лечит голову, разжижает кровь, а ковыль лечит ноги. Кувшинка болотная лечит астму. Корень луговой, зверобой, лечит легкие, побеги сосны или пихты снимают зашлакованность, а подорожник лечит желудок. Корень шиповника, заваренный просто в чай, а ещё чага березовая — и никогда не будет никаких камней ни в чем. Ещё сосновая шишка зеленая тоже хорошо от легких. Одуванчик, 50 штук цветка но чем больше, тем лучше, сваренный медленно, очень полезный. Немного налить в кастрюлю воды с пол литра и как закипит, то сыпать сахар. И помешивать, и как снова закипит сыпать цветки и варить. Потом отцедить. Чем больше сахара — тем лучше и полезнее.

Захотелось мне вспомнить наш деревенский. Он совсем нам никто, но почему-то дружили и росли вместе с моим отцом Горбачев Иван Михайлович. Кончил 4 класса и стал он участковым коммунистом. Жили они в деревне Дербино. Ему дали лошадь, семья у него он с женою, 4-ро детей. Часто были у нас и решили они меня взять к ним погостить. Хотя они сказали на недельку, но у них была старшая дочка, звали её Раю. А там не знаю. Я ещё и в школу не ходила, а за ихней деревенькой была Усть-дербино, кто звали Щенкино, а там 7 км. было до аэродрома. Аэродром назывался Кривляк. И вот мы туда рванули, смотреть самолеты. Но какие мы смотрельщики, нас смотреть надо было, как мы там кувыркались в этом снегу. К самолетам нас близко не пустили, они то садятся то взлетают, а от

них такой ветер... Нас засыпало снегом, как попали домой! Кто без валенок, кто без руковичек. Я до сих пор вспоминаю как мы оказались дома. Не обморозились.

... Но и вот приближается наш великий праздник, день Победы, этот радостный. Я его так люблю, никаких праздников. Но а этот, хотя я и не употреблю ни водку, и чего, но за этот праздник с удовольствием стопку выпью и со слезами. Я в 13 лет стала взрослая, на мои плечи легла война. Ярким примером стала моя трудовая жизнь, а я горжусь что я отработала 40 лет стажа 16 лет колхозного, 7 дояркой общем.

Но жалко деревню мою. Всё позатопило, все кладбища, а мы сейчас пьем воду ГЭС. Такие были поля, когда нам предлагали освобождать деревни всё затопит. Не сходишь на могилки к родственникам. Гробы плавали по первости, а захоронения скота. Нам говорили, что вы за электричество платить не будете, а сейчас по три квитанции в месяц даже. Хорошо живем. Жить можно, как включишь телевизор, то посадил за взятку, то наворовал да уехал за границу, то убили. Куда хапают? Живи честно и никого не бойся. Мы ели гнилую картошку, весной собирали как схожу, найду картошку старую и разломлю, да и понюхаю, как мы её ели да ещё и она бы была. Жили честно, а сейчас посмотрю земелька плачет, осот растет, цветет белым пухом, а мужики в деревнях стаканчиками спирт глушат, что в ларьках из под полы продают. Лишились скота, реденько смотришь окна чистые в домах, то хозяйке не до них, бежит за машиной, вы не спирт привезли? Мне пришлось ехать по грибы на деревне Еловка только остановились бежит старуха спросила вы не спирт привезли, я говорю иди вон от сюда бессовестная, на кого ты похожа, я тебе дам спирт.

Спился народ и никому дела нет. Молодежь наркоманит, пьют, курят, какие дети дебилы, дали волю, если она бросила ребенка, то с неё надо брать алименты, как и с мужа. На концертах народных песни не из жизни, а то всё люблю да люблю, она и он. Сами не знают о чем они поют. Стыдно смотреть.

Не хотят нас слушать. Вам нам наши годы им станешь говорить, то они надоели вы со своей войной, даже слушать надоело. Мы же не хотим войны, мы знаем что такое война, остались старой да малой. Мы не катались на мерседесах. Как сейчас это хорошо, жизнь теперь очень хорошая. Но мы, русские люди, не можем жить в такой жизни. Не базар пойдешь тебя общитают, обвешают. Стоит павильон, там нет ни туалета, ни руки помыть, а рыба, и молоко всё вместе. Какие условия, хлеб, водка, разные колбасы и спирт из под полы. Ни медосмотра. Зайдешь за павильон там моча вылитая ещё что то. Это культура.

А наши живут. Ночь переспиши, смотришь цена другая. Сколько можно нас иностранцией кормить, своё надо всё выращивать, дать людям землю, пускай она на ней трудиться до упаду, а то на базаре русскому человеку нет места. Китайцы, что они нам добра везут, возьми тапочки. Купиши, и одна неделя и отпали. Помидоры черными пятнами на базаре. Свои до нового года всю осень пытаются и хорошие, вкусные, окорочка пишут березовские, а они американские. Бушу спасибо, а то старикам есть нечего. Поэтому и ходим все с палочками, болят ноги. Ни одного на улице не встретишь без палочки. Меня положили в госпиталь по Вильского в 2007 году. 3 августа я пролежала 2 недели и ушла. Нечем лечить. Хирург сказал вашего лекарства у нас нет и утром встала, даже на завтрак не пошла. Собралась и поехала домой в халате. Кормят отвратительно. Очень плохо если нет своего ничего, то коньки отбросишь, а буфет так дорого, что не по нашей пенсии.

ВОСПОМИНАНИЯ МУХИНОЙ НИНЫ ПАВЛОВНЫ*

Мухина Нина Павловна родилась в Богучанском районе, село Богучаны, жила на улице Береговой, с мамой, отчимом и двумя братьями, Николаем и Леонидом. Мама и отчим были без образования, отчима во время войны

*

Записали студентки КГПУ им. В.П. Астафьева Загария Мария и Козлова Наталья.

отправили в трудовую армию. Брат Николай был юристом, работал в Краевой прокуратуре следователем. Второй брат – Леонид – до войны работал в МТС замполитом, в 1941 году его призвали на фронт.

Был у них свой дом деревянный, большой, с одной большой комнатой и несколькими маленькими. Из хозяйства – корова, куры, два огорода.

На Ангаре женщины занимались рыбалкой, в том числе и Нина Павловна со своей мамой.

В колхоз они не входили, но работали в нем. Делали и хлебозаготовки в августе и сентябре, и только в октябре начинался учебный год. Однажды Нина Павловна разрезала себе палец серпом. Сначала вязали сено в снопы, потом на току лопатой тяжелой перебрасывали зерно, чтобы подсохло. Как высохнет, укладывали в куль, перебрасывали через плечо и несли к телеге. Работали молодые девчонки, мальчишки и мужчины с проблемами со здоровьем, остальных отправили на фронт.

Так как была корова, обязаны были сдавать каждый день молоко в заготовочный пункт. Был сельский магазин.

Законы были строгие при Сталине. Девушки ходили в высоких сапогах завернутых («брондни»), в этот отворот мог попасть хлеб во время заготовки. Однажды жительница села решила принести домой таким образом зерно, за это ее посадили в тюрьму на 7 лет.

Была карточная система, выдавали по карточке 250 г хлеба, и волнения были о том, как не потерять эту карточку. Питались хлебом, но хлеб был, как говорит Нина Павловна, «страшным, черным, где его резали, торчала мякина», если картошку. Корову держали до 1944 года.

Мелкую картошку варили в мундире, затем чистили. Рыбу (пескарей) сушили в русской печи, в ступке мололи, добавляли картошки и выпекали «пирожки».

Был репродуктор, по которому транслировались все вести и сообщения о войне. Когда Нина Павловна вместе семьей слышала впервые голос

Левитана, который говорил, что началась война, «зашел брат Леня и запел песню: «Я с вами последний денечек...». Все внимание всегда было приковано к репродуктору. Выпускалась газета «Ангарская правда». Ученики писали на них и на книжках старых, так как бумаги не было.

Замерзший и прибившийся к берегу лес вылавливали с Ангары и приносили в школу. Выпуск был 7 человек, 3 мальчика и 4 девочки. Пилили дрова девчонки, парни их кололи, а ночью сторож этими сырьими дровами топил печь школьную, но все же каждую субботу были танцы в спортзале. Одноклассник играл на баяне, а остальные плясали.

Все знали, что они «Сталинские внучата», понимали, что Stalin – вождь. «На учебнике истории было фото Ежова, пришел наш учитель и зачеркнул это фото молча, ничего не объяснив».

У родственников были хорошие дома, с лошадьми, и во время раскулачивания это все конфисковали, но кулаками они не были признаны.

Как помогали фронту? Отправляли хлеб на подводах по санной дороге, вязали варежки, носки. Нина Павловна на машинке «зингер» шила кисеты и отправляла на фронт, а ее отчим отдал свой баян.

Получали письма от брата, который служил в зенитной артиллерию, защищал Москву. Письма были патриотичными, оптимистичными. Он погиб в 1944 году, похоронен в Литве. Нина Павловна только в 1990 году смогла узнать точно место захоронения, запросив данные о брате в архиве.

Людям во время войны было не до праздников, их не отмечали, но в 1945 году, 9 мая, в Богучаны на самолете привезли спирт, на семью наливали пол-литровую кружку. По улицам ходили люди и кричали: «Ура! Победа!».

В селе был один фельдшер – Чекулаев (белорус). Лечил только аспирином и чаем с малиной. А морозы стояли до 60 градусов, даже чернила замерзали, приходилось отогревать, писали в школе в варежках, но учиться всегда стремились, была закалка в труде, труда не боялись.

Учились несмотря ни на что. Уроки вели раненые военные, преподавали военное дело и по ночами ученики стояли на посту.

Много работало немцев в школе. Немец учил физике, математике, черчению, был классным руководителем.

Однажды семье двух одноклассников Нины Павловны отказали в выдаче муки, весь класс решил бастовать и не ходить на учебу. Нину Павловну, вместе с классом, вызвали к директору, и кроме требования дать карточки семье они выдвинули еще одно: «Нам надоела эта немецкая речь». В общем, к немцам было отношение неприятное, так как видели раненных на фронте учителей.

После школы все поступили в институты. Нина Павловна хотела пойти по стопам брата - юриста и решила поступать в двухгодичную юридическую школу, что в Свердловске, но принимали туда только с 23 лет и исключения для молодой девушки не сделали. Тогда Нина Павловна поехала в Красноярск поступать в медицинский институт. Подруга повела ее в лабораторию, где препарировали трупы, там Нина Павловна упала в обморок, и желание поступать в этот институт пропало. Но документы отдавать не хотели, тогда брат Николай предложил пойти учиться в Енисейскую учительскую школу. Тогда перспектива учителя не устроила Нину Павловну, и она устроилась в 18 лет работать заведующим школьным отделом в райкоме комсомола. Побывав в разных школах, Нина Павловна решила учиться в Енисейском институте, но на этот раз на работе ее не отпускали. Не отпустили и в день экзамена, тогда она отправила телеграмму на имя ректора, и Нину Павловну зачислили без экзаменов вступительных. Затем она училась заочно в Красноярском педагогическом институте.

Общий стаж учителя Нины Павловны – 50 лет. Шесть лет она работала на Кубани, где познакомилась со своим мужем. Четыре года в Богучанах учила, а пятьдесят(!) лет – в школе № 98 города Красноярска. Была директором этой школы.

У Нины Павловны есть сын, который выполнил ее мечту: он хирург.

После войны легче жизнь не была, потому что осталась карточная система, натуральное хозяйство, мужчины возвращались инвалидами, все это психологически воспринималось очень тяжело. Но все равно знали, что с 1 апреля будет уценка на все товары, что бы ни произошло. Всегда были обеспечены работой, пусть и малооплачиваемой и знали, куда пойти после учебы.

Награды: звание «Заслуженный учитель», орден «Знак почета», медаль «Ветеран труда», Юбилейная медаль к 100-летию рождения В.И. Ленина, медали к 50-тилетию и к 60-тилетию Победы.

ВДОВЫ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ВОСПОМИНАНИЯ МАРИИ ТИХОНОВНЫ САПОЖКОВОЙ)*

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. не обошла стороной ни одну российскую семью, унесла жизни тех, кто хотел учиться, работать, любить и просто жить, но судьба распорядилась иначе... Как жили те, чьи мужья и сыновья погибли на фронтах войны? Мы попросили прабабушку Юлии Урбель Марию Тихоновну Сапожкову рассказать «свою» историю жизни...

20 июня 1917 г. в Орловской губернии (сейчас Липецкая) в семье портного родилась девочка Маша. Сейчас ей 93. Свою историю жизни она рассказывает только по просьбе людей, а у слушателей накатываются слёзы на глаза. Думается: «А нам-то чего не хватает?». Кроме Маши в семье было три сестры и четыре брата (старшего позже убили на войне). Жили хорошо, в семье всегда была еда и одежда. В школу Маша ходила неохотно, но вот работать очень любила с детства. А ещё вспоминает: «Мы так берегли свою обувь, что когда с сёстрами и братьями ходили в храм, несли её в руках.

* Записали студентка КГПУ им. В.П. Астафьева Урбель Юлия и Ценюга И.Н., канд. ист. наук, доцент.

Рядом с храмом в ручейке мыли ноги, обувались и шли молиться. Назад – то же самое».

Рано вышла замуж, родила троих детей. Средний ребёнок умер от воспаления лёгких. С мужем, Сапожковым Андреем Дмитриевичем, и детьми жили средне. Имели в хозяйстве одну корову и пять овец. Земля была неплодородная, и многие люди добровольно уезжали в Сибирь. Сначала мужики съездили в Сибирь посмотреть «что да как», а потом приехали и сказали, что им там очень понравилось – богатая земля и лес. Решили Мария Тихоновна и Андрей Дмитриевич с детьми отправиться в дорогу. Сдали дом, хозяйство и переехали в Сибирь, в село Сосновку. Здесь им дали дом, Дмитрий Андреевич устроился кладовщиком и замещал председателя колхоза.

Мария Тихоновна рассказывает, что как-то муж принёс после работы пустую тетрадь, на каждом листе которой стояла печать председателя. Она спросила: «А зачем она мне?» – а он ответил, что, может, когда-нибудь и пригодится. Мария Тихоновна убрала эту тетрадь и забыла про неё.

Наступило время, когда Андрею Дмитриевичу нужно было идти в армию. А в то время тех, у кого были маленькие дети, в армию брали всего на 1–2 месяца. Он взял фотокарточку своей жены и детей и ушёл служить в армию. Но тут началась война. Андрея Дмитриевича не опустили домой, сразу отправили на войну разведчиком. Марии Тихоновне он прислал телеграмму с фотокарточкой: «Я пошёл на войну. Домой не пустили», которую она хранит до сих пор.

Тяжело было с двумя детьми... Примерно в 40 км от Сосновки находился областной центр. Там была контора, детский сад, работы было больше. Решила Мария Тихоновна с подружкой переехать в этот областной центр. Для этого нужно было получить справку-разрешение от председателя, но он её не давал. Тут она вспомнила о тетради с печатями, которую ей когда-то передал Андрей Дмитриевич. Они подделали подпись председателя

и отдали эту справку с печатью. Мария Тихоновна говорит, что «сейчас об этом можно спокойно рассказывать, а тогда мы очень легко могли сесть в тюрьму. Но выбора не оставалось, так как детей кормить нужно было».

Все прошло удачно, и им дали для переезда коня с дедом и нетель (так называлась корова, которая переставала телиться, её использовали для перевозки грузов). Морозное февральское утро. Дед, напарница и дети Марии Тихоновны поехали впереди на нетели, а она с вещами – на коне. Конь шёл медленнее, груз был тяжелый. Вдруг на развилке он повернул на другую дорогу, в сторону леса. Мария Тихоновна говорит, что кричала громко, но её никто не услышал. Коня повернуть не смогла, сани были тяжёлые, зацепились за пень, она не смогла их вытащить. Решила оставить коня и искать выход. Вдруг услышала какой-то гул. «Показалось, что дети плачут. Бегу по сугробам и кричу им..., но никто не отзыается. Слышу второй раз гул, бегу и понимаю, что это эхо от поезда».

Стемнело. Мария Тихоновна решила переночевать в лесу. Холодно, очень страшно. Вероятность, что нападут волки, огромная. Вернулась к коню. Неподалёку росла старая кустистая берёза. Мария Тихоновна подумала, что если волки подойдут, то они на берёзу не посмотрят, так как внизу стоит конь. Залезла на самую макушку, слёзы текут и замерзают. В голове только одна мысль: «Лишь бы дети были живы». Всю ночь она сидела на берёзе и молилась. Как только стало светать, она слезла с дерева и пошла искать выход. Коня с санями вытащить не смогла. Подумала: «Если дойду, то вызову подмогу». Идёт Мария Тихоновна по дороге, сбоку чёрное что-то виднеется. Она испугалась, подумала, что дети её замёрзли. Кинулась туда, а оказалось, что это старый чёрный пень. «Тут, – говорит, – я повеселела, шаг прибавила». Виднеется совхоз. Подходит к дому, а тут её встречают подруга и дети. У Марии Тихоновны лицо замерзло на морозе от слёз, ноги-руки не двигаются. Обняла своих детей и такое облегчение почувствовала. Подруга Маруся рассказала, что доехали они с детьми хорошо, но вот только

переживали сильно за Марию Тихоновну. А коня из леса привели деревенские мужики. Мария Тихоновна три дня отходила от этого тяжелейшего переезда.

Пришла весна, начались посевные работы. Все мужчины были на войне. Работали старики, женщины и дети. Рабочим давали определённый участок земли, который нужно было засеять. Каждый день с утра до вечера рабочие сеяли вручную. На шею вешалась тряпка, к концам которой привязывалось плотное полотно. Туда помещалось зерно объёмом в два ведра.

Мария Тихоновна говорит, что на поле было четыре человека: она с подругой и двое пожилых мужчин. Сеяли по двое. Руки уставали очень сильно. Зерно домой брали по горстке, толкли в ступе и варили кашу. Позже пришло время убирать урожай. Косили литовками вручную, затем вязали снопы и складывали в скирды (это как стог сена, только из снопов). Мария Тихоновна вспоминает: «Жалко, что никто не фотографировал. Такая красота бы получилась. Сейчас такого нет...».

Когда уборка урожая прошла, наступила «молотилка». Выглядело это примерно так: круглый деревянный механизм молотил зерно при помощи движения четырёх впряженных в него коней, которые ходили по кругу. Наверху есть специальное место для женщин, которые разделяют снопы и бросают в молотилку. Процесс такой: две женщины внизу, одна поднимает сноп с земли и передаёт другой. Та бросает его наверх. Третья сноп перехватывает, развязывает и отдаёт наверх. Наверху сидела Мария Тихоновна и трясла их, сбрасывая вниз, чтобы зёрна отпали от соломы. А внизу стояли женщины, которые эту солому убирали.

Осень подошла к концу. Мария Тихоновна стала работать дояркой. Доили два раза в день, на ферму ходили пешком, около 6 км. Иногда доярок возили на быках. В очередной раз доярок везли на ферму, а дорога проходила мимо почты. Там частенько останавливались, чтобы узнать новости о своих родных, которые были на войне. Марии Тихоновне прислали извещение, что

Сапожков Андрей Дмитриевич погиб на войне. «Тяжело было, – говорит она, – но у меня были дети и я жила ради них».

«Как-то с подружкой возвращались вечером с дойки, – вспоминает Мария Тихоновна. – Слышим, шум какой-то возле конторы. Мы испугались, думали, что-то плохое случилось. Прибавили шаг. Навстречу нам дед бежит и кричит: “Девочки, милые, война закончилась!”. Люди плачут и смеются. Мы быстрее домой, детям рассказать. Встретили знакомую женщину, она мне и говорит: “Председатель велел тебе прийти в контору”. Я прихожу в контору, а председатель подает мне 1 кг сахара со словами: “Это всем тем, у кого близкие погибли на войне”. 1 кг сахара за жизнь мужа и отца!!! Иду домой с этим сахаром, а у самой ноги подкашиваются.

Этот сахар в горло не лез».

Вот такая реальная история с реальным и близким человеком. Сколько нужно иметь сил и любви в сердце, чтобы суметь пройти эти нелёгкие испытания… Думается, Марию Тихоновну в эти нелёгкие жизненные моменты спасла любовь к её детям и преданная любовь к единственному мужу. Субъективное восприятие исторических событий, как и собственно события прошлого, становящиеся предметом изучения для историка, – это дань современников тому поколению, которое в невероятных условиях выжило, отстроило заново огромную страну и обеспечило будущее не одному поколению.

АВТОБИОГРАФИЯ СОКОЛЕНКО НИНЫ ИВАНОВНЫ*

Я, Соколенко Нина Ивановна, девичья фамилия Гусева родилась 18 августа 1927 года в Калининской области, Кунынского района, в деревне Жуково. А раньше была Псковская область, Великолуцкий район. В двух км от нас село Михайловское, где отбывал свою ссылку Александр Сергеевич

* Записи воспоминаний собрали и обработали студенты КГПУ им. В.П. Астафьева Степанова Варя, Копылов Иван, и Андюсов Б.Е. канд. ист. наук, доцент. Подлинные тексты воспоминаний и размышления автора даны в частичной обработке и, в основном, без стилистических поправок.

Пушкин с няней Ариной Родионовной, а по другую сторону станция Жижица. Через нее шли поезда на фронт в ВОВ. Рядом Прибалтика, 500 км от нас Ленинград.

Я, наверное, по отцу латышка. Папа рассказывал, что у нас фамилия была длинная, оканчивалась на букву «с», но у меня тогда не хватило ума записать. Он рассказывал, что дедушка с братьями стояли босиком, ноги красные, а проезжал какой-то начальник и говорит: «Ноги красные, как у гусей», - так их и прозвали. Дед был с 1863 г.р. Когда дедушка пошел в школу, спросили: «Как фамилия?». Он назвал «Гусев», так и пошло. Бабушка была русская. Я о ней ничего не знаю.

Дед окончил 3 класса, имел свою скобяную лавку, там шили и продавали сбрую для лошадей, и возил пассажиров на станцию и обратно. У него было 8 детей. Старший сын, мой папа – Гусев Иван Федорович, рождения 2.II.1890 года, а умер 12.VIII.1970 года. Дочь Анастасия Федоровна, работала врачом. Дочь Прасковья Федоровна с мужем и сыном Борисом жили в блокаду в Ленинграде, и сын говорил: «Их, наверно, съели, мать не худая была, у нас еще клей (ели его), а пришел со школы, все открыто, документы на полу, а их нет». Борис после перебрался к нашим в часть какую-то и был как сын полка.

Следующая дочь, Мария Федоровна, – инженер, работала у Жданова секретарем в Ленинграде. Муж ее – латыш Спугис Альфред Оттович, инженер. Где он только не строил и не работал – гл. инженером и в Барнауле, и в Енисейске и в других местах. Дочь их инженер, замужем за сыном Пельше, живут рядом. Дальше по возрасту шла дочь Софья Федоровна (по мужу Марудина), жила в Ленинграде, в ВОВ была на фронте в чине полковника, хирурга медицинской службы, а сын ее был летчиком. Младшая из дочерей, Анна Федоровна (по мужу Емельянова), всю жизнь работала медсестрой в детсаде. Детей не было. Муж, гл. военный инженер. Жили в Ленинграде.

У деда самым младшим был сын Гусев Владимир Федорович, рождения

1915 года, образование высшее, на фотографии с ромбиком, высокий, красивый, волосы черные, кучерявые. В Финскую войну в 1939 году погиб под городом Выборгом в первом штыковом бою.

Теперь о нашей семье. Папа, Гусев Иван Федорович, был старший и окончил 3 класса и какие-то ветеринарные курсы, 8 лет служил в Петрограде, участвовал во взятии Зимнего дворца, видел живого Ленина. Говорил: «Он ни разу даже на 5 минут не опоздал на выступление, где ночевал, спал только на полу, а когда ему без его ведома добавили з/плату на 5 руб. в месяц, разнес и отказался». А Сталина [отец] называл «чертов грузиня», не грузин, а грузиня, хотя у нас в доме висели два портрета Ленина и Сталина.

Папа был ниже среднего роста, но, как говориться, «мал золотник, да дорог», у него были золотые руки, кастрировал везде по деревням скот, а печи такие ложил, что сколько дом будет стоять, столько и печь. Делал сам кирпич-сырец. Каждый кирпич перед кладкой помочит в воду, обмажет со всех сторон глиной с песком, потом лишнее отскребет. А как готовил глину, даже пробовал на язык, и старался, самое главное, заштукатурить колодцы изнутри, чтобы сажа не задерживалась. Колодцы делал широкие, покрывал сверху железом, а потом кирпичами. Работал в кузнице, потом кассиром, 18 лет продавцом, потом в ВОВ на военном заводе в Красноярске. Потом заготовителем в сельпо в д. Карапульная. Был он добрый, ласковый, сколько слез обо всех пролил, называл всех «сынок» или «доченька».

Мама Ольга Захаровна с 1906 г.р., малограмотная (говорит две недели всего ходила в школу), работала всю жизнь: свинаркой, дояркой, пахала, играла на гармошке, хорошо пела, плясала.

Хочется вспомнить родословную с маминой стороны. Мамин отец – Козыков Захар Никитыч. Он пережил много жен, был высокий ростом, богатырского телосложения, как говорят, «сажень в плечах», от всех жен было 9 сыновей и две дочери. И все они богатыри, в него.

Дед был суровый, мама ни разу добрым словом не вспомнила. Кулак

был, имел свои леса, мельницу, маслобойню, дети все неграмотные и малограмотные были, только работали как лошади, и когда проходила коллективизация-раскулачивание, у них ничего не забрали, так как они работников не нанимали.

Мама говорила, что он одной рукой поднимал матрац ржи. Мама кули с зерном как игрушку носила, хорошо плавала, как водолаз, там у нас озеро, порвется ли сеть, зацепится — все найдет в воде, привяжет. Енисей запросто переплы whole, только отъедут в лодке, она прыг в воду и плывет. Отец подопьет, летом на тележке, зимой на саночках женщины катают его, а он горстями им деньги кидает. А мама говорит: «Я один раз попросила — тятя, купи мне ленту», а он сказал: «Не в гляди глядят, а влади», — в работе значит.

Папина деревня — Жуково Калининской области, откуда он был родом, девять месяцев была под немцами. По рассказам родных, говорил, и немцы не все плохие, ему рассказывали, что одного нашего храброго офицера взяли в плен, пытали, а потом поставили к дереву и приказали расстрелять, а ихний офицер не дал, так они нашего отпустили, а своего расстреляли. И второй случай: пасет тетя Настя Иванова гусей на озере, подъезжает немецкий генерал с охраной, никого не убили и обращается: «Бабка, продай гуся». — Ну берите, даже и всех заберут, ничего не скажешь, — дала, на следующий день привозит немецкий солдат целую коробку шоколада, штаб был на станции Жижица. А спустя несколько дней подростки лет по 12 — 14, восемь человек, и её сын сломали крышу: в их деревне был склад, там была одежда, противогазы и еще что-то, растащили. Их всех собрали, кое-что увезли в штаб и решили расстрелять, тогда тетя пошла, нашла этого генерала, плакала, умоляла, на коленях ставала, и он всех отпустил.

Но враг есть враг, и война — война. Из девяти сыновей — маминых братьев шестеро погибли на войне, а трех немцы расстреляли в деревне. Остались только две дочери.

Мама вышла замуж за папу в 1924 году. Нарадоваться не могла, то

спросят: «Как ты, Ольга Захаровна, с ним живешь?», а мама говорит: «Мне за моего Ивана Золотого не надо».

Нас у родителей было 7 детей. Мария с 1926 года, вторая я, Нина, с 1927 года, брат Гусев Борис Иванович с 1931 г.р., сестра Мария с 1934 г.р., брат Гусев Георгий Иванович, с 1936 г.р., брат Гусев Николай Иванович с 2.02.1941 г.р., работал инженером охотовнадзора. Сестра Галя, с 1946 г., умерла от кори, хоронили, а в доме куска хлеба не было, четвером гробик не могли нести. Сестричка Вера Ивановна (по мужу Баэр), рождения 4.11.1950 г., работала старшим бухгалтером. Муж ее Виктор Баэр, немец. У них два сына, один работал в милиции, второй шофером на «скорой помощи» и сам работал шофером на техпомощи. Уехали в Германию в 2004 г., и сестру там сбила насмерть машина. Сынок остался в Германии, а отец, Виктор Баэр, вернулся сразу обратно, говорит: «Ни за какие деньги туда не поеду».

А теперь о себе. Я, Соколенко (Гусева) Нина Ивановна, окончила в д. Острог начальную школу, в 5-м классе училась в Сисиме Даурского района.

Летом в 1940 году папу перевели в д. Ижуль продавцом. В конце августа 1940 года пapa отправил меня с двумя парнями записываться в школу в с. Убей Новоселовского района (тогда в школе учились на 5–6 лет старше, все в одном классе). Там они взяли бутылку белой водки, выпили и поплыли мы обратно домой. Переплыли Енисей, а там был остров. Один парень остался в лодке, загоняет ее вдоль острова, а мне сказали, чтобы шла по острову вдоль берега. Смотрю, догоняет меня второй парень, звали его Люшка Зубрицкий, пристает и начинает меня грубо хватать. Я, долго не думая, оттолкнула его и прыгнула с крутого берега в воду, а плавать не умела, сама чуть не закурялась. А оне сами перепугались, кое-как меня втащили в лодку. Я сижу их всяко обзываю, плачу и говорю: «Сейчас приду, все папе расскажу, и подадим на вас в суд», а оне говорят: «А мы на тебя за оскорбление». Когда приплыли, папа спросил, почему я мокрая, а я сказала, что сидилась в лодку и упала в воду.

А когда в 1942 году Люшку брали на фронт, он подошел ко мне проститься, я сказала: «Чтобы тебе первая пуля в лоб прилетела». Потом слышу, пропал без вести. А в 1955 году, когда у меня было уже четыре дочери, мы переехали к родителям в д. Острог. Они жили на краю деревни, и рядом колодец, я наливаю воду, подъезжает второй парень, что был в лодке и говорит: «Привет тебе от Люшки Зубрицкого». Он, оказывается, был во Власовской армии, и ему дали 25 лет, и он спрашивал, где я и как живу.

А осенью я сказала отцу: «В Убей не поеду учиться, а в район, в Даурск. Так мы со старшей сестрой Марией проучились до январских каникул, я в 6-м, а сестра в 7-м классе. На ноябрьские праздники папа отвозил нас летней дорогой до Даурска 47 км. Он нам написал: «Доченьки, у меня 31 декабря будет ревизия в магазине. Дойдете до д. Караульной, там заночуете, а я назавтра приеду».

Мы пришли, пообедали у бухгалтера сельпо, а на улице мороз -40 и заломили – дойдем до д. Борков, дойдем сегодня, а завтра мама еще блины стряпать будет, и мы дома будем.

Поднялась буря, к тому же хозяйка выскочила, уговаривала нас вернуться, но мы ни в какую. Мне 13 лет, сестре — 14, и пошли мы вдвоем летней дорогой, там ездили за сеном и дровами. А оказалось, все ездили рекою уже. Потом нас догнал Ловченко Сергей на двух порожних лошадях, он ехал горою в сторону М-Лопатино, а от них была дорога до д. Ижуль. Мы подсели на заднюю лошадь, а он нас согнал.

Так мы пошли без дороги напрямик, снег падает в обувь, тает, полы у пальто мокрые, штанишки тоже. Так мы брали, пока совсем не выбились из сил, расскрабли снег под березой и сели и ни разу не встали. А ночь – год. Но знали, что спать нельзя, рукавицы сняли мокрые, руки под мышки и сидим. А была такая буря, что ничего не было видно.

А когда рассветало, оказывается, мы метрах в 50 и всего и были от избушки. Там сторож охранял колхозную картошку. Ноги у нас ничего не

чувствовали, можно было нагнуть и отломить до колен. Сестра сняла один валенок, хотела оттирать снегом, но сторож не дал, говорит: «У меня там картошка, воды напустите». Тут подъехал Юртаев, председатель. Он папе друг и бывал у нас. Говорит: «Ой, что вы наделали, но дождите, я возьму немного дров и поедем». А мы разогрелись у печки и не поехали с ним. А потом стали сильные боли, мы эти полкилометра с утра до вечера шли.

Зашли в крайнюю избушку. Там завхоз жил с матерью, Васильев не женатый еще. Нас накормили, и мы уснули. Проснулись, целая изба людей. Ноги как бревна, почернели, а сын как раз подъехал с Даурска, пошел, перепряг вторую лошадь, постелили доху, нас вынесли, положили, и он повез той ночью нас в Ижуль. Заехали за ветработником. Подъезжаем к дому, мама слышит, что мы разговариваем, а в дом не идем, открывает дверь, а нас одну и другую несут на руках, она и упала. Мама была беременная и 2 марта родился брат Коля.

Положили нас на разные койки, а мы кричали как резаные, и мама не дождалась утра и в 4 часа ночи нас повез учитель в больницу. Подъезжаем к Караульной, а папа выскочил, как заплачет, и повез нас в Даурск в больницу. Осмотрел врач, 3-й степени озноб [обморожение]. Сразу нас остригли, у меня такие толстые были косы. И вот пролежали мы там 8 месяцев и 11 дней, до 12 сентября.

Папа ездил к нам каждую неделю, приедет и плачет, и уедет плачет, а маму все обманывал, говорил, что все хорошо, а пальцы стали сохнуть, чернеть и колени были озноблены, и пятки. У сестры до самой смерти все с пяток сочилось. Ей хуже досталось, у нее были новые валенки, а у меня лунтаи с ботами. Кричим по целой ночи, а как понесут на перевязку, обзывают их всяко. Отнимали пальцы два раза, не усыпляли и не замораживали, кричали на всю больницу. Отняли раз, опять стали дальше косточки гнить, еще раз отняли. У меня трех и большого пальца на обеих ногах, а у сестры и ступни прихватило на обеих ногах.

Понесут на перевязку, за ночь нарастут корки, отдерут, а там одни жилы торчат, мяса нет, как станут протирать! Ужас! Месяцев пять мы даже с койки ног не спускали, клеенка, на ней валик из одеял и на нем ноги. Да, пока мы лежали в больнице, у нас первые месяцы было много на теле чирьев, и у меня еще и легкие заболели. Потом на костылях ходили. А тут началась война, почти всех медиков на фронт забрали. Остался один очень хороший врач пожилой, Вардугин, чудесный доктор. Говорил медленно, работников выстроит и начинается: «Как не стыдно, где ваша совесть, где совесть ваша».

Когда 22 июня 1941 года началась война, папу забрали на военный завод в Красноярск. Мама осталась с пятью детьми, работала как лошадь, а сестра стала работать за папу продавцом.

Дальше я училась с 6 классе в Убейской НСШ. Мы тогда каждый год сдавали экзамены. Я училась все 7 классов хорошо. Ни разу за 7 лет не получила ни одной «посредственной» оценки. А по весне, как ломало лед на Енисее, я кровью кашляла две недели, не доучилась в 6 классе, меня отправили домой. Провожала вся школа как на смерть. Сяду, плечи выше головы. Мама делала мне разные настойки. Наберу маленьких ребятишек – и в сосновый бор, там читаю им сказки.

К осени поправилась и даже вязала снопы. Норма была 400 снопов, а я по 1200 навязывала. Рядом два мужчины-инвалида косят на лошадях, с одной стороны две девочки вяжут, а в средине никого. Я свою сторону свяжу и забегаю на другую к тому косарю. Пока бегу, вязка готова, бросаю и дальше. В обед все отдыхают, я снопы составляю в суслоны, и вечером так. Так мне за пятидневку по 10 кг муки давали.

Пришла в сентябре 1942 года в школу, так меня не узнали, поправилась и поступила в 7 класс, окончила 20 июня 1943 года семь классов. Почти все оценки «отличные». Я, бывало, отвечаю на экзаменах, а мне говорят: «Хватит! Хватит!» Нас учили очень талантливые учителя, эвакуированные из Ленинграда.

А 23 июня 1943 года я устроилась в Караульное сельпо сушильщицей овощей для фронта, а летом все до самой осени заготавливали дрова для сушилки. Нас было двое сушильщиц, женщина лет за пятьдесят и я. И в моей смене 4 старушки в отдельной избушке. На дворе мыли, чистили картофель, опять мыли, резали рубчиком и высыпали в кадку с водою. А у меня печь 24 двухметровых листа из проволоки, рядом плита, на которой все время кипит в чаше вода. Лампу я что-то не помню, все коптилка была, печи дымят, я чуть совсем не ослепла, об телеграфный столб ударились.

Работали не по 12 часов, а все 14, приходишь раньше, наносишь коромыслом 10-15 ведер воды с Енисея себе и старушкам, они не могут. Потом дров кубометр не меньше. За картошкой бегаю сама в одном сарафане, руки к ручкам двери примерзают. Наберешь из кадки ведро картошки, затем высыпаешь его в сито из проволоки с ручками, и опускаешь в чашу с кипятком, чтобы выварился крахмал. Затем на нижний лист, а нижний вверх, и все время помешивать, чтобы не подгорело, а если поставить сразу вверх, будет скользкая как кисель. И нет ни минуты покоя. А придешь домой, берешь саночки – и хозяйке в лес на остров по дрова.

Эту работу как каторжной назвать только и можно. И так изо дня в день, без выходных я работала с 43 по 46 год, полвойны для фронта.

И не сойти мне с этого места, я ни разу не взяла горсть сущеной картошки в карман, а мои братья собирали мороженную в поле, порежут пластиками и как собаки хватают, не дают ей спечься.

Вот так я и работала до 10 февраля 1946 года, до закрытия предприятия.

А с 10-го сразу устроилась счетоводом в Даурскую больницу. Меня там за 8 месяцев все знали. Вскоре там открылись 9-и месячные вечерние курсы колхозных медсестер. Я стала заниматься. По окончании меня перевели в амбулаторию процедурной медсестрой в перевязочную. Делала перевязки, спринцевания, ставила уколы. Затем прошла подготовку на вакцинатора. Ходил брюшной тиф, и я пешком с дезинфектором ходила по деревням.

В 1947 году занималась на курсах телеграфистов при райвоенкомате.

В мае 1948 года мы с дезинфектором прибыли на ферму Ижуль, ночевали у хорошего нашего друга Викторенко Данила Максимовича, управляющего. Вечером, смотрим, заходит высокий красивый парень, мокрый, стесняется. Искал лошадь, а жил на пасеке в логу километрах в двух от фермы. Тоже заночевал у них.

А я рабочая была, как лошадь: пока собирается народ в контору, я взяла коромысло раненько и наносила хозяйке воды; она была уже в годах. Смотрю, подходит ко мне этот парень-пчеловод и стал знакомиться, а я ему и говорю: «Я с ребятами рядом не сидела и ребят боюсь». Потом ему нахвалил председатель Караульского сельпо Кравцов, он и заявился ко мне в Острог.

Когда папа вернулся с завода, мы опять переехали в свою избу. А как раз в этот день садили картошку, огород 42 сотки, копали руками, лопатами.

А у этого парня, Соколенко Сергея Ивановича, мать с сестрой жили в д. Дорошкеево, в 12 км за Даурском, и от Даурска до Острога тоже 12 км. Он везет поросенка от матери, поросенок в мешке визжит. Наши картошку садят. А он все меня уговаривал, а я замуж не собиралась вообще. Потом надоело все, ладно, говорю. Потом он говорит: «Увольняйся, собирайся, а я приеду в следующее воскресенье». А сама думаю, приедет, а я с ним и разговаривать не буду, и своим сказала, что на выходной не приду. А сама иду, это была суббота, смотрю, а он едет на хорошем коне, в кошевке. А у нас там были большие озера. Я отвернула за озеро, спряталась, и он уехал в Даурск.

... Как мой будущий муж съездил в Даурск, ему сказали, что я ушла домой. Приезжает, я смотреть не хочу на него, злая, а он сообразил, садится под матку и говорит папе с мамой: «Мы с Ниной договорились, теперь дело за вами», а папа отвечает: «Ну раз вы уже все решили, договорились, нам остается только благословить вас».

Да, забыла, когда приехал Сергей Иванович в субботу, а обещался в воскресенье, я и подумала: «Хозяин своему слову», так оно и оказалось, он

меня ни одним словом не обманул, не предал, не изменил. Так как в песне поется: «Хочу любить, хочу я быть любимой, тебе доверить сердце одному, пускай мой милый будет некрасивый, лишь был бы верен слову своему».

Ночевали ночь отдельно. Утром поехали в Даурск, он остался на моей квартире, а я хожу кругом, то плаваю, залив разлился кругом на пристань, а завбольницей меня и слушать не хочет, говорит: «Мы тебя учили, а теперь тиф брюшной свирепствует».

Поехали к его матери в Дорошково, она с сестрой приняли меня хорошо.

Хочется особо остановиться на свекрови, я всем и всегда говорю: «Такой свекровки ни у кого нет. Я такая гордая была, он слово какое скажет, я по два дня с ним не разговариваю, а мать хоть бы раз за него заступилась, начнет: «Сереженька, сыночек, уступи ты ей, будь ты мужчиной, ты постарше её». И он не сердится, и я растаю. Она меня всегда Ниночкой звала. Приеду в Красноярск, она поведет меня по всей родне, только дверь открываем, они говорят: «Покажи, что там у тебя за Ниночка?». Я, бывало, только и жду её с работы, мы с ней обо всем поговорим, Сергей – мужчина, за топор и пошел. И золовушка Вера Ивановна Липатова (Соколенко), вся в матер душой, такая добрая ко мне.

Свекровь хотя малограмотная, но была, царствие ей небесное, умная и развитая, работала в Ленинграде прислугой у министра иностранных дел - у Гучкова, а родного брата Сержанова Константина Петровича, в кандалах отправили в Сибирь, и (мать), и свекровь, она ему сестра, поехали к нему, а потом выехать нельзя стало, так она и осталась в Сибири и вышла замуж за Соколенко Ивана Пименовича, простого, неграмотного работящего парня.

А когда началась ВОВ, он был уже в пожилом возрасте, подписывали вещи для фронта, он только и сказал: «Что я вам, последние калоши резиновые с ног отдаю?». Вот и «пришли» агитацию, сначала присудили к расстрелу, потом заменили 10-ю годами, он много курил, там и умер. После его реабилитировали.

Привез меня муж на пасеку, в лес, одна избушка и никого больше, и 137 семей пчел, муж – пчеловод, я – помошник. Свадьба была намечена через две недели, а мы поженились 5 июня 1948 г., но на свадьбу нам не пришлось погулять, стали роиться пчелы, по 15 роев в день, даже не то что свадьба, куска хлеба некогда съесть, так свадьбу праздновали без нас.

А в 1953 г. у нас было уже трое детей, пасеку решили перевезти в другое место, недалеко от ф[ермы] Сухая, и мы туда переехали. Там в 1955 году родилась последняя, четвертая, дочь Галя. Там было всего 20 семей, магазин, школа, одна учительница, тоже ленинградка, учила все 4-е класса одна, Мисуна Клавдия Никандровна, знания привила всем хорошие. А в 1961-м году мужа избрали председателем рабкоопа на усадьбу центральную, сейчас называют Красная, и мы переехали, а меня направили на стажировку в районную больницу на 1,5 месяца, учили делать внутривенное вливание, а раньше я делала только уколы. На Центральной был стационар на четыре койки, фельдшер – Гончарова Анна Константиновна, мы – две медсестры, я и Черкасова Наталья Федотовна, и две санитарки – Пацукова Антонина Павловна и Трахалева Зинаида Александровна. Потом стационар закрыли, осталась одна фельдшер.

В больнице на Центральной усадьбе я проработала всего один год и три месяца, и меня избрали в рабочий комитет секретарем-казначеем. На турбазе г. Красноярска я закончила курсы профсоюзных бухгалтеров и работала до 1967 года, пока все наше руководство не переехало в новый поселок Приморск, а мы только в 1962 году построили свой хороший новый дом и не захотели уезжать. Меня перевели заведующей детсадом, принимала 27 детей, постепенно все переезжают в Приморск, через год и четыре месяца осталось 5 детей. Я поехала к директору в Приморск и попросила вообще закрыть детсад, стыдно зарплату получать, а тут как раз библиотекарь с мужем развелась и уезжала на Восток к родителям.

Я приняла библиотеку 10 февраля 1969 года и сразу заочно поступила

учиться в Канский библиотечный техникум и в 1973 году закончила.

Проработала в библиотеке 20 лет, работала на совесть, где бы я не работала, я всегда любила свою работу. В Канском библиотечном техникуме мы встретились с поэтом Львом Ошаниным.

В библиотеке у меня всегда были оформлены книжные выставки, плакаты разные, стенды к различным праздникам, к Дню Победы и др. Проводились читательские конференции, устные журналы, громкие читки (для дошкольников), во времена посевной и уборочной компании мы работали вместе с зав. клубом Яровой Валентиной Дмитриевной – она писала лозунги, а я все оформляла. Я работала с 10 утра до 3 дня и с 8 вечера до 11 вечера, а с 9 утра в совхозную контору, беру сводку, посчитаю процент выработки и выпускаю стенгазету-«молнию». Раз в пятидневку выпускаю «боевой листок» и едем с поваром в обед, наверху в кузове машины, пока работники обедают, я провожу политинформацию или беседу, а завклубом вручает переходящий Красный вымпел, а в уборочную страду рисует звезды на комбайнах. Раз в декаду посещаю «красный уголок» на животноводстве, там все оформляю. Наш «красный уголок» считался лучшим в районе. Также исполняли сельсоветскую работу, так как тогда не было у нас сельского совета, раз в год – перепись населения и 4 раза – перепись скота.

В 1979 году проводила перепись населения, за что нас двоих с района наградили почетными грамотами – меня и парня с Черемушек. Награждали и редакция, и как председателя женсовета, и за депутатскую работу, и работу библиотекаря всего – 15 грамот, несколько благодарностей. Занесена в Книгу почета, награждали телевизором и пылесосом (Краевой отдел культуры), настенными часами, женским гарнитуром, одеялом, хрустальным сервизом (фужеры) и другое.

Снимало краевое телевидение в библиотеке и животноводстве, как раз я проводила политинформацию, присутствовало все руководство совхоза. Директор похвалил меня, я никогда по бумажке не читаю, а по памяти.

Однажды у нас проходил сход присутствовало все руководство района, директор встал и говорит: «В два часа ночи встал, а Нина Ивановна ходит по библиотеке».

Другой раз по неделе нет кино, так и завклубом, и молодежь – все у меня. Библиотека выписывала много журналов и семь газет. Директор звал меня «ходячая энциклопедия». И когда проводили праздник в совхозе, награждали своих рабочих, и мне одной он дал 300 рублей, говорит: «Нина Ивановна – это «ходячая энциклопедия», и земляной пай мне дал 18 га. А я, если нет кино, засобираюсь домой, а молодежь: «Нина Ивановна или тетя Нина, посидите» и я сижу. Я была в каждой бочке затычкой.

Даже пришлось мне, как депутату, обращаться к космонавту Валентине Терешковой. У доярки Дрянных Нели посадили мужа в тюрьму, он при драке убил насмерть мужчину. А жена работала дояркой, и на неё свалился тюк сена весом 5 кг, она искалечилась, а дома двое маленьких детей. И просьбу удовлетворили, мужа выпустили.

Всякие приходилось решать дела, и делить супругов, и мирить. Участвовала в художественной самодеятельности, даже ездили в другие деревни. О нашем «красном уголке» писала краевая газета «Красноярский рабочий», а обо мне написали десятки статей.

Сколько наши дети не учились — я секретарь родительского комитета, сколько не работал женсовет, я и председателем была, и секретарем, Секретарь товарищеского суда, заседатель народного суда. Трижды избиралась депутатом поселкового совета, и уже была на пенсии, и еще директор совхоза Шмидт Андрей Андреевич меня выдвинул, но я отказалась.

Какое было здоровье, и сколько было энергии! Бывало, до трех часов сижу, сколько связала и вышила всего: связала шторы, скатерть, трое кружавов к простыням, две безрукавки, напряла и связала около 70 пар носков и рукавиц, шила козлиные дохи и одну соболью. Вышила картину метровую «Три богатыря»; портрет Ленина; сирень в вазе на столе; дорожку;

царевич Гвидон убивает коршуна и стрелы, а рядом плавает лебедь; арку; олень в лесу4 белка под елью орешки грызет; кругом звезды, месяц, лес; два полотенца; простынь, покрывало, накидку, мужскую рубашку и женскую кофту, наволочки. Связала прошвы к наволочкам.

И на все это хватило мне сил. Сколько пришлось за жизнь поделать, пока детей вырастила, заготовляли кисти ковыльные по много тысяч, машинами возили в город, сдавали на цементный завод по 59 копеек за штуку. Сена накашивали по 350 центнеров руками и сдавали в совхоз. Я и платья шила людям на ферме Ямской.

Я веду блокнот о всех умерших с 1961 года в нашей деревне: номер по порядку, дата, год рождения, Ф.И.О, от какой болезни умер. У нас с 1961 года умерло уже 404 человека.

Мой трудовой стаж беспрерывный 45 лет и 4 месяца. Я передала библиотеку 2 ноября 1988 года. И еще хочется сказать, у меня в библиотеке было много цветов на красивых магазинных подставках. Библиотеку приняла учитель-биолог с высшим образованием. Прихожу через несколько дней, смотрю – цветов нет, все выкинула на мороз.

Ни «молнии», ни «боевые листки», ни животноводство сейчас библиотекаря не касаются. Письмо некому написать, заявление. Все, бывало, ко мне идут. Года три, когда меня встречали механизаторы или животноводы, говорили: «Теперь мы никому не нужны», а по школьному переулку вообще, боялась ходить, дети как бегут, так вешаются мне на шею, боюсь, уронят.

Сейчас библиотекарь второй после меня работает. Она, как все рабочие, и огонька в библиотеке не увишишь.

С 1982 по 2006 годы была секретарем совета ветеранов, но отказалась, болят ноги, колени и плечи, ходить далеко. Два года уже в магазин сама не хожу. Болезней букет: нарушение мозгового кровообращения, сахарный диабет, ишемическая болезнь сердца, хронический бронхит, хронический

холецистит. Хорошо, что сама в медицине немного разбираюсь.

Вырастили и воспитали мы четырех дочерей и сына мужа от первого брака, 10 внуков и 8 правнуоков. Все четыре зятя украинцы, всех дочек развезли. Сын мужа от первого брака – Новиков Валерий Сергеевич, с 26 июля 1948 года рождения, окончил высшую партийную школу и Минскую академию, два высших образования. Служил в Мурманске политруком на крейсере, полковник, капитан первого ранга, живет в Москве жена инженер по атомным станциям.

Еще немного о себе: в 1973 году отпраздновали серебряную свадьбу скромно. Дома, среди родных и друзей. В 1998 году – золотую, торжественно, в клубе. Сейчас уже и забыла: построили учеников в два ряда с флагами, и мы проходили сквозь, разные игры, викторины, концерт, чествования, поздравления и торжественная регистрация брака. Снимала кинокамера, дали нам пленку, в сельскую администрацию и в музей снимали киноаппаратом на фотографии, плясали, песни исполняли, муж даже «яблочко» отчубучил. Затем всех пригласили к нам. А наш хороший друг, художник и поэт Чубаров Владимир Иванович, царствие ему небесное, скончался уже, написал красивый плакат, два метра длиной, фломастером:

...По Даурску в день ненастный

Шел танкист – боец прекрасный.

Танк оставил на войне,

В нем не раз

Горел в огне.

Пол-Европы в танке смело

Бился он за наше дело.

За Россию – нашу мать

Пришлось парню воевать.

...А навстречу Нина шла,

Взглядом так и обожгла.

Сергей вдруг остановился,

Про себя перекрестился
И сказал: «Ах, в добный час,
Встретил, Ниночка, я вас.
Та украдкой улыбнулась
И рукою отмахнулась:
«Коль не шутишь, друг ты мой,
Так пойдем сейчас со мной.
Так три дня они встречались,
На четвертый обвенчались.
Свадьбу всем селом гуляли,
Мира, счастья, пожелали.
После свадьбы, как обычно,
Сидеть дома непривычно –
И пошли они в лесок,
В рощу зеленую,
И нашли они в леске
Вот судьбу такую.
Там, где пели соловьи,
Где цвели цветочки,
Появились у них
Дочки, дочки, дочки...

А бриллиантовую свадьбу отметили 5 июня 2008 года, поскромнее. Нам предлагала администрация отметить торжественно, но мы отказались. На улице все время шли дожди, так мы сделали в большой комнате столы по три метра, буквой П, и сидения из теса, купили одинаковых kleenok 15 метров, пригласили 32 человека, а прибыло всего 20, надо было отмечать в воскресенье, оказывается, в субботу был рабочий день. Старшая дочь Людмила по всем правилам руководила свадьбой, задавались разные вопросы жениху и невесте: «Помнишь ли ты, в чем была первый раз одета жена и чем понравилась тебе?»; – и мужу: «Как познакомились? Я запомнила один свой ответ: «Горит в поле огонек – сидит дома муженек, и в жару и в

люту стужу неуютно мне без мужа. Завалюся на него – не боюся ничего. Муж не ворона – жене оборона!»

Муж мой Соколенко Сергей Иванович, рождения 7 октября 1922 года, кончал курсы пчеловода, затем при Рыбинском институте, Рязанской области, закончил заочно курсы пчеловодов. Работал пчеловодом, а потом до 1989 года – кладовщиком на стройке. В войну прошел от Ленинграда до Берлина, дважды ранен и сейчас 11 осколков в голове, немцы кинули гранату в открытый люк танка, хорошо, что он был в танкошлеме. Он танкист – командир орудия, сержант. Участвовал в Курском сражении, в одном бою подбил 4 немецких танка, на стволе одного было 16 колец (столько подбил он наших танков). Награжден орденом Красной Звезды, Отечественной войны I степени, Орденом «Знак почета» (за работу), и много медалей.

... Мы жили и работали не так, как сейчас. Бывало, за осень по гектару каждая с женщинами выкапывали совхозной картошки, а летом на воскресники ходили. Косили, заготавливали сено, а теперь полдеревни инвалиды, ничего не делают, не работают, а получают пенсии, а дома все делают, да воруют; дебильные, а воровать ума хватает.

Нас несколько раз обворовали, все четыре замка сломали, ничего не держит. Вот до чего дожили. А бывало, и двери не замыкали люди, пойдешь с переписью, то пробой накинут, то так замок с ключом висит.

Сейчас ни свиньей не выпусти, не найдешь, пропадет и скот любой крупнорогатый. Ни вилы, ни лопаты не оставь на улице, ни ведро не найдешь. Смотришь по телевизору, и кажется, что ни одного честного человека не осталось в стране, одни преступники. А молодежь совсем развратили, на сцене полу голые чуть ли не в плавках поют, искривляясь совсем. Секс открыто пропагандируют, пятилетний ребенок смотрит и говорит: «Надоел этот секс». Выступают девушки, на конкурс не прошла, говорит: «Хотя и не прошла, но я все равно сексуальная...». А теперешняя молодежь – все «звезды», подхватят какое-нибудь предложение и повторяют

по пять раз одно и тоже. Вот [прежние наши] певцы – любо посмотреть: Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Валентина Толкунова, Людмила Сенчина, одеты скромно, стоят спокойно, песни исполняют хорошие.

Извините, пожалуйста, если я не права.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕВОЧКИ.

Воспоминания Соловьевой (Преображенской) Тамары Борисовны*

Соловьева (в девичестве Преображенская) Тамара Борисовна родилась 29 февраля 1936 года в городе Орджоникидзеграде. Перед войной его переименовали в Бежице, потому что Серго Орджоникидзе застрелился. После Великой Отечественной войны город был настолько разорен, что его не стали восстанавливать и теперь это Бежецкий район города Брянска.

• • •

Я родилась в семье рабочего. Мои родители: Преображенский Борис Андреевич, родился в 1905 году, мама, Преображенская Ольга Павловна, в девичестве Башилова , 1910 г.р.. Папа родился в большой семье, жил в Подборовье Тверской губернии, Ржевский район. Отец моего отца был урядником. Дальний- дальний предок моего дедушки Андрея служил в Преображенском полку (прапрадед). Папины братья – интелигенты, старший Сергей – преподаватель гимназии до революции, в советские времена директор железнодорожной школы г. Брянска и завгороно г. Брянска, у них Женя сын, погиб при обороне Ленинграда в первые месяцы войны. Второй брат – Леонид – офицер царской армии, жил в Питере, воевал в ВОВ, дошел до Берлина, вернулся в 45-м году, жили в Ленинграде, умер в 56-м году. Виктор – бухгалтер, жил и работал в г. Ржеве, в 30-х годах скончался. Еще брат Александр – преподаватель, умер задолго до войны, молодым. А младший – мой папа. Дедушка умер, когда папе было лет 15-16, и папа

* Записала студентка КГПУ им. В.П. Астафьева Степанова Варя.

остался с мамой, и поэтому не смог получить образования, революция началась. Папа был комсомолец. Воевал в ВОВ.

Мама из крестьянской семьи. У ее родителей было 6 детей, она была за старшую, всех нянчила. Ее отдали учиться ремеслу. Ее папа, Башилов Павел, привез в Ржев и отдал частной портнихе, учиться. В 20-е годы мама поступила на курсы кройки и шитья, и закончила их успешно.

В это время папа жил в Ржеве и работал рабочим, и в Ржеве они познакомились, и в 30-е годы папа ушел в армию, а мама уехала к родственнице по папиной линии, в Ленинград, и работала на швейной фабрике швеей. Жили они там до 34-го года, или до 35-го года. И мама рассказывала, когда вдруг отключен был свет, остановлено движение, машины на заводе перестали работать – объявили о смерти Кирова. Это был траур. В Ленинграде его любили.

Папа, когда отслужил, сделал маме предложение, но она не хотела уезжать из Ленинграда. Папа уехал в Орджоникидзеград, Орловской области. Устроился на паровозостроительный завод им. Орджоникидзе «Красный профинтерн», снял комнату в частном доме. И привез маму туда.

До меня у родителей был ребенок. Старший брат папы жил в Брянске, недалеко. По выходным ездили в Брянск, к дяде Сереже, я его любила. Он играл со мной, дарил сладости, игрушки. Приглашал к себе на елку, в школу возле железной дороги.

Рабочие сами дома строили, мы с мамой туда еду носили. Осталось только полы настелить и покрасить, и началась война.

У меня была подружка Анжела, она жила в конце нашей улице Октябрьской. К женщине, у которой мы снимали дом, привозили внука Юрочку на лето. Когда рассвело, на второй день войны, над нашей улицей на бреющем полете мы увидели самолет. Я до сих пор помню свастику на крыле самолета. В дом моей подружки он скинул бомбу, она погибла. Мужчины вырыли яму, там была вода, и мы в этой яме прятались. Я успокаивала

Юрочку, говорила «не плачь, не плачь».

Объявили эвакуацию оборудования завода, мама не хотела уезжать. Подошла подвода, папа хватает маму в охапку, сажает, и помчались на железнодорожный вокзал. Долго искали ключи от комода, чтобы ценные вещи взять. Я даже куклу не успела взять, была суматоха. Успели взять только сундук с маминым приданым, но там уже были другие вещи. Потом ключи от комода обнаружили в сундуке.

Уезжали последним эшелоном, последние два вагона семьи, остальные оборудование. Я спросила: «Папа куда мы едем?». Он сказал, что в город Красноярск. В товарном вагоне были нары. Папа был староста нашего, последнего вагона. На крупных станциях папа получал кипяток и сухари. Наш поезд был замаскирован. На одной из станций с нашего вагона начали срывать ветки. Я подумала: какие дяди нехорошие. Переправа через Волгу запомнилась, прожекторы, темно, вода черная. Папа открыл двери вагона. Не помню, где Волгу переезжали. Родители говорили, я забыла. На одной из станций я чуть не осталась, папа бежал с сухарями, и меня надо хватать, поезд пошел, папа меня схватил, впрыгнул.

Наш эшелон прибыл на станцию Злобино рано утром, я спросила у папы, где мы, он сказал – в Красноярске, я сказала, это же не город. На станции обветшалый домик, колодец, и поля, насколько хватало глаз, а направо небольшой поселок, ныне Первомайский. У меня разочарование, что это не город.

И мы, где сейчас ул. Щорса, где стоят гаражи ТЮЗа, разместили огромные солдатские палатки, семье по топчану, соорудили столик. Мужчины и подростки устанавливали оборудование, станки, ставили столбики с названием цеха. Жили мы так до глубокой осени. Когда полетели «белые мухи», дети начали болеть, семьи разместили в Березовском районе, деревни Есауловка и Терентьевка, мужчины раз в неделю-две приходили проводывать.

Жили там все зиму, я болела, чуть ноги не отнялись. Нас с мамой приютили дедушка и бабушка, у которых сын на фронт ушел, организовали детсад. Детей туда, женщины в колхозе работали. Зимой рабочие по ночам строили бараки, чтобы семьи привезти. Когда их построили, все в бараки переехали, а осенью, когда рабочие подвели цеха под крышу, папа с другими ушел на фронт добровольцами со Stalinской бригадой (78-й добровольческой). Папа дошел до Одера, там ранили его, и вернулся из госпиталя в начале мая 1945 года.

Когда папа ушел на фронт, я в детсаду, мама работала в подсобном хозяйстве, одеть было нечего. Был голод, простывали, болели. Я заболела, температура, врачи сказали – надо горячее молоко, мама пальто продала, ходила в тужурке, пошли в Первомайский поселок искать молоко, коров не было у многих, в третьем доме мама попросила молоко. Мы ждали у калитки, и нам крынку молока в ноги вылили и сказали: плохо, что вас фашисты не расстреляли. Оказывается, там жили сосланные кулаки, обозленные на советскую власть.

Уходя на фронт, папа купил новые санки. Где сейчас рынок Злобино, были землянки, там жили люди из Средней Азии, сосланные. Мы, дети, пешком с саночками добираемся до верха и катимся вниз, а у них это потолок. Вышел среднеазиат, наругался и выхватил санки, я так плакала.

Был такой голод. И тут объявление, что Кировский торг организует, кто хочет поехать на заготовку продуктов для фронта на несколько месяцев, до осени. Село Вознесенка Агинского района. Туда же приехали семья сосланных поляков из Хосты – мама, папа, две девочки, Поля и Климка. Жили в двухэтажном доме. Потом две женщины приехали из Ленинграда, одна с мальчиком, другая с девочкой. Мы все в этом доме жили. А внизу сушилка для овощей, в подвале. Заготавливали бруснику, чернику. Сыпят, по сторонам мусор отходит, в бочки, закатывают, без сахара, и отправляют.

Мы там и остались. Мне 8 лет, в школу, во время ВОВ, с 8 лет, так как

дети ослаблены. Когда я заболела, у меня вылез чирий, мама водила меня за реку к фельдшеру, он мне показался очень интеллигентным. Школа была в Преображенке. У меня спрашивали, почему платья короткие и нарядные, одноклассники. Валенки выдали, так как отец на фронте. Но они в бараке были, их, наверно, кто-то забрал. Там было много волков, много двойных огней со стороны гор идет. С бани мама вынесла, дом рядом. Мы вышли – и сарай, и там два огня, волк сидит. Страшно.

Однажды приходит маме документ. Я спросила – почему плачешь, она – папа погиб. Я – нет, мне сон приснился, он в больнице. В начале апреля от папы письмо, он приехал, нас не нашел, и написал нам письмо, чтобы мы выезжали. А как? Одни галошки резиновые, мама сшила тапки из овечки, в этом нас до станции довезли. Приехали, нас встречает на костылях седой человек, сутулый, я папу не узнала. Я привыкла потом. Потом объявили Победу. И когда я пошла в детсад, где была во время войны, нас вывели на прогулку, а недалеко от крыльца девочка в бархатном платье, в белой панаме. Она мне Анжелу напомнила. Это было Нона, до сих пор дружим.

В 45-м году осенью многие хотели на родину, папа маму отговорил. Бесплатно поезд товарный, а некоторые съездили и возвращались обратно в Красноярск. На заводе мужчины – мастера, а так молодежь, некоторые женщины. Когда в младших классах вспоминала дядю Сережу, пришло письмо от тети Мани – он умер. Я решила – стану педагогом.

ВОСПОМИНАНИЯ ЕЛЕНЫ СЕРГЕЕВНЫ СТЕПАНОВОЙ*

Степанова Елена Сергеевна (в девичестве Дубравина) приехала в наш город по комсомольской путевке на стройку КРАЗа в 1956 г. У нее было очень тяжелое детство. О нем она нам и поведала.

*

Записала студентка КГПУ им. В.П. Астафьева Степанова Варя

Родилась Елена Сергеевна 8 июня 1931 года в деревне Корочка Курской области. Война началась, когда ей было 10 лет. Очень быстро враг подступил к Курской области, на этом направлении фашистская армия состояла из румынских дивизий. Из жителей деревни создали небольшое формирование Красной Армии, наскоро обучив и кое-как вооружив жителей деревни. В это формирование был призван и отец Елены Сергеевны, Сергей Петрович Дубравин. Он рассказывал, что на нескольких солдат у них было одно ружье. В первом же бою они были разбиты и взяты в плен. Пленные были отправлены в концлагерь.

Маленькая Елена познала все ужасы оккупации – голод, издевательство и унижения. Самое обидное для жителей деревни было то, что многие их односельчане стали фашистскими полицаями и сводили старые деревенские счеты, пользуясь своим положением. Но большинство жителей деревни надеялись и верили в победу, помогали партизанам. Мама Елены, Варвара Сергеевна Дубровина, была повешена на глазах у двух маленьких дочек, Елены и ее младшей сестры Марии, полицаями за то, что укрывала и лечила раненого партизана. Девочек пытали, чтобы они рассказали все, что знают. Елена Сергеевна показывала нам искалеченные пальцы на руках. Но девочки под пытками ничего не могли им рассказать, так как сами ничего не знали.

Вскоре после освобождения деревни вернулся бежавший из концлагеря отец. Пробираясь лесами в деревню, Сергей Петрович вернулся весь больной и израненный и вскоре умер от ран и болезней.

Елена Сергеевна осталась с младшей сестрой на руках на попечении старенькой своей бабушки Ульяны. После окончания войны Елена Сергеевна с сестрой Марией Сергеевной уехали на заработки в Москву. Чтобы малолетнюю девочку приняли на работу, получая паспорт, Елена Сергеевна приписала себе недостающие два года, и сейчас в ее паспорте указан 1929 год рождения. Елена Сергеевна, чтобы прокормить себя и свою сестру, работала домработницей, нянькой, прачкой. Сестра в это время училась,

оканчивала среднюю школу, тогда как Елене Сергеевне не удалось получить даже среднего образования, за ее плечами были 2 класса начальной школы, в которых она училась до войны.

Когда младшая сестра начала работать и обеспечивать себя сама, Елена Сергеевна уехала по комсомольской путевке в Сибирь на строительство Красноярского алюминиевого завода. Приехавшие со всех концов России строители КРАЗа сначала жили в солдатских палатках на месте военного стрельбища в степи. Как вспоминает Елена Сергеевна, там было очень много волков. Но очень быстро для них был построен поселок Индустриальный, которого сейчас уже нет. А тогда это был очень хороший поселок, в котором, было все необходимое: больница, садики, школа, кинотеатр. И Елена Сергеевна получила комнату в двухкомнатной квартире в благоустроенном двухэтажном кирпичном доме. Вторая комната досталась молодому рабочему, приехавшему из Карелии, Степанову Михаилу Ивановичу. Это была их судьба, вскоре они поженились.

**РАССКАЗ УКУСНИКОВА КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА,
ЭКСКУРСОВОДА МУЗЕЯ ПРИРОДЫ И ЭТНОГРАФИИ ФГУ
«ЗАПОВЕДНИК ТАЙМЫРСКИЙ» (ХАТАНГА)***

Я родился 15 мая 1936 года в Попигайской тундре. Тогда еще не было поселков. Все люди в тундре были кочевниками.

Когда началась война, мы кочевали в тундре. Все тундровики узнали об этом позже. Осенью только узнали. Связи ведь тогда не было никакой. В школу детей привозят на оленевых упряжках 25 августа. Вот тогда только узнали, что война началась. И то не понимали, что за война. Люди неграмотные были тогда. Но все-таки там были люди, приехавшие с района, которые объясняли, что за война. Собирали на помощь войны. Вещи теплые

*

Записал аспирант КГПУ им. В.П. Астафьева Бахтин Сергей Александрович.

шили. С Кожевниково возили на оленых упряжках продукты, меняли на теплую одежду: шубы, ушанки, бакари, рукавицы, чижи. Все это шло на помощь солдатам. Мои родители помогали, возили продукты по этому пути. Много это забирало сил. Я помогал матери ставить чум, учился аргишить.

Я рос охотником-оленеводом с малых лет. Нигде не учился. А 1953 году меня насильно женили. Договорились с одной семьей. Девушка после четырех классов ушла из школы. Тогда родители стремились не отдавать детей в школу, чтоб они в тундре помогали. Родители договорились: «Давай поженим наших детей». Таким способом в 1953 году я женился на шестнадцатилетней девушке. Мы не знали друг друга и долго привыкали друг к другу, но из-за уважения к родителям не могли нарушить их желание. Жили так. Потом постепенно подружились. Через три года у нас только ребенок появился.

В 1958 году умер отец. Гонялся за дикими оленями, и у него остановилось сердце. Его нашли случайно: с другой точки охотники поехали в поселок за продуктами, они обнаружили верхового оленя отца, он гулял вместе со стадом диких, кормился вместе с ними. Они поехали по следу отца. Хорошо, что пурги не было. След довел до того места, где он санки оставил. Тогда ведь с оленем-манщиком охотились. Он оставил санки и пошел с оленем-манщиком. Когда оленя дикого увидят, то пешком с оленем-манщиком ходят. В это время он устал, остановился. Еще успел два раза стрельнуть и упал. Так его и нашли.

Меня тогда отправили на другой охотничий участок. Позже назначили бригадиром комсомольской оленеводческой бригады... .

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОЖИЛОВ г. НОРИЛЬСКА, УЧАСТНИКОВ ТРУДОВОГО ФРОНТА*

Потапова Тамара Михайловна

Родилась 15 марта 1920 г. в с. Ворогово Красноярского края. В Норильске с 1942 года. Приехала по комсомольскому набору. Отработала на механическом заводе 31 год. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ветеран труда. Умерла в 2001 году в Норильске.

• • •

Нам, 45 девушкам, отвели под жилье бывший барак заключенных, где была печка и двухэтажные нары. Работала на механическом заводе, сначала табельщицей, потом слесарем в цехе. Рядом работали заключенные. Многие были осуждены по 58-й статье. Хорошие люди, опытные специалисты. Работали мы на совесть.

Помогали фронту не только своим трудом, но и почти всю заработную плату отдавали на облигации военного займа. 9 мая 1945 года только зашла в цех – девчата бросились обнимать, целовать. Кричат: «Война закончилась!». Не верилось. Единственный день, когда никто не работал.

День Победы – мой праздник, заработанный.

Литвинова Нина Федоровна

Родилась 10 декабря 1926 г. в с. Чебокса Татарской АССР. В Норильске с августа 1944 г., приехала по набору из Красноярского края для учебы в техникуме. 37 лет проработала на Норильской обогатительной фабрике. Награждена медалью «За трудовое отличие», юбилейными медалями. Ветеран труда. Умерла в 2002 г. в Норильске.

• • •

*

Материал представила Толмачева А.В., канд. ист. наук., доцент КГПУ им. В.П. Астафьева

Техникум находился на улице Октябрьской. Преподаватели там были замечательные. Минералогию преподавал Федоровский, Верабян – химию, Букин – механику, Чащин – физику. На лекции ходили с удовольствием.

Любимцем всех студентов и преподавателей был военком Ангарский – очень эрудированный человек, в совершенстве знающий несколько языков. Он сам рисовал военные карты для лекций, мы, студенты, - могли слушать его без конца. Даже троек по его предмету ни у кого не было. Он ввел строгую дисциплину в техникуме. Каждое утро – линейка. У студентов была единая форма цвета хаки. У девушек – бледно-фиолетовая кофточка, бабочка. У ребят – китель. Без формы нельзя было приходить на занятия. Нам всем запомнились слова преподавателя Чашина: «Где нет формы, там нет содержания».

9 мая все студенты, преподаватели собирались в вестибюле, и военком объявил о победе. Мы плакали, обнимались. Вечером был праздничный ужин, танцы. Приезжала концертная бригада одного из лаготделений. Нам тогда выдавали карточки на завтрак, обед, ужин. По ним была положена пачка табака раз в месяц. Так мы табак или продавали, или берегли для концертной бригады. Через несколько дней после Дня Победы нам выдали каждому по большой металлической банке сгущенного молока. Это лакомство я попробовала первый раз в своей жизни. В общежитии в тот день очень плакала. Жаль было, что не все вернутся с фронта. День Победы для меня – это самый великий праздник.

Нардина Зоя Яковлевна

Родилась 29 июля 1927 г. в с. Иннокентьевка Красноярского края. На Севере с 1936 г. (Игарка – Норильск - Волочанка – Дудинка – Норильск). В управлении торговли г. Норильска проработала 46 лет. Ветеран труда. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

• • •

В 1945 году жила в Дудинке. Работала товароведом на базе промышленно-продовольственных товаров Дудинского порта, была секретарем комсомольской организации и членом комитета комсомола Дудинского порта. Секретарем был Николай Арчиков. А так как Политотдел находился в Норильске, то на все отчетно-выборные собрания, конференции приходилось ездить в Норильск в вагончиках по узкоколейке. Ребята с собой в дорогу брали лопаты, и если много снега, выходили и сбрасывали его с дороги.

День Победы хорошо помню. В это время с 8 по 11 мая 1945 года все комсомольские организации Дудинского порта были откомандированы на лесной участок для освобождения леса от снега. Днем работали, вечером уходили домой. Хотя и трудно было, но работали весело, с комсомольским задором. День 9 мая выдался ярким, солнечным. Первый такой теплый день в мае. Приехал Арчиков, по-моему, он и сообщил нам радостную весть – Победа. Всех отпустили по домам.

Вечером, нарядные, вышли на улицу - всюду народ, поют, пляшут, гармошка играет. У всех слезы радости на глазах.

У нас дружная комсомольская организация была, активная. Мы и концерты давали, и инсценировки показывали. Отработаем смену – и в клуб Дудинского порта, а то прямо на улице поем и пляшем. Я и сейчас не могу без песен и танцев.

Лудильщикова Зинаида Афанасьевна

Родилась 30 декабря 1922 г. в с.Прииск-Центральный Красноярского края. В Норильск приехала в 1942 г. по оргнабору. 36 лет проработала на ТЭЦ-1. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ветеран труда.

• • •

Когда плыли пароходом, люди говорили: «Куда вы едете?. В Норильске одни заключенные». Пугали. Некоторые девчонки даже плакали. Из 105 человек нас было 100 девушек. Встретили нас хорошо. Расселили по баракам, где жили бывшие заключенные: буржуйка посередине, мы ее углем топили. Всех распределяли по объектам. Меня направили на ТЭЦ, в топливно-транспортный цех. Транспортерщицей, потом машинистом дробилки. Работали по 8 часов, без выходных. Было ли тяжело? Терпимо. Начальником цеха был Побединский. Он еще преподавал на курсах у нас. Мы занимаемся часа 2 – и на работу. Работа транспортерщицы - следить за подачей угля на транспортер. Если засыпало через вверх, надо было немедленно отключать его.

После работы ходили в кинотеатр «Луч». Там выступали артисты из лаготделений, приезжие с Красноярска. Помню, как в ДИТРе за хорошую работу выдавали подарки: платья, шторы, американскую обувь. Мы потом форсили в нарядных платьях на танцах.

Колесникова Агния Георгиевна

Родилась 20 декабря 1927 г. в с.Тюльково Красноярского края. В Норильске с июля 1943 года. Приехала по путевке ФЗО. Работала на никелевом заводе. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.». Умерла в 2009 г.в Норильске

• • •

В сентябре 1943 г. закончила курсы. Получила специальность – помощник машиниста турбины 8 разряда. Хотели направить меня на ТЭЦ, но была маленького роста, и не было еще 16 лет. Направили на ВЭС-2. Работали по 8 часов, посменно. Записывала через каждый час показатели температуры и уровня давления воды. Получала зарплату 900 рублей. В то время все товары были по карточкам. Денег хватало на продукты и необходимую одежду: то отрез куплю, то платье. Помню, шубка была у

меня меховая. Легкая такая, я ее долго носила.

9 мая 1945 года было тепло, все таяло. Пришла сменщица, она и сказала: «Победа». Поплакали с ней. Муж у нее погиб на фронте. Конечно, радость была, гуляли все по улице. В клубе шахтеров, ДИТРе были танцы.

Пирог Надежда Владимировна

В Норильске с октября 1942 г. Ветеран труда. Почетный житель Таймырского национального округа. В военные годы работала медсестрой хирургического отделения городской больницы.

• • •

Это было 2-этажное здание с пристройками, рядом с ДИТРом. Роддом, хирургия, терапия - все было в одном здании. Мне было тогда 20 лет, очень любила свою работу. И коллектив был дружный. Врачи очень опытные: Розенблюм, Шишгин, Гейнц. Все бывшие заключенные, осужденные по 58-й статье. Главным врачом был Родионов Владимир Евстафьевич – заключенный из Дудинского лагпункта. Он очень хороший врач был, уже тогда делал операцию на сердце. Одного вольнонаемного привезли с ножевым ранением. Родионов спас его. Не отходил от него ни на минуту. Наркоз использовали эфирный, другого не было. Маску в руках приходилось держать всю операцию.

9 мая 45-го была дома, когда по радио передали сообщение о Победе. Жила я тогда на улице Севастопольской в 2-этажном кирпичном доме. Помню, что все вышли на улицу, обнимались, целовались. В тот день в драмтеатре шел спектакль «Жди меня» К. Симонова. Спектакль очень хороший. В то время и на концерты ходили. Руководил самодеятельностью Джон Татьян, заключенный Норильлага, участник художественной самодеятельности 4-го лаготделения.

Сапрыкин Г.И., Почетный гражданин г. Норильска

Родился 1 августа 1910 г. в с. Петрово Курской обл. В Норильск прибыл в числе первых шестнадцати буровых мастеров с Курской магнитной аномалией в июле 1935 г. Один из создателей геологической службы комбината. Неоднократно встречался с А. П. Завенягиным. С 1935 по 1990 гг. работал в геологоразведке, впоследствии НКГРЭ. Награжден орденом Ленина, медалями «За трудовую доблесть» и др., кавалер орденов Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Почетный гражданин города Норильска.

Умер 30 сентября 1998 года в Норильске.

• • •

Это 1942 год. Фотография была сделана в клубе профсоюзов на Нулевом пикете, где тогда проходили производственные собрания.

В президиуме – руководители комбината. Первый слева – директор Панюков Александр Алексеевич. Он руководил комбинатом с 1941 по 1948 год. А.А. Панюков делал все, чтобы в годы войны на оборонные заводы страны (прежде всего Челябинска) уходило как можно больше норильского металла. Рядом с ним К.Д. Васин – начальник горно-рудного управления. Кто

третий – не помню. А вот четвертый слева Семен Григорьевич Цесарский, инженер-полковник. Он был заместителем директора комбината по строительству. Следующий – Вахтанг Козловский – начальник политотдела комбината. Рядом с ним председатель окружкома профсоюза Литвинов.

По какому поводу проходило собрание – догадаться нетрудно. Лозунг «Дадим сверх годового плана 500 тонн никеля в фонд обороны» говорит сам за себя. Всё тогда было для фронта, всё для Победы.

Собрания такие проходили обычно в переполненном зале. Присутствовали только вольнонаёмные. Но и для бывших заключённых такие собрания проводили. А вообще, агитировать работать лучше и не надо было. Был такой производственный подъём… Огромный производственный подъём. Все действительно старались работать лучше, слаженнее, дружнее. Да и народ сам был очень дружный. Большинство, конечно, тогда лагерников работало. Но именно в годы войны комбинат увеличил выдачу никеля, стал выдавать медь, кобальт. Хорошая работа норильчан отмечалась переходящим Красным знаменем Государственного комитета обороны.

***Война, Победа, Память:
подвижнический подвиг краеведов***

**ВКЛАД КРАСНОЯРСКИХ КРАЕВЕДОВ
В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ**

(на примере Н.И. Валуева)

Краеведение в периоды быстрой трансформации социальных групп выполняет двоякую функцию. С одной стороны, оно призвано изучать родной край с тем, чтобы способствовать его реформированию, с другой – оно выступает как один из адаптивно-стабилизирующих факторов в нестабильном обществе. Знание своей истории, чувство «малой родины», гордость за земляков укрепляют уверенность человека в своем настоящем и будущем.

Исследования красноярских ученых способствовали преодолению старых подходов к содержанию учебных программ, учебников по истории родного края, содействовали применению на практике многофакторного подхода к истории. Созданный в начале 1990-х гг. Союз краеведов России,

который возглавил крупный ученый-историк, академик РАО С.О. Шмидт, выступил координатором по разработке федерального учебного плана для школ, на основе которого сформулирован региональный план, предусматривающий реализацию национально-регионального компонента и использование материалов краеведения.⁵⁵ Составлены учебные программы с краеведческим содержанием, в том числе углубленных и факультативных курсов по истории края, местных этносов, их культуре, интегрированных курсов краеведения и т.д. Учеными кафедры отечественной истории КГПУ им. В.П. Астафьева изданы учебники и учебные пособия по истории родного края: «Красноярье: пять веков истории» (в 3 т.), «Красноярск: этапы большого пути», хрестоматии, рабочие тетради, карты, пособия на электронных носителях. Материалы краеведения систематически публикуются в средствах массовой информации. Ежегодно сотрудники кафедры выступают организаторами международных и всероссийских научных конференций: «История образования, науки и культуры в Сибири», «Мартыновские чтения», интернет-конференции «Сибирский субэтнос» и многих др., участниками которых являются красноярские краеведы, учителя, школьники, студенты. Предмет их исследований – общественные процессы в крае: деятельность многих поколений жителей края в ее развитии, во всех многообразных ее проявлениях и результатах, события локальной истории. За минувшее десятилетие значительно расширилось «поле» краеведения: шире стали использоваться архивные документы, в том числе бывших закрытых фондов, материалы «спецхранов» музеев и библиотек, личные архивы. Одним из ключевых направлений исследований остается изучение конкретных человеческих судеб, в первую очередь «близких» людей — земляков и членов семьи, изучение повседневности — обыденной жизни с ее живыми подробностями. Появилась возможность слушать и записывать воспоминания и рассказы тех, кто многие годы вынужден был молчать.

⁵⁵ В разработке региональной концепции принимали участие профессор кафедры отечественной истории КГПУ им. В.П. Астафьева Г.Ф. Быкона, доценты Л.Э. Мезит, Б.Е. Андюсов.

Неоценимый вклад в изучение социально-экономических, общественно-политических, культурных связей и отношений региона внесли красноярские краеведы. Как правило, это добрые, благожелательные наблюдатели за жизнью города, его бытописатели, хранители подобных, достоверных фактов. Но сбор краеведческой информации не является для них самоцелью. С присущей им наблюдательностью краеведы представляют каждую деталь прошлой жизни, спешат донести её до каждого из нас. Все запечатленное ими по праву можно считать энциклопедией прошлого, основанного на большой любви к родному городу. Большую роль в этом направлении играют краеведческие общественные объединения, массовые библиотеки и, конечно же, все звенья образования на местах. Велика значимость личности краеведов, таких как автор книги «Вся красноярская власть» и десятков очерков по истории края, инициатор создания красноярского литературного музея Леонида Павловича Бердников; заслуженный учитель России, автор многих книг (в том числе «Край причудливых скал» и «Столбы») Иван Филиппович Беляк; основатель Назаровского краеведческого музея, автор более ста очерков и статей Петр Васильевич Зарубкин, публицисты Михаил Федорович Величко и Иван Тихонович Лалетин, фотограф Игорь Венюков и многие другие.

Одним из них был наш земляк Николай Иванович Валуев. Он родился 15 декабря 1918 г. в Красноярске. Юность Николая Валуева была полна веры и надежды на светлое будущее: в 1931 г. был принят в комсомол, в 1939 г. — в партию. «... Воспоминания своего октябрятско-пионерского периода жизни, память о людях, с которых брали пример, на которых хотели походить, дробь пионерских барабанов и горна и сейчас, в 53 года, — писал Н.И. Валуев в своих воспоминаниях в 1972 г., не оставляет равнодушным, заставляет учащенно биться сердце, с особой теплотой вспоминать это золотое время и

замечательных людей — комсомольцев и коммунистов тех дней и выверять по ним свой шаг».⁵⁶

До 1940 г. Н.И. Валуев работал на заводе им. Побежимова управления полярной авиации. Затем был призван на действительную службу в ОККА, зачислен курсантом Свердловской школы пилотов, находящейся в прямом подчинении штаба ВВС Уральского военного округа. В сентябре 1942 г. приказом №00371 по Уральскому военному округу Свердловская военная школа пилотов была преобразована в 143-й Гвардейский штурмовой авиационный полк, где и был оставлен в должности моториста. С 1941 по 1945 гг. сражался на фронтах Великой Отечественной войны и дошел до Берлина. Н.И. Валуев всю войну прослужил в авиационных войсках, награжден 18-ю медалями, многими грамотами, в том числе редкими для тех времен — за подпись командующего войсками Первого Украинского фронта, маршала Советского Союза И. Конева (июль 1945 г.) и командующего воздушной армией генерала-полковника авиации Красовского (Вена, 1946 г.). Согласно Указу Верховного Совета от 20 февраля 1946 г., гвардии сержант Н.И. Валуев Н.И. был демобилизован из рядов РККА и вернулся в родной Красноярск.

По возвращении с фронта работал в должности инспектора Государственной инспекции по торговле Красноярского края (с 1950 по 1957 гг.). Затем почти 20 лет проработал в сборочном цехе завода комбайнов.

Николай Иванович был активнейшим членом красноярского клуба «Краевед» и членом экспертного совета при Центре по охране памятников. Краеведению он посвятил всю свою жизнь. Это увлечение началось еще со школы. Он стал краеведом не столько по долгу службы, сколько по велению души. На заседаниях Совета часто разворачивались «лихие схватки» по спасению исторических зданий Красноярска, которые городские власти предписывали к сносу. Краеведы предпринимали все возможные шаги для

⁵⁶ Домашний архив семьи Валуевых.

спасения памятников деревянного зодчества. Н.И. Валуев, всегда доброжелательный, улыбающийся, готовый прийти на помощь, твердо стоял на защите памятников. «...Вы счастливо сочетаете душевность, энергию, решительность, молодую неуспокоенность комсомольца, ...с такой же энергией беретесь за решение, и решаете многие вопросы охраны и сохранения памятников истории и культуры, вопросы социального развития своего микрорайона. В эти сложные и трудные дни Вы являетесь для нас примером беззаветной любви к нашей Родине, к своему краю», — так писали о Н.И. Валуеве зам. начальника управления культуры Крайисполкома В.М. Мартынов и зам. председателя Краевого отделения ВООПИК Е.Г. Ротанова.

Справедливо утверждение: знать людей эпохи, их взгляды, помыслы, думы, идеалы — значит понять саму эпоху, саму историю. Краеведение объединяет людей различных политических взглядов, возрастов, профессий, увлечённых одним общим делом — изучением родного края. Свои знания, свою любовь к малой родине они стараются отдать нам. Они постоянно в поиске.

Красноярские краеведы способствуют решению задач социальной адаптации молодежи, формированию у них готовности жить и трудиться в своем районе, городе, крае, участвовать в их развитии, социально-экономическом и культурном обновлении. Историческое краеведение — это история людей; корни человека — в истории и традициях своей семьи, своего народа, в прошлом родного края и страны. Из поколения в поколение передаются непреходящие ценности, такие как трудолюбие, честность, справедливость, чувство национального достоинства, уважения к старшим поколениям, долга, милосердия, чувство хозяина, а труд был и остается основным источником духовного и материального богатства человека, условием успешного развития общества.

Валуева Т.Н., Ценюга И.Н.,
КГПУ им. В.П. Астафьева

• • •

СЛОВО О КРАЕВЕДЕ: ВАЛУЕВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ*

Отец — Валуев Иван Петрович, родился в 1891 году в крестьянской семье, в Московской губернии, Звенигородского уезда.

Мать — Валуева Таисия Александровна, родилась в 1892 году, тоже в крестьянской семье, село Колыон Томской области.

Основное занятие родителей моего отца, до и после революции - работа по найму. До революции Иван Петрович с 10 лет, работал учеником московских ремесленных мастерских. Приехав в Красноярск в 1914 году, служил конторщиком в магазине П.И. Гадалова. В 1915 году был мобилизован на военную службу, как работник ополчения, зачислен в 1-ю роту 30-го Сибирского запасного стрелкового батальона. В мае 1917 года, в составе батальона был отправлен на Юго-Западный фронт действующей армии. В октябре 1917 года прибыл в город Красноярск и распоряжением коменданта города, после отпуска, направлен писарем в местный военный госпиталь, откуда в феврале 1918 года был демобилизован по возрасту.

Долго болел тифом, а после выздоровления работал бухгалтером-экспертом, бухгалтером-ревизором. С 1938 по 1941 гг. работал в тресте Севполярлес, затем бухгалтером Красноярского Крайрыболовпотребсоюза. Инвалид III группы. Общий стаж работы по найму 37 лет. Умер в возрасте 55 лет от роду, в феврале 1946 года.

Мать, Таисия Александровна, с 13 лет работала в буфете П.И. Гадалова. По найму проработала около 20 лет. С 1939 по 1946 гг. работала в детской больнице. В семье воспитывалось двое детей — Николай и Вера.⁵⁷ Их

* Записала Валуева Татьяна Николаевна, зав. кабинетом истории КГПУ им. В.П. Асафьева.

⁵⁷ Вера Ивановна Валуева-Заблоцкая (1921 г.р.) в прошла Великую отечественную войну в чине майор медицинской службы , работала хирургом в лагерях УИТЛК МВД в городе Красноярске.

судьбы созвучны: юность прошла на фронтах Великой Отечественной войны, а трудовая биография связана с Красноярском.

Сестра — Валуева—Заблоцкая Вера Ивановна, родилась в 1921 году, участник Великой Отечественной войны, майор медицинской службы, работала хирургом в лагерях УИТЛК МВД в г. Красноярске.

Кратко изложить биографию отца, Валуева Николая Ивановича, можно так: родился в годы революции, юность прошла на фронтах Великой Отечественной войны, а трудовая биография связана с городом Красноярском, с заводами имени Побежимова и комбайновым.

Теперь более подробно.

Валуев Николай Иванович, родился 15 декабря 1918 года, в городе Красноярске. Участник Великой отечественной войны, гвардии сержант, всю войну прослужил в авиационных войсках, награжден 18-ю медалями, многими грамотами, в том числе редкими для тех времен грамотами за подписью командующего войсками Первого Украинского фронта, маршала Советского Союза И. Конева (июль 1945 года) и командующего воздушной армией генерала-полковника авиации Красовского (город Вена, 1946 год).

В 1946 году вернулся в родной Красноярск и больше его не покидал. А начиналась трудовая деятельность отца в июне 1936 года старшим пионервожатым пионерских лагерей детей военнослужащих Красноярского гарнизона (проработал весь сезон).

Всю жизнь вокруг Николая Ивановича кипела бурная жизнь. В 1931 году он был принят в комсомол, с 1940 года, — член КПСС. До 1940 года отец работал на заводе имени Побежимова управления полярной авиации до ухода на действительную службу в армию.

С 1940 по 1946 годы — служба в рядах Советской Армии, демобилизовался согласно указу. Работая на заводе, служа в армии, он всегда и везде оставался отчаянным агитатором-пропагандистом.

Начиная с сентября 1940 года Николай Иванович — курсант

Свердловской школы пилотов, находящейся в прямом подчинении штаба ВВС Уральского военного округа.

С 1941 по 1945 год сражался на фронтах Великой Отечественной войны и дошел до Берлина.

В сентябре 1942 года приказом №00371 по Уральскому военному округу Свердловская военная школа пилотов была преобразована в 143-й Гвардейский штурмовой авиационный полк, где и был оставлен в должности моториста, гвардии сержанта для прохождения службы в армии, и, так до июня 1946 года, когда согласно Указу Верховного Совета от 20 февраля 1946 года гвардии сержант Н.И. Валуев был демобилизован из рядов РККА и вернулся в родной Красноярск.

По возвращении с фронта работал по направлению в Государственной инспекции по торговле в Красноярском крае в должности государственного инспектора в течение 7 лет (с 1950 по 1957 год). С 1957 по 1976 год он проработал в сборочном цехе завода комбайнов.

Николай Иванович был активнейшим членом клуба «Краевед» и членом экспертного совета при Центре по охране памятников. Жизнь, как говорится, кипела вокруг него.

По воспоминаниям присутствующих, на заседаниях общественного совета при городском управлении культуры часто разворачивались «лихие схватки» по спасению старых исторических домов Красноярска, которые не дрогнувшей рукой власти предписывали к сносу. Краеведы предпринимали все возможное и невозможное для их спасения. Николай Иванович всегда свои выступления начинал со слов: «Милые вы мои...» или «Дорогой вы мой человек...» — и этим сразу располагал к себе аудиторию. Рядом с ним всегда было легко, спокойно, просто. Это был человек, к которому тянулись люди, возникало желание поделиться с ним своими мыслями, тревогами, выслушать совет. Всегда доброжелательный, улыбающийся, готовый прийти на помощь — таким его помнят все, кто с ним общался.

«...Вы счастливо сочетаете в себе душевность, энергию, решительность, молодую неуспокоенность комсомольца. Мы знаем Вас, как неутомимого труженика, принципиального коммуниста, чуткого и внимательного товарища, отличного семьянина и отца, замечательного краеведа.

И сегодня, когда Вы уже на заслуженном отдыхе, Вы с такой же энергией беретесь за решение, и решаете многие вопросы охраны и сохранения памятников истории и культуры, вопросы социального развития своего микрорайона. В эти сложные и трудные дни Вы являетесь для нас примером беззаветной любви к нашей Родине, к своему краю», — так тепло писали о папе его друзья по ВООПИК, заместитель начальника управления культуры Крайисполкома В.М. Мартынов, заместитель председателя Краевого отделения ВООПИК Е.Г. Ротанова.

У Николая Ивановича можно было найти ответы на многие вопросы, связанные с историей города. Он знал ее не по архивам, а из рассказов старожилов, своих личных наблюдений, потому его рассказы были живыми и эмоциональными.

Телефон в квартире звонил с утра до позднего вечера, и всегда Николай Иванович, несмотря на болезни, другие причины, охотно делился своими знаниями. Его собеседниками были историки, краеведы, журналисты, доктора наук, археологи. Приходилось удивляться и гордиться отцом одновременно: как он, простой рабочий человек, без высшего образования, так легко и непринужденно мог общаться с такими людьми. Любая тема ему была, как говорится, по плечу.

Многие его рассказы, события нашли свое место на страницах книг этих людей. Сам Николай Иванович не напечатал ни одной книжки, он просто раздаривал свои знания другим. Мне, как дочери, было обидно за него — его имя даже не упомянули ни разу. Он сам никогда не сожалел об этом, потому что не был завистником и не искал славы, а, наоборот, искренне радовался успехам других.

Большие заслуги у отца перед Троицким кладбищем Красноярска. Он не жалея сил и здоровья, не один год приводил кладбище в порядок. Предприятия и организации всего города прислали сюда людей по его просьбе, а сам Николай Иванович являлся координирующим центром, руководителем всех работ. На Троицком кладбище, где лежат его родители и другие родственники, рядом с могилой архитектора Шарова, он и нашел свой последний приют.

ЮЛИЯ СТЕПАНОВНА КУЛАКОВА – ЧЕЛОВЕК - МУЗЕЙ

В 2008 году исполнилось 100 лет со дня рождения краеведа и музейщицы Юлии Степановны Кулаковой. Она очень хотела дожить до своего векового юбилея – это была ее мечта.

Мечта жизнелюбивого и очень оптимистичного человека. Этой мечтой она поделилась со своими родственниками и друзьями в день празднования своего 90-летия, когда, накинув на плечи подаренный яркий платок и с азартом приплясывая, говорила, что споет и спляшет на своем столетии. Она принадлежала к ангарскому роду долгожителей, и среди ее предков были те, кто перешагнул вековой рубеж. Но судьба распорядилась иначе, в 2000 году ее не стало.

Но остались ее дела и наши воспоминания о необычном Человеке, Личности, Краеведе. А главное – в г. Кодинске Красноярского края остался музей, созданный ее усилиями и носящий ее имя – Кулаковой Юлии Степановны. В свое время ее хорошо знали краеведы и музейщики как в Красноярском крае, так и за его пределами. И конечно, ее хорошо знали на родине, в

Богучанском и Кежемском районах. В короткий срок она создала в Кежме общественный музей, который получил в 1989 году статус государственного.

Жизнь Юлии Степановны вместила несколько эпох, почти весь XX век. Родилась она на Ангаре в год падения Тунгусского метеорита (как сейчас говорят ученые, Тунгусского феномена). Возможно, тогда и поселился в Юлиной душе «кусочек света» — света космического, не угасающего на протяжении всей ее долгой жизни.

Детство прошло в селе Заледеево Богучанского района (которое в связи со строительством Богучанской ГЭС и ликвидацией населенных пунктов, попадающих в зону ее затопления, в составе Заледеевского сельского совета в 80-е годы прошлого столетия было передано в административное подчинение Кежемскому району). Среди восемнадцати внуков она, шестнадцатая, была любимицей. Но воспитание в семье было традиционно патриархальным: уважение к родителям и старшим, умение и желание жить дружно, исполнение любой работы и трудолюбие, приучение ко всем крестьянским работам, рукоделию, воспитание ровного характера. Характер у Юли проявился рано, и об этом говорят детские фотографии.

Нет сомнений в том, что на формирование пытливого характера и безграничной любви к своей малой родине — Ангаре — повлияла неописуемой красоты природа, окружающая село Заледеево. Село расположено на живописном берегу в устьевом участке р. Чадобец — правого ангарского притока. С высокой береговой террасы открывается вид на всю безграничную ширину матушки-Ангары, а северная окраина села примыкала к таежной опушке. Тайга зеленым ковром покрывает и противоположный берег Чадобца, с живописным обрывистым яром, который местные жители называли «место гладкое».

Затем семья переехала в Бодайбо. Эти годы Юлия Степановна называла самыми лучшими. Она — в гуще событий, характерных для тех послереволюционных лет: стала комсомолкой, пионер-работником, активно

создавала пионерские отряды, проводила пионерские сборы. Когда в 1926 году семья возвращалась на Ангару, друзья-комсомольцы подарили ей на счастье семь слоников, которые стали ее талисманом до конца жизни. «Бодайбинская комсомолия дала мне путевку в жизнь!» — характерная фраза из ее письма. Они, комсомольцы 1920-х, искренне верили, что «комсомольская душа всегда остается молодой». Самое удивительное, что с Юлией Степановной так и случилось.

В 1926—27 годах Юля обучается в школе избача и ликвидатора неграмотности в г. Канске, затем ее направляют избачом на родину. Здесь, в д. Проспихино, она работает в Нардоме: обучает грамотности, играет в самодеятельности. Куда бы не забрасывала ее жизнь, она всегда стремилась быть в центре событий, стремилась заниматься чем-то полезным, и никогда комсомольский задор не оставлял ее.

Шли годы, но Юлия Степановна словно не замечала их. Она не собиралась с ними мириться, и решила заранее готовиться к пенсии. К такому неординарному решению она пришла в начале 1960-х. Юлия Степановна пишет о бодайбинской комсомолии в газету «Ленинский шахтер», ведет обширную переписку. В праздники она получала до 100 открыток. Так начиналась ее «жизнь на пенсии».

Она становится активным членом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Общества кинолюбителей. С увлечением осваивает фотоаппарат и кинокамеру, помогающие в краеведческой исследовательской работе, собирает многочисленные материалы о партизанском движении в Приангарье, публикуется в краевой и районной печати, оказывает помощь в создании школьных музеев. Тасеево, Енисейск, Сухобузимо, Ачинск... — это только часть тех населенных пунктов, что она объездила. Всего же по линии ВООПИК она побывала в четырнадцати районах края. Так шаг за шагом она шла к главному делу своей жизни — Кежемскому музею!

Трудно представить, что в 74 года можно взяться за организацию музея. В ее архиве есть фотография, запечатлевшая тот момент, - момент принятия решения. Юлия Степановна подписала фотографию очень точно: «... Тихая сосредоточенность с 20 декабря 1982 г.: получила предложение РК КПСС Кежемского района создать музей».

3 января 1983 года Кежемский райком партии принял решение о создании музея. В те годы создавались музеи и в других районах Красноярского края, но это решение не было данью моде. Для Кежемского района актуальность музея объяснялась серьезным обстоятельством: строительством Богучанской ГЭС, в результате которого все населенные пункты, попадающие в зону затопления ложа водохранилища, должны были исчезнуть с лица земли, а население переселено в другие населенные пункты вне зоны затопления. Вместе со всеми мероприятиями по подготовке к затоплению ложа водохранилища ГЭС неумолимо должна была исчезнуть самобытная культура ангарского старожильческого населения.

Музейный этап в жизни Юлии Степановны начался со стажировки в Красноярском краевом краеведческом музее (в январе 1983 года). Мало кто верил, что музей появится, но Юлии Степановне хотелось «быть еще чем-то полезной...». Так судьба в очередной раз возвратила ее на родину.

Она уезжает в Кежму. Создается Совет музея, начинается сбор предметов музейного значения. Первые экспонаты ютились в разных местах: амбар, чердак, комната (потом к ней добавилась еще одна) в музыкальной школе, затем две комнаты в здании райтопа. Сегодня вызывает улыбку такое анекдотичное обстоятельство, как ее должность, которую она заняла, приступив к музейной работе: ее записали в кочегары. По воспоминаниям М.А. Лящева, председателя районного исполнительного комитета, другой вакантной должности в райисполкоме просто не было, а должности музейного работника даже и не предполагалось. Он совершенно искренне говорит, что первоначально идея создания музея воспринималась с

определенной осторожностью и настороженностью. Требовались энергичные практические шаги, которые могли бы сломить этот барьер недоверия. Такие шаги Юлия Степановна делала ежедневно, как фактом пополнения коллекций, так и формированием музейных экспозиций.

25 сентября 1985 года в Кежме торжественно открылся музей. Первым его директором стала Юлия Степановна. Музей создавался всем миром, но нужны были ее характер, настойчивость, умение достигать цели, чтобы преодолеть все препятствия. Остается только удивляться и радоваться тому, насколько правильным оказался выбор районных властей. Даже у нее, такой стойкой, бывали минуты отчаяния. В одной из статей, опубликованных в районной газете «Советское Приангарье», Юлия Степановна признавалась в усталости от непонимания и равнодушия. Но проходило несколько дней, и она снова оказывалась в пути, в поиске новых экспонатов.

Для ангарской деревни примерно до начала 80-х годов XX века приезд любого человека — выходца из этой деревни был событием неординарным, а особенно человека, достигшего определенного положения в обществе, на службе или занимающегося необычным делом. Таким человеком, занимающимся делом необычным, и для родственников, и для друзей и знакомых была Юлия Степановна. Ее ждали, зазывали в гости, обсуждали житейские проблемы и новости, расспрашивали, с кем из родственников и хороших знакомых она встречалась в других деревнях Приангарья. Через нее передавали какие-то сообщения и новости, пожелания и приветы, иногда — гостинцы. А после отъезда Юлии Степановны долго и живо велись разговоры о ней, о ее «бродячем» образе жизни, о не совсем понятном занятии — собирательстве старины и вещей обиходных.

Отношение к собирательству будущих музейных экспонатов среди местного коренного ангарского населения было неоднозначным. Кто-то относился к этому занятию с большим пониманием и, как мог, способствовал обнаружению и сбору нужных вещей; другие относились как к занятию

людей блаженных и откровенно над этим посмеивались (и тут надо не забывать о менталитете коренных ангарцев — любителей «поподтрунивать»); трети же — с откровенным неприятием. В их числе были и близкие, и дальние родственники. При этом многие считали, что никакая вещь, а особенно имеющая утилитарное назначение, не должна уходить из хозяйства на сторону. Это расценивалось как дурной знак, который мог принести нежелательные последствия. Боялись тайного «сглазу» и откровенной неприкрытой «порчи», возможности передать (а следовательно, потерять) вместе с вещью мастерство, удачу, фарт.

В связи с этим в начале 70-х годов прошлого века произошел очень интересный и показательный, на наш взгляд, случай. У жителя села Заледеево Ивана Григорьевича Брюханова (дяди Юлии Степановны и деда В.И. Макулова, одного из авторов публикации) был «плисовый» костюм золотоприискателя. Этот фиолетовый, с «отливом», костюм незатейливого кроя представлял собой косоворотку и штаны-шаровары с обязательным аксессуаром — плетеным двухцветным поясом, украшенным небольшими кистями. С XVIII по начало XX века среди мужского населения на Ангаре практиковались отхожие промыслы. Они были связаны с солеварением, грузовым извозом по Ангаре в фактории на Подкаменную и Нижнюю Тунгуски и их притоки, на Лену и др. Одним из самых привлекательных направлений была золотодобыча. После окончания сенокосной и уборочной страды, ранней осенью, ангарцы сколачивали мини-артели и уходили на прииски на Лену, Бодайбо и на Удерей. Свое решение и время выхода старались не афишировать, «утти тихо и неприметно», чтобы «не сглазил никто и не отвратил от фарту». В составе такой мини-артели, состоящей из братьев, Иван Григорьевич оказался «на Бодайбо».

На склоне лет он охотно рассказывал своим внукам о разных забавных, поучительных и предостерегающих случаях, которые случались с ним, его артельщиками на приисках. О том, как фартило или откровенно не везло, о

полученной и упущеной выгоде, об изменчивости и коварстве фортуны. Как с обнаруженным самородком за щекой украдкой или сломя голову артельщики стремились добраться к прилавку заветной торговой лавки, чтобы успеть обменять его на продукты, мануфактуру и, в лучшем случае, на деньги, пока находку не изъяли «прикашник или урядник».

Не всем удавалось вернуться из приленской тайги. Вот и в артели деда одного из братьев погребло породой в результате обвала шурфа, другой умер от сильной кровопотери в результате полученной травмы. И Иван Григорьевич, который владел искусством заговора крови, всю оставшуюся жизнь клял себя за то, что не оказался тогда рядом «с браткой» и не смог заговорить кровь, «спасти братку».

В один из фартовых моментов Иван Григорьевич «справил» себе наимоднейший тогда костюм приискателя. Следующие семь десятилетий (а прожил он жизнь весьма насыщенную и по российским меркам продолжительную: родившись 19 января 1874 года, умер 30 июня 1973 года, на сотом году жизни) он надевал этот костюм только «на выход»: на деревенские гулянки, колхозные собрания и деревенские сходы, для походов в колхозную контору, которые он время от времени совершал «за ради приличия», чтобы «постырить» с председателем из-за своей неприлично малой восьмирублевой колхозной пенсии.

Несколько лет Юлия Степановна тщетно пыталась договориться с дядей, чтобы он передал ей этот костюм для музея. Не хотел он это делать даже за деньги. Аргументация отказа, на его взгляд, была более чем веской: «На што народу смотреть на мои подштанники?». Отдавал Иван Григорьевич свою «лопатину» (после очередных увещеваний его жены, Ульяны Кузьминичны) «через силу» и с величайшей неохотой. Решение принимал мучительно, тяжело: ведь он отдавал свою удачу, свой фарт, что среди коренных ангарцев не принято было делать. Впоследствии при встречах с Юлией Степановной строго спрашивал, действительно ли она взяла костюм

для музея и там ли, «в бузее», он находится.

Юлия Степановна, не имеющая высшего образования, как и большинство ее ровесников, прекрасно понимала высокое назначение музея. В создании музея ярко проявились общественная направленность ее натуры, ее лучшие человеческие качества. Музей был очень нужен району, славящемуся не только природными богатствами, но и ангарской стариной, песнями, уникальным ангарским говором.

Кежемский район относится к старожильческим, здесь сложилась самобытная культура, являющаяся симбиозом культур коренного тунгусского (эвенкийского) населения Ангары и переселенческого русского населения. Предки ангарцев заселили эти места в XVII в., а в наши дни, в связи со строительством Богучанской ГЭС, ангарские селения станут дном водохранилища. Потому-то и хотели ангарцы увековечить Память о предках, сохранить свою историю. Поэтому появился музей.

Целеустремленность и прирожденная дипломатичность помогали Юлии Степановне решать самые сложные вопросы, связанные с организацией музея. Ей удавался диалог с властью. Она умела находить подход ко многим, даже самым «упертым» землякам, ведь она тоже была ангаркой, носителем русской старожильческой культуры.

Процесс формирования этой культуры начался в период активного освоения Нижнего Приангарья первыми русскими переселенцами. Став основной транспортной артерией более чем на два века, Ангара приняла на свои берега переселенцев из разных регионов европейской части России, но ведущую роль в формировании потомственного населения Приенисейского края в XVII — начале XVIII веков сыграл северорусский переселенческий элемент. В течение одного-полутура столетий (к 60-м годам XVIII века) сложился социум потомственных русских старожилов, обладающих особенностями хозяйственного уклада, социальных отношений, культурных традиций. Исследователи вводят понятие «сибирские старожилы» (в

частности, даже в книге первого губернатора Енисейской губернии А.П. Степанова), старожильческое население выделяют в «особую русско-сибирскую народность» (А.П. Щапов). Историк П.М. Головачев ввел и описал понятие «сибирский характер». По его мнению, географические и исторические условия оказали влияние на особенности в характере, в умственном складе и даже во внешнем облике старожильческого населения Сибири. Во второй половине XIX века наличие у русских сибиряков черт специфического самосознания признается всеми исследователями. Комплексные исследования начала 1960-х привели к тому, что впервые русские старожилы были выделены как «особая сибирская ветвь русского народа», в начале XXI века вводится понятие «сибирский субэтнос». Во второй половине XX века огромный вклад в изучение самобытного ангарского фольклора и говора внесли ученые-филологи Красноярского государственного педагогического университета. В 1990-е годы педуниверситет выпустил несколько словарей русских говоров северных районов Красноярского края. И Кежемский район, как типичный сибирский старожильческий район, являлся одним из пяти районов Красноярского края, ставших объектами исследований. Особенности заселения и освоения Кежемского района способствовали формированию и сохранению на территории района компактной группы русского старожильческого населения. Этнографические особенности быта и культуры русского населения Приангарья, в том числе и Кежемского района, были широко исследованы Л.М. Сабуровой в 1950 — 60-е годы (Ю.С. была с ней знакома).

У этнографа Ф.Ф. Болонева есть замечательная характеристика сибирского старожила; в ней легко узнаются черты наших земляков: «Сибиряку свойственны широкая душа, бескорыстное гостеприимство, беззаветная храбрость, любовь к Родине, гордая независимость характера, вольнолюбие, уживчивость с местным населением, желанием прийти на помощь другим, поддержать бедного и слабого, предприимчивость и

сноровка в работе».

Кежемский район заселили в основном выходцы из Поморья: устюжане, сольвычегодцы, вычегдане, сысолыцы, вымичи, пинежане. Сегодня кежмарей можно определить по характерным фамилиям. Так, в Кежме наиболее распространеными были фамилии Лушникова, Брюханова, Кокорина, Верхотуровы; в Паново — Пановы, Савватеевы; в Усольцево — Усольцевы; в Привалихино — Привалихины... По результатам экспедиций Красноярского пединститута (1969—1972 гг.) в каждом населенном пункте Кежемского района имелись Брюхановы, Карнауховы, Верхотуровы, Сизых. По фамилии ангарец может почти наверняка определить, откуда ты родом, «верховской» или «низовской». Черты быта, способы охоты, рыболовства, одежды и терминологическая лексика отразили влияние эвенков на ангарцев. Малочисленность первоначального русского населения, особенно женского, приводила к возникновению кровнородственных связей русских и эвенков. В Приангарье до недавнего времени бытовало понятие «тунгусова родова», указывающее на родственников эвенкийского происхождения.

По Ангаре русские продвигались дальше: в ее верховья, в Прибайкалье, на Лену и далее на восток. В летний и зимний периоды по ней осуществлялся основной грузопоток — водным и санно-гужевым транспортом. Положение существенно изменилось со строительством Московского тракта, который связал Прибайкалье, Иркутск, Братск, Илимск с административным центром Приенисейской Сибири, минуя нижнее течение Ангары. Сократился поток переселенцев. Регион на длительное время оказался отчасти в изолированном (географически) положении. Эти факторы и предопределили формирование своеобразной самобытной культуры русского приангарского населения, в частности в поведенческом плане. Незнакомые люди, в том числе и переселенцы, вызывали определенную настороженность. К ним долгое время приглядывались, выясняя, что из себя представляет человек,

«не варнак ли, не лиходей?», насколько безопасно будет принять его в свой круг, в свое «общество». И если уж принимали, то принимали с сибирским радушием и гостеприимством. Своими успехами старались не хвастаться, о количестве пойманной рыбы, добытой пушнины и «мяса», собранных грибах и ягодах, об урожае на огороде особо не рассказывали. В ответ на вопрос: «Как в этом году ловится рыба?» — отвечали: «Сегоды худо, худо сегодня, а вот те годы — да! Вот те годы — да! Рыба была!..». Скрывали от других места удачливой рыбалки, ягодные и грибные места — «от сглазу и зависти». Старались жить с запасом, по принципу — «продуктов и прочего припаса в хозяйстве много не бывает», готовили «впрок», рассчитывая только на свои силы. Одной из характерных черт ангарцев была независимость, развитое чувство собственного достоинства — жить в достатке, но скромно, без излишнего разбазаривания припасов. Но желанных гостей встречали с радушием, старались приветить и угостить с размахом. В семейных отношениях во избежание близкородственных браков прослеживали родство до максимального количества «колен».

Открыв музей, Юлия Степановна, коренная ангарка, сумела выполнить поручение земляков, чем искренне гордилась. В 1994 году решением Кежемской районной администрации ее имя было присвоено музею. В 1995 году, на 87-м году жизни (!), она получила почетное звание «Заслуженный работник культуры РФ». Имя ее неразрывно связано с Кежемским музеем, с прекрасной ангарской землей. Недаром в шутку — получилось всерьез — мы называли ее «экспонатом № 1». Она всегда удивляла молодостью души, умением ценить и любить жизнь. Удивляли ее жизнестойкость, дипломатический дар, способность к поступкам.

Показательна в этом смысле громкая история с колоколом, случившаяся в 1989 году. В Кежму приехал представитель Енисейской епархии для того, чтобы забрать колокол из деревни Аксеново. Все разрешительные документы на вывоз колокола имелись, местные власти, в свою очередь, не

препятствовали. Нетрудно догадаться, что помешала всему этому Юлия Степановна, которая к тому же считала себя атеисткой.

Она первой добралась до Аксеново, что было очень сложно по тем временам. Люди встретили ее неприветливо, считая причастной к происходящему. В Аксеново давно не было ни церкви, ни часовенки, но остался колокол, который созывал и объединял людей. Без него невозможно было представить деревню. И Юлия Степановна подняла народ: собрался сход жителей, который принял решение не отдавать колокол. Когда священник приехал, резолюция уже была готова. С высоты сегодняшнего дня вызывает удивление и уважение ее гражданская смелость и позиция.

На этом испытания колокола не закончились. В 1993 году он исчез, и два года о нем ничего не было слышно. Неизвестным образом он вернулся из Челябинска. 18 октября 1995 года колокол был доставлен самолетом из Кежмы в Кодинск. Несколько лет он находился в музее, затем занял почетное место во вновь построенной церкви в Кодинске.

Время показало, насколько мудра была Юлия Степановна, не побоявшаяся в одиночку защитить колокол. Сегодня аксеновский колокол стал символическим памятником исчезнувшим ангарским селениям и тем селениям, где еще теплится жизнь до пуска первых агрегатов Богучанской ГЭС. Юлия Степановна мечтала о Памятнике ангарским селениям, и колокол, по ее мнению, занял бы в нем почетное место. Думается, такой памятник должен появиться в районе, который скоро безвозвратно изменит свой облик.

В 2010 году планируется запуск первого агрегата Богучанской ГЭС. Казалось бы, за эти годы (особенно с начала 1970-х) ангарцы должны были привыкнуть, смириться с предстоящим затоплением родины. Прошли Прощания в ангарских селах, организуемые по воле самих ангарцев. Казалось бы, многие из них, давно или недавно покинувшие родину и вроде бы пустившие корни на новых местах, должны смириться. Но... Чем ближе

страшная дата, тем сильнее боль за родину, сильнее осознание непостижимой потери, последствия которой нам еще предстоит понять, пережить. Наверное, поэтому возникли встречи-прощания в Красноярске, проходящие с 1997 года. Они помогают кежмарям-ангарцам жить, создают ощущение прежней жизни на Ангаре, собирают людей разных поколений. Но самые дорогие гости на этих встречах – люди старшего поколения, носители старожильческой культуры, культуры наших предков. Носители языка, песен, которые почти невозможно воспроизвести, а главное – яркие представители ангарского самобытного характера. Среди них баба Катя, Брюханова Екатерина Яковлевна, уроженка д. Заимка, ставшая талисманом наших встреч. В этом году ей исполняется 95 лет, и она является достойным представителем старожильческого русского населения Сибири, примером того, что представляет собой настоящий сибирский характер.

Особо хочется сказать о заслуге Юлии Степановны и в создании Книги Памяти. Остается в очередной раз удивляться той энергии, с которой она взялась за дело. В своей статье в «Советском Приангарье» (1993) она обращается к землякам: «...расскажите, как провожали на фронт своих близких, как верили в победу, как все смогли перенести – и боли, и невзгоды. Пишите. Общий сборник должен будет выйти большой памятной книгой. Сбор материалов – в музее». И, замечает: «Считаю, что особых забот о средствах, которые потребуются на издание книги, проявлять не нужно. Как говорится в пословице, будет день, будет и пища!». К 50-летию Великой победы Книга Памяти вышла. Снова Юлия Степановна оказалась права.

Судьба Кежемского музея складывалась до сих пор удачно. Думается, что первотолчок, заданный Юлией Степановной, продолжает действовать. В 1990 году музей начали перевозить в Кодинск. За 3 года (1990—1993 гг.) он трижды менял свой адрес, трижды открывался в новом районном центре. И каждый раз это становилось событием! Музей действует в Кодинске 19 лет, получив признание не только у ангарцев, но и у тех, для кого Ангара стала

второй родиной. Кежемский музей – живой. В нем живет ангарский дух, звучат ангарские песни и ангарский говор. Не каждому музею так везет. Юлия Степановна, вернувшись в Красноярск в 1996 году, ни на минуту не забывала о своем «ребенке» — так она называла музей. У К. Хадсона, известного европейского музеолога, есть оригинальное определение хорошего музея — это «... тот, из которого вы выходите, чувствуя себя лучше, чем когда вы в него вошли». Думается, что к Кежемскому музею это имеет прямое отношение.

Высокое общественное качество музея было отмечено еще при жизни Юлии Степановны. Музей трижды был победителем в краевом конкурсе «Вдохновение» в номинации «Лучший музей» (1994, 1996, 1997 гг.); на Первой Красноярской музейной биеннале (1995 г.) отмечен дипломом победителя в двух номинациях: за экспозицию «Ангарская старина» и видеофильм «Забытые в веках». Музей принимает активное участие в музейной жизни края. До сих пор музею везло на отношение со стороны властей. Пусть эта традиция, начавшаяся в теперь уже далеком декабре 1982 года, сохраняется и продолжится в будущем!

Отношение же земляков к своей многовековой истории и культуре выразил замечательный ангарец, ветеран Великой Отечественной войны, любимый учитель разных поколений кежмарей, народный поэт, создавший литературный Памятник малой родине, Алексей Федорович Карнаухов:

АНГАРСКИЙ ГОВОРОК

Люблю язык свой! Нет ценней подарка,
чем услыхать певучий говор наш.

Послушайте, как говорит ангарка,
старинной речи кежемской верна...

Возле крылечка детская коляска,
в нее глядится бабка, как в дуплë.

— Не спит, пестряк! — а в голосе-то ласка,

— Оно тут кто ли что за валеж?
Невестушка слегла. Сосить не стала...
Болеет натодель. Жалко ее мне.
— Не бай! Ловконька бабочка, баская.
Мне глянется. Как така уж с ней?
— Грудь остудила — осень ведь. Упрямые —
Ведь не оболокутся никовды!
Мне и самой не можется. Пью травы.
Сколь ни лечуся — нету леготы!
А ко поделаешь, с ним водиться нады —
Уж с челяденком будем сам? Мужик?..
Ой, девка, погляди-ка (вот досада):
Опеть дите голехонькё лежит.
Я толькё те сказала: ты не бейся
(он все все толкует, даром что дитё),
не выпрягайся, дитя, не кобенься...
Он, своедумный, все свое ведет.
Ну, суeta. А счас лежит, как барин.
Опрудился, поди? О-о, лыва? Виши?
Не совестно тебе: такой здоровый парень?
Ну, чо, бакряк, нагрезил и молчишь?
Ага, заговорил! Чего лопочешь?
Держать тебя, сердешный, нелегко —
Я вижу, что на ручки мои хочешь...
— Сколькё ему от роду-то?
— Сколькё?
Семь месяцев! Малой ишшо, не ходит.
А стенку у коляски вышибат.
У-у, отлевной!
-Он на кого находит?
-Он со шшеки на тятю пошибат.

Но до чего смиренный и спокойный!
Не расклевиши ни вжись, не загнусит,
И плачем не зайдется, мой маленый,
А если что неладно – закряхтит.

Легко, кажись, с таким-ту вот водиться,
А все ж таки жду не дождусь саму.

Лени-ка, мне, подруженъка водицы –
Я парнишонка на руки возьму.

Одинова я чуть не уронила...

Ой, святдух! Ведь не знаешь напереде...
-Он просит ись. Ковды его кормила?

Ишь, ребетенок тянется к груде.
-Хоть поднаумила! Ох, эти внуки:
лешак их знат, когда давать, чего.

Кормить их нынче надо по науке,
а я-то ко, я – никово!

Ведь я на чавканине подымалась,
коровьей титьке – была у тя, бовать:
сама рожком, поди-ка надсаждалась...

— Да, тоже всяка всячина была.

— Была... А время-то прошло дивно...

Чо дивоваться? Год наш не ланской,
а декуюсь, стара и незаживна,
от обезделья с ним вот день-деньской.

Ну ты, варнак, и верно хочешь жабать.
Давно, видно, пора тебе ням-ням.

Сейчас, родимый, кашу сварит баба.

Пойдем домой, уж поздо, отемням.

Все недосуг, не время - нет покоя:
То стирка, ребеночек, то куть.
Чаевничать бы надо нам с тобою,
А нековды Пока! Не обессудь!

Однажды зимуся (По Некрасову)

Я как-то зимуся шел хлестко из леса.
Туман, копотина – был хляшший мороз
Почти что впритрут я, саженей за десять,
Увидел с дровами саженными воз.
Гляжу, а навершной Петрунькиных Ванька.
— Откуля дрова-то таки? Не оттуль?
Он ажно запнулся, сказал мне: Взглянь-кя!
Ослеп ты ли чо ли – не видишь, откуль?
— Какэсь челяденок. А видно сноровку
Ты взаболь работник, как я погляжу
Неужто один ты набухал столь дров-ту?
— Нет, тятя накладыват, я – отвожу.
— А чо ты не возишь со старшим-то братом?
-Он палес решил, как лучину шшепал.
В шшеле завизил, заревел лихоматом,
Ночесь на пече все лежал, истывал.
— А чо оболокся в мороз легковато?
Ведь ты околеешь и не думашь нисколь!
Идешь голоушем, исподки дроваты...
— А чо я перстятки надену ли чо ль?
— Ну, ну, ты, я знаю, парнишка крепкушний
Ты сдюжишь, пожалуй, мороз нагишом...
— Ты чо, одичал? Посмолить бы дал лучше.
Вздохнул, почишал на глызу и пошел ⁵⁸

⁵⁸ Представляем краткий список литературы для изучения традиционного говора старожилов Приангарья и Енисейской губернии XIX–XX вв.: Андюсов Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII-90-х гг. XIX вв.: опыт реконструкции.- Красноярск. 2004.; Белоусова Г.Г. О взаимоотношениях русского и эвенкийского населения на территории Кежемского района. - Страницы истории земли Кежемской. Новосибирск, 2007. - С. 55-66.; Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. - Ленинград, 1975.; Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск, 1992.; Ангарский говорок.

Трудовая жизнь ангарки, комсомолки 1920-х, избача, началась в 1927 году в культпросвете и триумфально завершилась в культуре конца XX века. Не каждому удается оставить такой след на земле. Создавая музей, Юлия Степановна проявила лучшие качества ангарцев, истинных представителей классических русских. Уверены, что главным в ней был ее ангарский стержень, ангарский характер, во многом определивший ее судьбу. Будем же хранить благодарную память о тех, кто внес свою лепту в сохранение самобытной ангарской культуры. Спасибо и низкий земной поклон Юлии Степановне Кулаковой...

Карнаухова Л.Л.

Красноярский краевой краеведческий музей

Макулов В.И.

КГПУ им. В.П. Астафьевы